

Содержание

Материалы научных семинаров Центра изучения культуры народов Сибири.

Семинар «Культура народов Сибири в контексте мировой истории»

В.В. Иванов

**Семинар «Трансформация кочевых обществ Центральной Азии на
рубеже XX-XXI вв.» (по материалам полевых экспедиций в Центральную
Азию)**

Б.В. Базаров

Семинар «Образы Сибири в символике власти дореволюционной России»

Е.В. Пчелов

Научные статьи

Синтез культур и история народов Сибири

О.Ю. Рандалова

Культура взаимодействия этносов Забайкалья

(историографический аспект)

Ю.Ю. Жаркова

Материалы о бурятах в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала
Института востоковедения РАН: история, политика, этнография, фольклор

И.В. Кульганек

Соркуктани-беки в письменных памятниках Монгольского государства XIII в.
и его соседей

А.Н. Никитин

Река Селенга – главный приток озера Байкал

Е.Ж. Гармаев

Реферативные обзоры

Проблемы современного российского национального образования:

Реальность этноса: Материалы Международных научно- практических конференций; Вып. 1–8. СПб., 2001–2006.

Т.Б. Уварова

Образование для коренных народов Сибири

Т.Б. Уварова

Рецензии

Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика.

Лингвистика. М.: РГГУ, 2006.

Т.И. Хорхордина

Россия - Монголия – Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830 – 1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментариев и указатели *Р. М. Валеев, И. В. Кульганек*. – Казань: Издательство «Таглимат» Института экономики, управления и права, 2006. – 104с.

К.А. Эдлеева

Студенческие работы

Развитие малого бизнеса в Республике Бурятия

А.Н. Иванова

Сведения об авторах

**Материалы научных семинаров
Центра изучения культуры народов Сибири**

**Семинар
Культура народов Сибири в контексте мировой истории
(ноябрь 2006 г.)**

Вступительное слово

Т.И. Хорхордина

Постараюсь быть краткой, поскольку прекрасно понимаю, что вы пришли слушать не меня.

Моя задача, с одной стороны, облегчается тем, что всемирно известный ученый Вячеслав Всеволодович Иванов, выдающийся продолжатель традиций научного энциклопедизма, не нуждается в представлении.

С другой стороны, передо мной стоит сложная задача объяснить, почему мы решились на такой ответственный шаг – пригласить Вячеслава Всеволодовича выступить в рамках семинара Центра изучения культуры народов Сибири.

Зная чувство юмора нашего уважаемого гостя, я бы могла сказать, что мы пригласили его в наш Сибирский Центр, потому что до сих пор ощущаем себя без вины виноватыми перед ним.

Дело в том, что во время одной из его сибирских экспедиций некий черный шаман пытался колдовскими заклинаниями утопить его вместе со всеми спутниками в Енисее. Может быть, сам Вячеслав Всеволодович сочтет нужным поделиться с нами воспоминаниями об этом эпизоде, может быть, и нет – я знаю об этом из его лекций в «Русской антропологической школе» РГГУ.

Но дело, конечно, не в этом. Как видите, шаман оказался бессильным перед потомком «сибирского мамонта», как называли в молодости его отца –

Всеволода Вячеславовича Иванова, великого знатока особой духовности Востока, Азии, живого олицетворения сибирской души и сибирского характера.

Но, если говорить серьезно, то мы попросили выступить Вячеслава Всеволодовича потому, что тема Сибири сегодня приобретает особую актуальность.

Мне кажется, это связано с тем, что не только мы, россияне, мечемся сейчас в поисках рецепта выживаемости. Это общая для всего человечества и для каждого человека проблема. Может быть, только осознание всей глубины этой проблемы и придает смысл истории.

Если вы хотите получить истинное интеллектуальное наслаждение – прочтите об этом его книгу «Наука о человеке. Введение в современную антропологию» (М., 2004).

Это запись курса лекций, которые академик В.В. Иванов прочитал в нашем университете.

Так вот, основное содержание этой работы, как мне представляется, направлено против узкой специализации, которая губит творческое начало в человеке. Используя лексику Вячеслава Всеволодовича, такое одностороннее, *левостороннее* образование расщепляет мозг, уродует человека. Посмотрите в названной книге описание опытов Сперри или лауреатов Нобелевской премии Хьюбла и Визела.

Человек видит не глазами, а мозгом – нерасщепленным, целостным, в котором эстетическое, музыкальное начало, исконная, безотчетная тяга к прекрасному, играет не менее определяющую роль, чем рациональное, логическое начало.

Функции *правого* полушария еще каких-нибудь два-три десятка лет не привлекали особого внимания исследователей. В самом деле, это архаичная, «старая» структура, на которое левое полушарие – «молодое», с точки зрения эволюции человека – смотрит свысока, снисходительно, как смотрел бы современный ноутбук на гусиное перо и склянку с чернилами.

Продолжу аналогию – и на этом закончу.

На Восток, на Азию и, в конечном счете, на Сибирь, в технологизированной, роботизированной до бесчувствия «модели мира», до недавнего времени тоже был распространен аналогичный взгляд.

Но сегодня оказывается, что в стрессовой ситуации, в которой оказалась наша цивилизация, спасение состоит в том, чтобы задействовать наш Неприкасаемый Запас, нашу «архаичность». Когда я читаю работы Вячеслава Всеволодовича, мне кажется, что я слышу и вижу Ноя, собирающего перед угрозой всемирного потопа в свой ковчег все живое на земле.

Не является ли духовный Восток – в самом широком смысле этого слова – нашим спасительным ковчегом, а Сибирь с ее чистой душой – священным Байкалом – тем Араратом, который даст пристанище тонущему Западному архипелагу, то есть «левополушарным» цивилизациям, гибнущим от избытка бездуховного комфорта?

Думаю, теперь понятно, почему именно Ученый, мыслящий и чувствующий в планетарном масштабе, приглашен к нам в Сибирский центр.

Разрешите предоставить слово академику Вячеславу Всеволодовичу Иванову.

Сибирская культура в контексте мировой истории

В.В.Иванов

Я хочу сказать о нескольких вещах, важных для изучения Сибири, для определения места Сибири в истории Евразии, и, может быть, в общей истории человечества.

Сначала сделаю несколько общих замечаний, а потом дам вам возможность ознакомиться с распределением основных групп языков и этносов Сибири – по каждому объединению языков я сделаю небольшие исторические комментарии.

Это будет как бы введение в историческую географию языков и народов Сибири.

А затем я хотел бы немного сказать о том, что мы знаем или можем знать о мифологии и ритуалах народов этого ареала, в частности, по отношению к древности в связи с некоторыми вопросами археологического исследования – в частности, в связи с проблематикой, касающейся Южной Сибири, горноалтайских скифов и некоторых других племен, от которых остались археологические следы и которые позволяют кое-что узнать о прошлом Южной Сибири.

И в заключение – кое-что о связи этих элементов духовной культуры с другими частями культуры, в частности, материальной.

Такой у меня предварительный план.

По ходу, если будут возникать вопросы, вы можете меня спрашивать, потому что я не предполагаю, что всё, о чем я говорю, сразу будет понятно. Поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь.

Сначала скажу о некоторых общих вещах, которые касаются самого раннего, древнего прошлого. Это - роль Сибири в первоначальном расселении человека, то, что мы сейчас в биологии называем «человеком разумным разумным» (*Homo sapiens sapiens*) – дважды не потому, что мы стали особенно разумными, а потому что «разумный разумный» - это человек современный, в отличие от человека предыдущего типа – неандертальца, похожего на людей, но неандертальцы ещё не были людьми.

Homo sapiens sapiens, по данным современной генетики, основанной на изучении митохондриальной ДНК, то есть, того наследственного вещества, которое имеется в митохондрии, определенных частях клеток – по этим данным,

полученным несколько лет назад, расселялся следующим образом: можно наметить приблизительную картину расселения человека.

По стандартной схеме, которая сейчас принята большинством генетиков и историков, в частности, в нашей стране, расселение начинается из Африки.

«Человек разумный разумный», в отличие от неандертальцев, - человек с мозгом, уже очень похожим на мозг современного человека (хотя, как выяснено буквально в последний год, все-таки, немного отличавшимся от современного человека, мозгом).

«Человек разумный разумный» имел мозг и язык современного типа, хотя позднее некоторые существенные изменения добавили новые возможности к тому, что мог делать мозг нашего предка..

Этот человек стал расселяться по миру из Африки, где сложились первые группы людей разумных разумных – 100 тысяч лет назад.

Первые попытки оказались неудачными, потому что древние люди сначала пытались расселиться через Синайский перешеек, через часть, которая связывает Евразию с Африкой. Но Ближний Восток был занят неандертальцами. Предстояла большая борьба, к которой маленькие группы, пришедшие из Африки, не были ещё готовы. Поэтому они остановились.

Ближний Восток и Евразия остались за неандертальцами, а наши отдаленные предки по языку и мозгу некоторое время выжидали, а дальше стали двигаться по определенному плану, что меня поражает. Почему? Потому, что сейчас, когда вы смотрите на глобус, вы видите, что план был гениальный, но как он мог возникнуть в Африке у первых людей, и какова должна быть их культура – всё это загадочно. Это схема, которую генетики получают из наших клеток, поэтому приходится верить: другие науки в такое далекое прошлое не простираются. Мы можем только строить предположения.

Моё предположение, что всё-таки, может быть, чего-то мы недооцениваем. Потому что наши предки выработали такой замечательный

план! Они не стали повторять столкновения с неандертальцами на Ближнем Востоке, а отправились в обход, – видимо, используя какие-то первобытные плоты или другие средства передвижения по морю. Именно по морю – это опять-таки загадочно, потому что речь идет о времени примерно 60 тысяч лет назад до нас.

Никаких сведений о мореходстве того времени мы не имеем и не можем иметь. Можно надеяться, что успехи морской археологии сделают возможным находки каких-то следов или остатков самых древних способов передвижения по морю - в случае, если от настолько древних передвижений по морю или океанам могли остаться следы на дне. Но пока найденные в последнее время древние суда датируются всего несколькими тысячелетиями, что очень близко к нам по тому масштабу, который интересен для решения этих ранних проблем предистории. Для того, чтобы удостовериться посредством археологии самые ранние миграции из Африки по морю, нам нужно искать те средства передвижения, которые могли быть в распоряжении наших предков десятки тысяч лет назад. Кое-что уже сейчас можно рассчитывать получить из сравнения лексических данных о мореходстве. Есть слова, относящиеся к судам, лодкам, плотам, совпадающие или похожие в древних словарях разных семей языков - такие, как *nauH -: вы этот корень знаете из таких заимствованных слов в русском языке, как «навигация». «Наутилус» (название подводной лодки капитана Немо у Жюль Верна). Этот корень был в раннем индоевропейском праязыке и в его диалектах. У славян, как и у балтов и германцев, его перенесли на похоронный обряд, потому что мертвецов хоронили на ладьях, отсюда название смерти - «навь». Это слово как название судна, лодки, было и в раннем словаре семитов.

Интересную, но пока что мало разработанную область представляет сравнительное изучение мифов и ритуалов, связанных с передвижением по воде. Кое-что можно извлечь уже из компьютерной базы данных по древней мифологии, разработанной петербургским этнографом Ю.Березкиным.

Вышедшая (или выплывшая) из Африки группа древних людей постепенно двигалась по соседним с ней континентам и островам - первоначально, вероятно, вдоль побережий - от Юго-Восточной Африки (ее «рога») к Южной Аравии, Персидскому заливу, Индии на юго-восток к Индонезии, Новой Гвинее и Австралии, дальше через Тихий Океан и Океанию к Южной Америке (об этих переселениях см. в моих лекциях по введению в антропологию, недавно вышедших в издании РГГУ). По мере этого расселения древнее человечество распадалось на этнические и языковые группы. Их соотношение постепенно начинает выясняться благодаря тем сравнительным исследованиям, о которых я скажу дальше. Группы людей, освоивших Южную Азию, начинают двигаться через Центральную (Среднюю) Азию в северном и восточном направлениях и приходят в Сибирь. Другая их часть идет на запад - к Европе.

Первые свидетельства того, что человек появляется, в Европе – наскальные рисунки – классические, франко-испанской зоны.

Но вы знаете – по открытиям наших археологов – область этой древней наскальной живописи, архаической, верхнепалеолитической продолжается далеко на Восток, то есть, она доходит как раз до сибирских и центральноазиатских образцов. Человек того времени, оставивший первые археологические следы в виде живописи, расселялся по той схеме, которую я сейчас описал.

То есть, с точки зрения генетической теории расселения человека, на самом деле расселение этого будущего верхнепалеолитического искусства двигалось с Востока на Запад. Это не значит, что произведения искусства на нашей территории такие же сравнительно древние, но появляются относительно очень рано.

Последние генетические открытия, сделанные примерно год назад, говорят о том, что в этот период – около 40 тысяч лет назад, происходит радикальное изменение мозга: меняется генетика человека, происходит

последнее формирование личности человека (генетическое), готовится появление первых образцов искусства.

О значении древнего искусства я как раз пишу в одной из глав книги «Введение в антропологию», которая уже упоминалась, поэтому я сейчас об этом рассказывать не буду.

Что мы можем сказать о результатах расселения по отношению к Северо-восточной Азии, отчасти – в Центральной Азии?

Сравнивая языки и группы, говорящие на этих языках, я прошу вас сейчас посмотреть на схемы, которые вы держите в руках.

Я не буду говорить о деталях, но скажу об основных вещах: то, что я вам сейчас предложу, будет краткий обзор основных групп (семей) языков, представленных сейчас в Сибири.

По ходу изложения мифологии, извлекаемой из археологических памятников, скажу и о более раннем времени, а сейчас о том, что сохраняется на сегодняшний день. Я буду обозревать народы Сибири, начиная с Запада и дальше двигаясь на Восток.

Но сначала еще два слова, чтобы связать то, о чем я сказал - о расселении первоначальных групп «*Homo sapiens sapiens*» с тем, что мы знаем о теперешних языках. Мы сейчас полагаем, что, скорее всего группа, которая первоначально вышла из Африки, говорила на некотором одном языке. Его в популярной печати называют «языком Адама и Евы». Некоторые основания для этого есть, потому что они, правда, жили не в раю, который располагался на Ближнем Востоке, заселенном неандертальцами, но к югу от «рая».

Действительно, существовала маленькая группа людей. Может быть, она состояла не из двух людей, но из небольшого числа людей. Маловероятно, что из Африки могла двигаться большая группа людей, но постепенно она становилась всё больше. Эта группа, скорее всего, сначала говорила на одном языке. Об этом свидетельствует возможность сравнения между собой основных

– как мы сейчас их называем – макросемей, главных объединений семей языков на территории Евразии.

Работа была начата недавно умершим замечательным лингвистом С.А. Старостиным (сайт: starling@rinet.ru Вавилонская башня), который преподавал в Центре компаративистики РГГУ и одновременно в Институте сложных систем в Санта-фе (США). Вы легко найдете этот сайт.

Среди многих этимологических словарей разных групп языков на этом сайте – вы найдете также материалы, характеризующие совместные связи языков друг с другом. На основании этого сравнения мы приходим к выводу, что, по-видимому, была некая маленькая группа предков, которая двигалась из Африки в Евразию, расселилась по всей Евразии, включая Сибирь, но при этом распалась на несколько меньших групп. Вот их языки мы и называем праязыками макро-семей. Они, в свою очередь, распались на семьи языков. Возраст успешного выхода из Африки в Евразию, как я уже сказал – от 60 до 40 тысяч лет. По-видимому, этот общий язык, на котором говорили эти выходцы из Африки, существовал эти первые десятки тысяч лет. Где-то к моменту появления наскальной живописи (около 30 тысяч лет до н.э.) начинается его распадение, и дальше мы видим макросемьи языков на территории Евразии (и в других местах, но на сегодня нас интересует Евразия).

Это было примерно 20-15 тысяч лет до нас. Мы поговорим только о двух из этих макро-семей: обе они обнаружены нашими учеными в последние полвека.

Замечательный русский лингвист Владислав Маркович Иллич-Свитыч (к сожалению, он погиб в результате несчастного случая очень рано, ему было немногим больше 30 лет), успел сделать великое открытие: обобщил результаты работ некоторых своих предшественников и обосновал тогда еще ГИПОТЕЗУ, а сейчас уже можно сказать – теорию, которая принимается большинством крупных специалистов в этой области. Она говорит о том, что в

Евразии существовал некий общий язык, который датский ученый Педерсен еще в начале XX в. предложил называть ностратическим (от латинского *noset* – наш).

Я сейчас не буду говорить о подробностях терминологии. Замечательный американский лингвист, которого я, как и Иллич-Свитыча, имел счастье знать – Джозеф Гринберг, недавно умерший в преклонном возрасте, в том же или близком смысле употреблял термин Евразийский язык. Сейчас многие употребляют этот термин, но по-русски евразийский – Eur(o)-asian. Приблизительно, это совпадает со смыслом термина «ностратический» у Иллича-Свитыча. В своей схеме я сохраняю термин «ностратический», кроме одного случая, где ссылаюсь на Гринберга.

К «ностратическим» языкам относятся (подробно скажу только о нескольких подгруппах) – дравидийские (в Индии и несколько северо-западнее Индии), афроазиатский, или семито-хамитский (на Ближнем Востоке и в Африке), и картвельские языки на Южном Кавказе. Это те ностратические языки, о которых я дальше не буду говорить.

А теперь – о тех ностратических языках, о которых сохранились свидетельства до наших дней на территории Сибири. Что значит, сохранились в Сибири? Это значит, что волна распространения части языков дошла до Сибири, они там остались, и мы сейчас встречаем некоторых людей, которые ещё говорят на этих языках. С помощью их сравнения, мы можем доказать, что они – остаток того самого древнего населения.

Начнем с Западной Сибири.

Первая группа, о которой я хочу немного сказать, – уральские языки, которые делятся на несколько подгрупп. Первая подгруппа, которую вы знаете по её представителям в Европе, где они жили очень давно, – хотя это и не первоначальная область их распространения - финно-угорские языки. То есть такие языки, как финский, эстонский, венгерский и ряд других. Вот венгерский язык уже представляет непосредственный интерес для нашего с вами разговора, потому что про венгров мы точно знаем (этот факт документирован – один из

редких случаев), что миграция (переселение) народов произошла недавно (в сравнительном масштабе, ведь я оперирую датами порядка десятков тысяч лет), а переселение венгров произошло во времени порядка всего одной тысячи лет, в первом тысячелетии нашей эры, тысячу с небольшим лет до нас с вами. Точнее – 11 веков до нас предки венгров из Западной Сибири переселились на территорию современной Венгрии. Мы знаем, где они проходили, остались следы их взаимодействия со скифами. В современном осетинском на Кавказе (о событиях в Осетии вы читаете в газетах) и в венгерском языках сохранились следы венгро-осетинских связей. Напомню, что осетины – потомки скифов. О скифах мы еще будем говорить.

Очень важное обстоятельство – венгры прошли через скифов, взаимодействуя с ними. Они даже жили некоторое время недалеко от скифов. Точнее говоря, они жили на территории древней Хазарии, которая была ближним соседом древних славянских племен (восточнославянских, сосредоточенных тогда преимущественно на нынешней Украине и к северу от нее). Короткое время венгры находились около Киева (современного Киева), т.е. в районе на Днепре. От этого периода тоже сохранились документальные свидетельства, и после они двинулись через север Балкан к территории современной Венгрии, и вытеснили славян, которые там жили. Мой ученик Рональд Ричардс, в недавнем прошлом мой аспирант в Лос-Анджелесе, написал и защитил диссертацию о том славянском языке, который был, по-видимому, вытеснен венгерским. Мы достоверно знаем, что всё было именно так, потому что современный венгерский язык сохранил очень много черт, напоминающих два финно-угорских языка на территории Западной Сибири. Это ханты и манси (в старой русской терминологии - вогулы и остяки). Их языки - обско-угорские (их так называют, потому что они расположены близко к реке Обь).

Между прочим, живут они – вы, наверное, знаете из популярной печати и телевидения – в нефтяных районах. Если бы наша страна была устроена как Кувейт, и они были отдельной единицей, то ситуация была бы как в нормальном

арабском государстве, то есть, на каждого жителя приходилось бы очень много нефти и всего того, что с этим связано. Но наша страна устроена по-другому. Ну, вы когда-нибудь раньше могли видеть, скажем, по телевидению Черномырдина среди хантов и манси – он был «хозяином» их богатств. Ну, и так далее...

То есть это народы, вполне интересные для современности, а для нас, лингвистов, мифологов – просто кладезь, потому что они сохранили очень многое не только в языке, но в своих обычаях, поверьях...

Был очень талантливый специалист по документальным фильмам Лапиньш, он работал в Риге, погиб, к сожалению, в Вильнюсе во время перестрелки вокруг телецентра. Он снимал все происходившее в тот вечер в фильме, а его аппарат имел световой сигнал, на который кто-то из нападавших нацелился и выстрелил. Он сделал замечательный фильм к финно-угорскому съезду, – я был на международном съезде в Сыктывкаре в 1975 году, там собрались специалисты по финно-угорским языкам и народам. Нам показали этот фильм, я его видел ещё несколько раз. Мы дружили с Лапиньшем. Там замечательно показаны лесные идолы. У манси и хантов очень долго сохранялась языческая вера, их храмы, где они в лесах поклонялись своим старым богам, и ему удалось с помощью стариков найти и снять храмы. Это – одна из теперь весьма многочисленных кинопопыток сохранить то, что мы реально можем сказать о верованиях этого племени. О верованиях обских угров (хантов и манси) мы много знаем ещё и благодаря научной деятельности А.В.Чернецова – нашего замечательного исследователя, который много сделал для изучения шаманизма у обских угров. Очень рекомендую вам прочитать его исследования. Это исключительно достоверно. Чернецов лично был знаком с некоторыми членами племен, которые посвящены в шаманские тайны, поэтому там содержатся подлинные сведения о шаманизме, которые были в первой половине XX века вполне реальной, практиковавшейся религией.

Я еще вернусь к проблеме шаманизма.

Но что значит, они входили в состав большой финно-угорской семьи? Я вам сказал, что основная масса языков и народов, которые говорят на финно-угорских языках, находятся за пределами Сибири и даже за пределами Азии. Это языки, как уже названные мной, помимо венгерского, так и финский и многие ему родственные, как эстонский.

По разным данным, одна из очень древних групп на территории Европы – саами. Вы представляете себе, где живут саами? Это так называемая Лапландия, их еще называют лопарями, лапландцами. Они – обитатели самой северной части нашей Мурманской области в России, и, собственно, самой северной части Финляндии и самой северной части Норвегии. Вот этот небольшой район, который занимают саами. У них тоже очень долго сохранялся шаманизм.

Шаманизмом саами занимался человек, имя которого вам должно быть хорошо известно – не из-за его ранних юношеских занятий, а из-за более позднего периода его работ. Это В.Кандинский – великий художник, основатель абстракционизма. Он в юности занимался шаманизмом и шаманским искусством этих древних народов. Многие его идеи в области искусства связаны с его занятиями саами (лопарями). Приведу лишь один пример интересных занятий Кандинского.

Среди других особенностей шаманской культуры людей, которые тогда назывались лопари (сейчас мы их называем саами), он указал на существование у них собственных песен. Знаете, что такое собственные песни? Это довольно важное понятие для Сибири – я потом дойду до сибирского народа – кетов, у которых я сам занимался изучением собственных песен.

Собственные песни – как бы позывные человека, то есть музыкальный знак, который определяет его как человека, как индивида. Из современной культуры ближе всего – и это заметил Кандинский – это можно сравнить с лейтмотивами музыки Вагнера, когда на сцене появляется персонаж. Мы узнаем об этом, потому что возникает определенная комбинация нот. Комбинация нот –

индивидуальная мелодия, связанная с данным человеком. Вот это и есть некая аналогия собственной песни.

Кандинский открыл это у саами, писал о них. Он писал и о других вещах. Как этнограф, он тоже весьма интересен. Думаю, это существенный вопрос. Он оставил часть архива в России, когда уезжал. Потом он жил, как вы знаете, в Мюнхене.

Почему я немного больше остановился на саами? Потому что они наиболее интересны в рамках этнографии в плане распространения угро-финнов в Европе.

По данным генетики, большая северо-западная половина Европы (в общем, виде можно сказать – половина Европы, которую можно разделить диагонально, диагональной линией, которая бы шла поперек, отделяя северо-восток от юго-запада), примерно на протяжении последних 10тыс. лет имеет генетические черты, тождественные современному саамскому населению. А из этого следует вывод, что народы типа саами были в Европе, очень давно – хотя бы в этой части Европы, т.е., грубо говоря, в Финляндии, Норвегии т.д.

Тем не менее, возможно, первоначальное место обитания финно-угров находилось посередине – не в этой части Европы и не в Западной Сибири, а между ними, а именно, скорее всего, близко к Южному Уралу. В этом смысле название «уральские языки» совершенно неплохое. Речь идет о районе, близком к Южному Уралу и к северу Средней Азии. А причина, почему мы так думаем – в отношении финно-угров – заключается в том, что в финно-угорских языках есть просто огромное количество очень древних заимствований из индоиранских языков. Этих заимствований так много, что нет сомнения в том, что они когда-то находились в тесном контакте друг с другом, и это могло быть, по-видимому, только на территории Средней Азии или очень близко к ней - в Зауралье. Это было, когда еще финно-угры были едины, образовывали единство, то есть, когда обские угры еще не отделились, а угорские языки – предки прахантымансийского языка – еще не отделились от остальных финно-угорских.

В это время они контактировали с более южным индоиранским населением Средней Азии. Сохранилось множество слов, которые показывают наличие социального, экономического, культурного контактов, и они, несомненно, длились много веков. То есть, финно-угры жили там долго. Оттуда они расселялись в разные стороны. Обские угры ушли в Западную Сибирь.

Есть некоторые данные уже собственно сибирские, в частности, анализ названий мест в Западной Сибири показывает, что те, которые носят ханты-мансийский характер, появились сравнительно поздно. Был такой замечательный ученый Андрей Петрович Дульзон, я его довольно близко знал. Это был очень талантливый исследователь с довольно тяжелой судьбой, как всё то поколение – он был из волжских немцев, занимался немецкими диалектами Республики Немцев Поволжья. Когда началась война, всех ни в чем не повинных волжских немцев выслали. Его выслали в Томск. Он мне говорил, что его научная задача была такая: он лингвист, значит, он мог заниматься языками, но какими? Немецким языком он уже не мог заниматься, там немцев не было. Ему, как ссыльному, было запрещено выезжать за пределы Томской области. Поэтому он занимался языками, которые не были за пределами области, но при этом область была огромная, как все области в Сибири, так что он нашел и открыл достаточно много. Я об этом ещё буду говорить.

В частности, у него есть замечательные работы о топонимике, местных названий Средней Азии и Западной Сибири. Обско-угорские названия приходят поздно. Это соответствует тому, о чем я говорил, то есть, вся та группа, с которой я начал, - группа (относительно, по крайней мере, в масштабах указанного огромного времени), более позднего населения, теперь, правда, существенная из-за экономической роли соответствующих территорий.

Другое дело, что шаманизм и некоторые другие черты культуры у них уже общесибирского типа, они постепенно втянулись в те формы жизни, которые были и у других народов Сибири. Они переняли некоторые старые мифы и т.д.

Итак, первая подгруппа уральских (ностратических по макросемье) языков в Сибири – обско-угорская, принадлежащая к финно-угорской семье.

Вторая подгруппа, которая тоже относится к уральским языкам – самодийская группа.

По-видимому, название «самоеды» – это результат очень забавной народной этимологии - когда народ сам осмысливает, сам определяет смысл слова. Самодийский по-русски «самоедский»– как будто кто-то самого себя ест. Но, по-видимому, первоначально было: саамо-эдне, что на саамском языке означает саамская страна (второе слово - возможно ностратическое: хеттское индоевропейское *udne* «страна»).

Я вам сказал, что саами были древним населением самой северной части Европы. Возможно, уральцы потом и занимали самую северную часть Евразии, потому что сейчас самоеды занимают некоторую часть Севера Евразии, примыкающую с востока к Уралу, к Европе.

Первый из языков, который у меня назван в таблице, которая у вас всех на руках, – нганасанский.

ЭВЕНКИ
ЭВЕНЫ
НЕГИДАЛЫЦЫ
НАНАЙЦЫ

УЛЬЧИ

УДЭГЕЙЦЫ
ОРОЧИ
ОРОКИ

; ТУНГУСЫ
(ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ
РОДСТВЕННЫ ДРУГИМ АЛТАЙСКИМ-
МОНГОЛЬСКИМ, ТЮРКСКИМ, КОРЕЙСКОМУ,
ЯПОНСКОМУ)

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ЯКУТЫ
АЛТАЙЦЫ
ХАКАСЫ
ТУВИНЦЫ
ЗАПАДНО-СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

; ТЮРКИ

ШОРЦЫ
ДОЛГАНЕ
ТОФАЛАРЫ

 ; АЛТАЙСКИЕ

БУРЯТЫ МОНГОЛЫ

 (УРАЛЬСКИЕ, АЛТАЙСКИЕ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ-НОСТРАТИЧЕСКИЕ)

 ЭСКИМОССКИЙ
 АЛЕУТСКИЙ ЭСКАЛЕУТСКИЕ (НОСТРАТИЧЕСКИЕ)

 ЧУКОТСКИЙ
 КОРЯКСКИЙ ЧУКОТО-КОРЯКСКИЕ (ЕВРАЗИЙСКИЕ-ИЛИ
 ИЛИ
 НОСТРАТИЧЕСКИЕ?)
 ИТЕЛЬМЕНСКИЙ

 (УРАЛЬСКИЕ, АЛТАЙСКИЕ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ-НОСТРАТИЧЕСКИЕ)

 КЕТСКИЙ ЕНИСЕЙСКИЙ
 (ВМЕСТЕ С МЕРТВЫМ БОГСКИМ И ВЫМЕРШИМИ
 КОГТСКИМ, АРИНСКИМ, АСЛЫСКИМ, ПУМНОКОЛЬСКИМ)
 ВХОДИТ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКО-ЕНИСЕЙСКО-ГИБЕТО-КИТАЙСКУЮ
 МАКРОСЕМЬЮ (ВОЗМОЖНО ВКЛЮЧАЕТ ЯЗЫКИ НА-Д-НИ- В
 СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ)

К сожалению, эти народы сейчас с трудом сохраняются. Современные формы эксплуатации природы не только портят природу, но очень мешают традиционным формам жизни.

Традиционно все те народы, о которых я говорил по поводу Севера, живущие близко к Полярному кругу, – оленеводы. Их жизнь, их кочевья связаны с привычками оленей. И вот для оленей – мучительная вещь то, как мы начинаем разрабатывать ресурсы природы этих мест.

Например, когда проводится нефтепровод. Люди как-то это могут пережить, хотя для людей тоже возникают определенные трудности. Но для оленей переступить через нефтепровод – гигантская проблема. Я не знаю даже, что по этому поводу думают олени. На эту тему зоопсихологи пока не догадались провести исследования. У оленя есть некоторый запрет совершать действия, которые не предписаны его генетически заложенным поведением. А трубопровод – ведь такое препятствие, которое нельзя обойти, потому что, сколько вы ни идете вдоль него, все равно он будет продолжаться. Такого рода вещи не обдумываются, когда начинают рассматривать планы строительства.

И, к сожалению, на Таймыре из-за изменения традиционных условий жизни нганасанов остается все меньше.

Но, тем не менее, есть поселки, где они – в малом количестве – ещё живут. Кочевая их жизнь нарушена. Последние нганасаны описываются нашими учеными. Ученые говорят, что несколько из оставшихся жителей старшего поколения ещё говорят по-нганасански, но их, может быть, восемь, ну десять человек, причем это только старшие в семье, а уже сыновья и дочери говорят преимущественно по-русски, а внуки и внучки только понимают некоторые нганасанские слова и не говорят сами. То есть, язык, можно сказать, по состоянию на сегодняшний день – обреченный.

Вы знаете, что основная статистика умирающих языков вообще страшная – это касается и Сибири... Я всех призываю серьезно к этому относиться и понимать, что задача полевых исследований становится очень важной. До тех

пор, пока языки, обычаи и религии народов ещё сохраняются, надо туда ездить, записывать, делать фильмы, оставлять записи и т.д.

Я надеюсь, что, и Центр изучения культуры народов Сибири РГГУ будет принимать в этом участие. Я сам стараюсь помочь этому через отдел лингвистической экологии, то есть малых исчезающих языков, который мы недавно создали в Институте мировой культуры (я этим Институтом заведу в Московском университете). Отделом руководит член-корреспондент РАН А.Е.Кибрик. Он является главным организатором экспедиций по изучению малых языков России, которые регулярно ездят в удаленные части страны на протяжении почти полувека. В этом ежегодно участвуют студенты ОСИПЛ – Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ, А. Кибрик заведует Кафедрой структурной и прикладной лингвистики, руководит всей этой работой студентов, аспирантов и преподавателей Отделения). Есть и несколько других групп в нашей стране, в частности, в Петербурге, занимающихся исследованием малых языков, в том числе сибирских.

Вы знаете, что из 6 тысяч языков, которые есть сейчас в мире, т.е. из 6 тысяч языков, которые произошли от этого самого праязыка *Homo sapiens sapiens*, из них, по-видимому, к середине нашего века (XXI) века, останется в живых только 600 языков. Основная масса исчезнет, в том числе исчезнут много сибирских языков, о которых я сегодня говорил. Увы!

Второй язык, который я только упомяну в этой грустной связи – энецкий – он сейчас на грани вымирания. Их – энцев, осталось совсем мало. Несколько больше селькупов. Я сам лечился у одного селькупского шамана – лечился как? Мы с моим другом, ныне покойным, В.Н. Топоровым, пришли к шаману. Так просто к нему не придешь, а нужно придти по делу. Мы ему сказали, что хотели бы улучшить здоровье. Он начал с того, что поставил нам диагнозы. Топоров был довольно корпулентный мужчина. Шаман ему показал на живот и сказал: вот у тебя здесь нужно исправлять. А мне ткнул в голову – но я, надеюсь, что он ничего плохого не имел в виду, хотя у меня уже тогда бывало высокое давление,

так что я считал, что он, наверное, на это указывает. Трудность была в том, что потом он, помолившись своим богам при нас – по-селькупски, что было для нас интересно, набил себе рот песком. Буквально песком, т.е. он ел песок, обращаясь с молитвами, так полагаю, а потом смесь из песка со своей слюной должен был выплюнуть на нас. До живота В.Н. Топорова ему было легко дотянуться, до моего лба - труднее, но я не очень страдал от этого.

А что действительно создало уже психологические трудности: у него лежал большой столовый нож, довольно грязный, кстати... Так вот, он сказал: а теперь я должен порезать, ну как рыбку, только снаружи...

И вы знаете, он был немного пьян, но меня даже не так это останавливало, а то, что нож был совершенно грязный. И все-таки стать в какой-то степени кроликом для эксперимента я не решился, а он ещё и обиделся. Дело в том, что он уже был в экстазе, помолился богам, поплевал на нас, то есть, уже много было подготовлено, и стал меня убеждать. Он говорил: ну послушай, если бы ты своему доктору показался, и он бы тебе сказал – ложись в больницу, я тебя буду резать, ты бы согласился? Так почему же ты мне не даешься?

Он считал, что разные формы медицины вполне равноправны, и шаманская медицина тоже равноправна, не хуже обычной нашей...

Мы стали заниматься с Топоровым селькупками потому, что основной предмет нашего изучения в Западной Сибири были кеты. Я к ним потом вернусь, они входят в другую группу, поэтому рассказываю обо всех по порядку.

Но кеты живут в симбиозе с селькупками.

У них экзогамные запреты. Я не знаю, представляете ли вы, что это значит. Они не могут жениться на людях, которые входят в ту же половину племени. А поскольку племена становятся всё малочисленнее, для жителей селения возникает большой вопрос, откуда взять себе жену или мужа, поэтому полезно иметь рядом людей из другого племени.

Я думаю, это примерно та же ситуация, которая была в Древнем Риме. Вы знаете, что в Древнем Риме было несколько племен вначале, скорее всего, по этой же причине.

Во всяком случае, указывают некоторые этнографы, если существуют экзогамные запреты, то естественно возникают такие объединения нескольких этнически и лингвистически разных племен. Мне кажется, это очень важно знать. Так как это, к сожалению, не всегда учитывается археологами. Вот они раскапывают какое-то селение, и определяют, кто здесь жил, и при этом пытаются дать однозначный ответ, то есть, найти какой-то один тип, а на самом деле надо иметь в виду и другую возможность - там могут быть несколько этнических типов в одном селении.

Селькупы жили именно в таком симбиозе с кетами, поэтому мне пришлось заняться ими тоже. Это интересный народ. У них пока много поселений, и селькупский язык пока ещё представлен довольно широко. Пока еще.

Юкагиры – довольно загадочный народ. Их осталось очень мало, две группы говорящих на достаточно отличающихся друг от друга языках. По терминологии Гринберга, это евразийский язык, иначе говоря, ностратический язык, по-видимому, близкий к уральскому. На эту тему есть довольно много работ. Я сам немного занимался юкагирским языком, и думаю, правы те ученые, которые считают, что он как бы дальний родственник уральского. Я считаю, что такие синтаксические явления, как сочетания наречий места с местоимениями, в юкагирском близки к угорским (в частности, и венгерским) конструкциям и отражают очень древнее состояние. На самом деле есть разные точки зрения на юкагирский. Во всяком случае, язык достаточно интересный, но ещё недостаточно исторически изученный. Но ясно, что его место в этой общей перспективе выявлено менее отчетливо.

Но, несомненно, его место находится в ностратической группе. Это, несомненно, а вот насколько он близок к уральскому – все-таки ещё под вопросом.

Перехожу к следующей большой группе языков. Я буду говорить о ней более коротко.

Это в широком смысле слова алтайские языки. Вернемся к алтайским языкам.

Я еще буду говорить об искусстве алтайских скифов и их мифологии, а сейчас я имею в виду алтайский язык в широком лингвистическом смысле.

Это древний общий язык, который распался на несколько групп. Часть этих алтайских - в широком смысле слова - групп до сих пор представлена в Сибири, а часть находится в других местах Азии.

Я начну с тех, которые находятся за пределами Сибири. К алтайским языкам, в частности, относятся японский, корейский, об этих двух языках мы можем точно сказать, что они переселились в Корею и на Японские острова относительно поздно, то есть их движение было с Запада на Восток.

Также к алтайским языкам относятся некоторые из языков, представленных в Сибири. Я перечислю их в таком порядке – тунгусский, точнее, тунгусо-маньчжурские языки, (маньчжурский за пределами нашей Сибири - ещё пока не исчезнувший язык, хотя многие считали, что он исчез, но он сохранялся во множестве письменных источников, но также и в диалекте, который долгое время был в употреблении). Собственно, речь идет о двух разновидностях – маньчжурском и чжурчженском, который сравнительно недавно исследован нашими учеными. Это два древнеписьменных языка, причем чжурчженский – с иероглифической графикой по китайскому типу, хотя и отличной от китайского. Маньчжурский записан другими письменными знаками – алфавитного типа. Но эти языки - за пределами Сибири.

А в пределах Сибири к тунгусской группе относится довольно много языков. Я не буду сейчас о них много говорить, некоторые из них ещё довольно

широко используются – например, эвенский; на других языках говорит все меньше людей.

Тунгуссо-маньчжурские языки в некоторых отношениях имеют черты сходства именно с корейским и японским (лексическое сходство), и они относятся к восточной подгруппе алтайских языков. А к более западной группе мы относим тюркские языки, часть которых, как вы видите, представлены в Сибири, главным образом в Южной Сибири – на Алтае и в Хакасии (хакасский, шорский и другие), а также монгольские языки, которые тоже входят в эту большую алтайскую семью, в частности, бурятский язык. Сейчас выполнен огромный и важный труд по сравнению алтайских языков. Вышел трехтомный сравнительный этимологический словарь алтайских языков под редакцией С.А. Старостина.

Он сделан на основе английского языка, но в некоторых местах приводится смысловой перевод на русский язык. Издан он в Лейдене (Голландия) в 2003 году. Авторы - Старостин и Дыбо, вы её знаете, это наш преподаватель, и Олег Мудрак - очень талантливые люди из группы, которой руководил Старостин. Они внесли очень большой вклад в алтаистику - науку сравнительно новую. Вплоть до недавнего времени некоторые ученые отрицали реальность единства алтайской группы языков, но сейчас она признана. Поэтому возникает вопрос о прародине алтайских языков, то есть, откуда эти все народы пришли.

Я говорил о корейцах и японцах. Мы знаем, что они явно переселились из континентальной Азии, то есть, грубо говоря, из более северных областей Китая, близко к которому были расположены и многие носители монгольских языков.

Складывается представление, что многие из других языков, входивших в эту группу, с юга Сибири двигались по направлению к северу. Кстати, эта же идея лежит и в представлениях многих ученых относительно самодийцев. Я уже говорил, что самодийцы даже по своему названию близки к

саами. Тем не менее, есть идея, что движение самодийских языков тоже все-таки шло с юга, потому что север Средней Азии намного южнее, чем то место, где сейчас живут самодийцы. То есть, когда-то они из прародины всех уральцев в Средней Азии двинулись на север.

Складывается такое впечатление, что на протяжении длительного периода истории в Сибири происходило перемещение народов по оси: юг-север в сторону севера. Это значит, что другие народы, двигавшиеся с Юга, как бы теснили всех, кто находился в лучших, южных землях. Ясно, что жить ближе к Тундре, к области вечной мерзлоты гораздо труднее, и переходить на оленеводство от кочевого хозяйствования, где ту же роль играют лошади и быки, трудно. Поэтому это происходило вынужденно, по необходимости. Это наблюдается в истории многих перечисленных мною племен – и уральских, в частности, самодийских, и алтайских.

Для того чтобы быть исчерпывающим в перечислении ностратических («нашенских») языков на территории Сибири я, должен не забыть РУССКИЙ, который в качестве одного из славянских языков принадлежит к индоевропейской подгруппе ностратических языков. Я напоминаю, что ностратические языки – это кроме перечисленных – уральских и алтайских - еще названные мной выше дравидийские и картвельские, а также афро–азиатские (семито-хамитские) и индоевропейские.

В последние годы выдвигается всё больше аргументов в пользу того, что две следующие группы языков тоже принадлежат к ностратическим, возможно, и некоторые другие языки северо-востока Евразии также, по-видимому, нужно отнести к ностратическим.

Это – эскимосский и относительно близкий к нему алеутский (на самом деле, эскимосский – целый конгломерат языков, но здесь я имею в виду язык азиатских эскимосов, которые довольно давно живут на этой территории). Но они тоже, видимо, пришли далеко с юга.

Как показывают исследования последних лет, в частности, упомянутого мной Гринберга, нужно, по-видимому, отнести к ностратическому и чукотско-корякские языки (три языка – чукотский, корякский и ительменский, или камчадалский) с очень интересной культурой, близкой к эскимосам, но они близки *эскимосам* не по языку.

И, наконец, совершенно загадочным, и непонятным представляется в отношении классификации нивхский язык (Гринберг его тоже относит к евразийским, то есть, ностратическим, но многие специалисты сомневаются). Там есть некоторые общие слова (ностратическое названия собаки, например), но они могут быть просто культурными терминами, которые распространяются по всему ареалу независимо от языкового родства.

Я закончил рассмотрение ностратических языков и тех, которые к ним примыкают. Осталась подгруппа, о которой я говорил в начале. Она сейчас немногочисленна, но очень важна для истории. Кроме того, это именно те языки, которыми я сам довольно много занимался.

Это кетский язык сейчас, и я был в Сибири, когда там были живы еще несколько старух, которые говорили на одном языке, близкородственному кетскому. Они его называли югский (*югон*). Это языки самых южных поселений по Енисею, в районе Ворогова.

Я знаком с семьями этих старух - сыновьями и женами сыновей, и с внуками, внучками – они уже не знают языка, только определенные слова, то есть, югский язык умер буквально на моих глазах. К сожалению, сейчас, когда я читаю лекции в Калифорнии, я становлюсь свидетелем гибели многих языков. Буквально на моих глазах исчезают их представители - например, еще в 1989 г. было живо несколько людей старшего поколения, тогда еще говоривших на одном из старых американских индейских языков области Лос-Анджелеса – серрано. Сейчас остался только один сын этих людей, который знает язык пассивно, комментирует тексты, записанные от его матери и тетки. Но вот в Сибири такое роковое впечатление оставила гибель югского языка, причем,

знаете, это похоже на сценарий для страшного фильма – что-то вроде поздних вещей братьев Стругацких.

Я довольно долго ждал одну из последних старух, которая вернулась с рыбной ловли, вы знаете, все старики и старухи были в спортивной замечательной форме до очень глубокой старости, они занимаются охотничьим и рыболовецким промыслом... Она вернулась из целой такой экспедиции по Енисею, привезла рыбы для семьи. Я ей сказал, что давно её жду, хочу записать образцы её языка. Она сказала: хорошо, я тебе расскажу. И рассказала мне историю, почему юги исчезли. А история такая.

Наверху, на небе (это у них общее представление с кетами) – есть один бог, его имя – это также и имя неба - ЭсьУ Эся была жена, её звали Хоседэм

Кетский черный шаман пытался меня и всю экспедицию, которой я руководил, утопить в Енисее, все-таки удалось кое-что. Он (а вернее - как бы по его наущению, что ли, матросы, высаживавшие нас с большого теплохода, перевернул лодку, на которой мы ночью должны были доплыть до берега. Я довольно долго был под дном лодки – знаете, это не очень весело. Полночь... Я нащупывал руками дно, пытаюсь выбраться из-под лодки, которая меня накрыла, наружу, к поверхности воды. На мне было снаряжение, рюкзак с промокшими записями кетского и югского языков – записи остались, но слова расплылись – результат этого погружения. Так вот, этот черный шаман наутро – мы таки до него добрались, - он усмехался и рассказывал, почему черные шаманы так хотят убивать людей. Они служат Хоседэм. В мифах - Хосэдэм – старуха, мать. Есь – небо, бог. А Хоседэм провинилась – у них был общий сын с Эсем, они жили на небе. Она пустила сына гулять, а было холодно, и он отморозил себе руки. Ну, это ещё ничего, а дальше то, что случилось с сыном, - уже история гибели всего племени югов.

Я ее расскажу, начав с того, что Эсь разгневался из-за судьбы сына на Хоседэм, и сверг ее с неба. Это нечто вроде нашей европейской истории

Люцифера, или падшего ангела и так далее, но черный шаман давал мне довольно четкий и подробный адрес. Он говорил: ты знаешь, сейчас Хоседэм живет там, где Енисей впадает в Северный Ледовитый океан. Там есть остров Диксон, и на этом острове живет Хоседэм. Она питается душами мертвых. Поэтому черные шаманы должны поставлять ей души мертвых.

От черного шамана возвращаюсь к одной из последних старух, еще говоривших на югском языке. На этом языке она мне рассказала историю о причинах гибели всех югов. Сын Эся и Хоседэм, по поверью югов, умер таким образом: его превратили в гагару, и он в образе гагары падал с неба. А гагара во многих местах Сибири считается не очень хорошей птицей. В неё юги бросали камни. А он, падая, кричал... Видимо, это имитация чего-то в крике гагары – я такого чувства не испытывал сам, но, очевидно, для носителей югского языка, есть в крике гагары что-то похожее на слова «ат кет», «кет» в кетском языке – «человек»; «ат» - я, «кет» - человек, т.е.: at ket “я – кет”. То есть, “я – не гагара, я – человек”. А они думали, что это просто крик гагары, и убили его. Поскольку они убили сына главного бога, они должны исчезнуть. Это мне рассказала одна из последних старух, которая говорила на югском языке.

Это была большая группа языков. Они описаны немецкими путешественниками, работавшими по заданию Императорской Академии наук в XVIII в. Вы знаете, что по совету великого Лейбница, Петр I основал Академию наук. Лейбниц дал ему два совета: основать Академию и велеть академикам описывать все языки Российской империи. Петр очень верил немцам, поэтому он пригласил многих немцев в Академию. И в чем-то он был прав, потому что эти люди с немецкой аккуратностью исполняли распоряжение, ездили по Сибири и писали.

Данные их бережно хранились, а недавно опубликованы. Они стали нам доступны только в недавнее время, когда мы начали заниматься кетским, югским и другими языками. Но оказалось, что кроме кетского и югского там

было ещё несколько языков этой же группы – асанский, пумпокольский и другие.

Один из этих языков, исчезнувших раньше югского, был ещё жив в XIX в., когда Сибирь посетил великий исследователь финского происхождения Кастрен – о нем создана целая литература. Это был гениальный человек, который описал все языки, о которых я вам сегодня рассказываю. Он все их знал, и описал в замечательных книгах, я очень люблю ими пользоваться. Там все исследовано очень глубоко. Кастрен описал не только кетский и югский языки, но и коттский (котт – с двумя «т»).

Коттский язык, который после XIX в. исчез, был отличен от кетского. работал над этим мертвым языком, как и над кетским и югским, в наше время и талантливый ученик Дульзона Вернер, потом уехавший в Германию. Несколько ученых, среди которых был мой друг В.Н. Топоров и вся группа, которая ездила с ним и со мной к кетам, занимались их языком довольно долго. Издали несколько кетских сборников. Потом к нам присоединился С.А.Старостин, который произвел сравнение кетского языка с кавказскими, и тибето-китайскими языками, которыми он тоже занимался. Он доказал, что это одна макросемья языков. Он её называл «сино–северокавказская» семья языков, но точнее – это северокавказско-енисейско-тибето-китайская семья. Это коттский, югский и другие языки. Иногда в нее включают и языки на–дене в Северной Америке – на Аляске.

Вы видите, трудно понять, как эта семья возникла, потому что все – таки Кавказ довольно далеко находится от Енисея.

А.П.Дульзон, о котором я уже говорил, произвел замечательное сравнение названий рек Средней Азии. Он пришел к выводу, что в северной части Средней Азии названия рек – енисейские. То есть, енисейцы тоже были вытеснены со своих мест обитания, и пришли на Енисей с далекого юга.

Есть некоторые очень интересные лингвистические данные, которые позволяют кое-что сказать в этой связи. Вы знаете, несомненные факты – их

Дульзон тоже начал уже понимать, говорят об очень древних контактах енисейцев с индоевропейцами, которых никогда не было в Сибири. Это могло произойти только в Средней Азии, или потом во время каких-то переселений народов. У них, скажем, общее название лошади (то, что вы знаете на латыни equus), практически совпадает с древне-енисейским названием, и так далее.

Может быть, ещё более интересная вещь – в индоевропейских языках есть следы взаимодействия с енисейским. Енисейские языки были настолько культурно значимыми, что носители очень ранних индоевропейских диалектов, в частности, германского праязыка (примерно 4 тыс. лет назад), некоторые слова заимствовали из енисейского.

Где и как это происходило – очень интересный вопрос, но одно безусловно, это было значительно дальше на Запад, чем Сибирь. Значит, в Сибирь носители языков, позднее ставших енисейскими, приходят относительно поздно (в масштабах большого времени).

На этом закончу обзор происхождения языков по семьям.

Теперь скажу о вещах, которые относятся к исчезнувшей (вы уже получили картинки?) – южно-сибирской культуре, которые раскопаны нашими археологами. То, что я сейчас показываю, это раскопки Руденко 1949 года. Эта экспедиция работала несколько лет. Те из вас, кто бывает в Санкт-Петербурге, обязательно пойдите в Эрмитаж и посмотрите залы, которые посвящены горно-алтайским скифам. Это потрясающе красивые вещи. Сейчас я хочу, чтобы вы посмотрели некоторые картинки.

Это всадники, лошади и некоторые интересные животные, в частности, даже есть картинка существа с рогами в движении, правда, неполностью сохранившаяся. Это, естественно, олень. Это были животные, важные для северных оленеводов. В Пазырыкском кургане на Алтае нашли в захоронении принесенных в погребальную жертву коней, на которых были маски оленя. Эти изображения драгоценны тем, что они позволяют понять, как осуществлялся перенос функций главного транспортного средства с коня на оленя и как это

проявлялось в ритуалах по мере втягивания южной кочевой культуры в обычаи северной - полярной, тундренной.

Детали совпадающих обрядов похорон позволяют сопоставить горноалтайских скифов с европейскими скифами и родственными им по языку иранскими племенами. В искусстве их объединяет звериный стиль, ярким представителем которого было горноалтайское скифское искусство. Археологические данные можно сопоставить с выводами генетиков. Они пришли к заключению, что на Алтае обнаруживается группа племен европеоидного типа. То есть, типа, характерного для европейских народов, а не того типа, который мы хорошо знаем у большинства перечисленных мною народов Сибири. По-видимому, часть этих народов из мест обитания около степей североприкаспийского ареала, древняя культура которого, близкая к древнеиранской, раскрывается находками в Южном Зыуралье - Синташте и Аркаиме, двигается на Алтай. Обитатели ареала, южного Зауралья- области Ясинташты-Аркаима - были металлургами, они выплавляли мышьяковистую медь типа той, которую изготавливали в древних культурах Кавказа. Позднее эта культура передвигается на Восток – в ареал Петровской культуры. Данные материальной культуры позволяют проследить переселения этих народов. Носители культуры, исторически связанной с Синташтой и Аркаимом, потом переселяются на южный Алтай, в Хакасию, современную Туву и далее . Они переселились и дальше на юг. С ними связывают появление языков индоевропейской группы – многих иранских и тохарских (А и Б) на территории китайского Туркестана. Там как раз очень много письменных текстов первого тысячелетия нашей эры на всех этих языках. Но это уже далеко на юг от Сибири.

Алтай был местом, откуда некоторые (как енисейцы) двигались на север, а вот эта группа, часть иранцев (горноалтайские скифы) и возможно тохары (судя по общности фонетики и словаря, контактировавшие перед этим с

уграми), двинулись на юг. Их мифологию, можно частично восстановить, воспроизвести по этим находкам (вы кое-что видите по этим картинкам).

Теперь я хотел бы ещё остановиться на вопросе о следах самой древней мифологии на юге сибирского ареала.

В современности, – если не говорить о наслоениях современной культуры, -действующей и практикующейся религией является шаманизм. Я рекомендую вам, если вы не читали – посмотреть книгу, которая вышла в русском переводе – Мирча Элиаде – известного исследователя истории религии - о шаманизме. Книга основана главным образом на исследованиях наших ученых, поэтому я бы мог вам назвать и много наших оригинальных книг, но Элиаде просто суммирует все. Там есть большая библиография, поэтому полезно начать с его книжки.

Я думаю, сибирский шаманизм в окончательной форме распространился у всех народов Сибири, за маленькими исключениями. Очень мало затронуты шаманизмом нивхи, но я вам говорил, они и по языку отличаются.

У большинства народов Сибири шаманизм распространялся в более или менее похожей форме и в сравнительно недавнее время. До этого, по-видимому, существовали довольно разные формы верований, разные мифы, которые только частично удастся восстановить. Но то, что мы узнаем об этой самой древней мифологии, оказывается необычайно интересным.

Я немного скажу только об одной поразительной проблеме. Довольно много в последнее время сделано для сравнительного изучения мифологии всех американских индейцев. Большую работу провел знаменитый французский этнолог Леви-Стросс. Его основные книги – четырехтомник «Мифология американских индейцев», «Путь масок» и другие. Они изданы на русском языке, вы можете их прочитать.

Леви-Стросс, в частности, в последних томах своего большого исследования приходит к выводу, что есть один миф, который одинаков у индейцев самых труднодоступных районов Бразилии и у индейцев в скалистых горах в Северной Америки, и, несомненно, значит, это миф древнеамерикано-индейский. И он занесен был первыми обитателями Америки.

Раз это так, посмотрим, что происходит в Сибири, потому что Америка хотя бы частично заселялась через Берингов пролив. Оказывается, наиболее близкое соответствие этому мифу обнаруживается не в Восточной Сибири, а в Западной - в частности, у кетов. У них я нашел два варианта мифа, полностью тождественных мифу американских индейцев.

Я написал об этом Леви-Строссу, и он со мной согласился. И потом одна исследовательница хантов нашла у них хантыйский миф – тоже такого рода. Но, как вы понимаете, к хантам он попал сравнительно поздно, когда они переселились в Западную Сибирь. То есть, мифология – общая с североамериканскими индейцами, – существовала на этой территории и до переселения туда угров. Миф обнаружен и южнее - у тюркоязычных тофов (тофаларов), к ним миф тоже должен был попасть позднее.

Миф начинается с рассказа о том, как молодой человек отправляется на охоту и попадает к большому дереву. Внизу у дерева большая шаманская люлька, в ней можно даже покачаться. Он начинает взбираться по дереву вверх, до самого неба, но, не доходя до неба, видит гнездо с орлятами. Орлята, птенцы орла, пугаются молодого человека и начинают пищать. И тогда прилетает орел и говорит: "Не трогай моих детей, а за это тебе дам... ну, там разные вещи, например, орудие для изготовления огня".

То есть, миф как бы о сибирском или американско-индейском Прометее. О том, кто добыл огонь для людей. Добыл вот таким образом – в обмен на обещание не трогать орлят.

Но потом оказалось, что миф известен и другим древним народам мира, то есть он, по-видимому, распространялся среди многих мест расселения

Homo sapiens sapiens. Его можно обнаружить в одной из древнейших письменных поэм человечества – шумерском тексте, герой которого – Лугальбанда.

Я очень рекомендую вам посмотреть в Интернете сайт Березкина – исследователя народов Древней Америки и Тихого океана, в частности и народов Сибири. Он работает в Петербурге, в Институте этнографии. И создал большую компьютерную базу данных по мифологии всех ареалов, включая сибирские. Там есть очень много интересного для восстановления древних мифологических мотивов.

Последнее, о чем я хотел сказать, как эти черты духовной культуры связаны с искусством и с материальной культурой.

Есть замечательная серия книг, изданная моим тезкой, ленинградским этнографом С. Ивановым – книги об изобразительном искусстве народов Сибири, об орнаменте, о скульптуре и других формах деятельности, соотносимых (как скульптура) и с материальной культурой. Это изумительные книги с огромным материалом, объединяющие все, что сделано по разным народам Сибири. Там масса иллюстраций. Это в своем роде «Энциклопедия древней Сибирской культуры». Они показывают, что Сибирь – единая область, в которой все народы (которые я разбирал) с точки зрения лингвистики как разные народы, - они все-таки в результате создали единую систему с общим для них шаманским искусством, шаманским ритуалом и его атрибутами. Это, прежде всего, шаманский бубен – основное орудие шаманов. Вы знаете, что советская власть, которая и до них добралась, устроила такое страшное мероприятие, официально называвшееся «раскулачивание шаманов». Оно заключалось в том, что у шаманов отнимали их бубны, чтобы они не имели возможности созывать людей на сборища.

Другая черта, общая для разных сторон шаманского культа, – шаманская одежда, шаманский костюм, и всяческие металлические предметы, которые навешиваются на шамана. Это изображения разного рода

мифологических существ, воплощений богов и демонов, которые следят за разными органами человека. То есть, когда шаман исцеляет человека, он совершает обряды, связанные, предположим, с демоном, который следит за вашими глазами. Если у вас болят глаза, то он будет обращаться к этому демону.

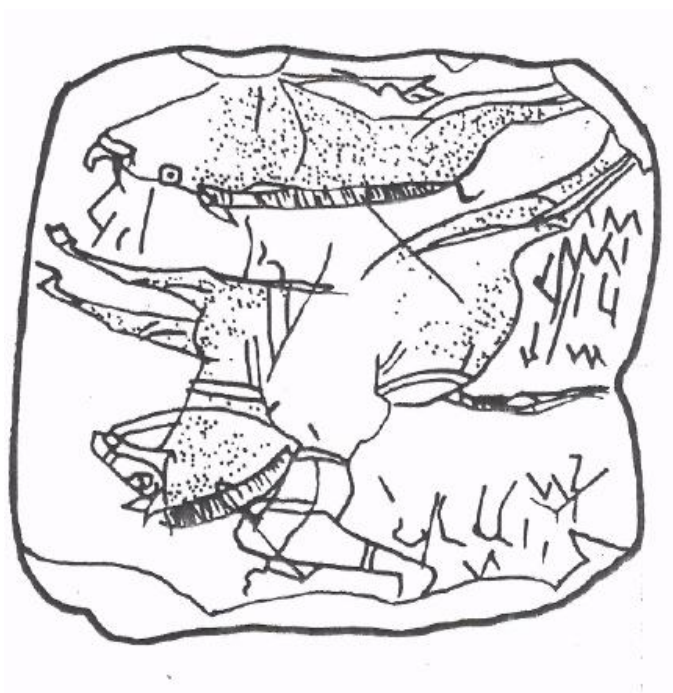
Одна из интереснейших проблем, которую частично описывает Элиаде, – вопрос о том, каким образом обычаи, связанные с духовной и материальной культурой шаманизма, соотносятся в Сибири с шаманскими культурами и их особенностями в других частях мира – в той же Америке или на юго-востоке Азии. Но это только начало исследований, мы пока можем об этом сказать не так много. Это, несомненно, важная область сравнительного изучения религий, но пока все-таки мы, базируясь только на уже известном, не так много можем сделать. Правда, база данных Березкина кое-что об этом говорит

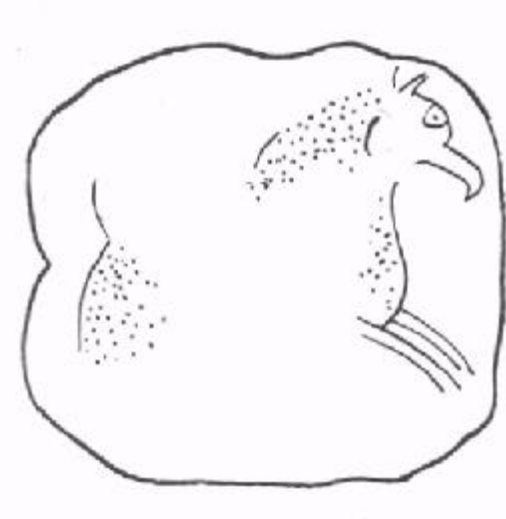
Например, у сибирского (тунгусского) племени орочей в мифологии несколько солнц, лишние сбивает мифологический герой. Этот сюжет развит поэтом Велимиром Хлебниковым в его «заповести» «Сын Выдры». Этот сюжет известен в мифологии австронезийских племен на Тайване.

Из многих возможных иллюстраций к проблеме древних истоков сибирских обрядов и мифов приведу только одну. Это касается медвежьего культа и связанного с ним медвежьего праздника у разных народов Сибири и соседних ареалов (включая айнов, древнего исконного населения Курильских островов и части Японии). Детальный анализ медвежьего культа дан в исследовании Е.Алексеевко – талантливой петербургской исследовательницы культуры кетов. Она развивает идею существования двух основных видов медвежьего культа. Один представлен у нивхов (также и айнов). Медвежонка воспитывают как члена семьи. Потом для такого семейного медведя делают клетку (у айнов в их поселениях перед каждым домом стояла клетка для медведя). Кеты полагают, что медведь, имеющий душу на подобие человеческой, входит в основную социальную структуру племени. Племя состоит из двух половин. Когда после успешной охоты на медведя устраивают медвежий праздник, кеты

гадают по костям убитого медведя. Они хотят получить ответ на вопрос, в какую из дуальных половин племени входил убитый медведь. Общие поверья и обычаи, связанные с медведем, показывают, что есть общесибирские черты мифологии, корнями уходящие в глубокую древность.

Изучение такой общесибирской мифологии составляет одну из интересных задач сравнительного исследования культуры народов Сибири.

Семинар
Трансформация кочевых обществ Центральной Азии на рубеже XX – XXI
вв.
(по материалам полевых экспедиций в Центральную Азию)
(январь 2007 г.)

Вступительное слово

Т.И. Хорхордина

Уважаемые коллеги, гости и друзья нашего Центра!

Прежде всего, разрешите поблагодарить видного сибирского ученого, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Российской Академии наук Бориса Вандановича Базарова за то, что он нашел возможность найти в своем напряженном рабочем графике время для встречи с аудиторией слушателей в стенах Российского государственного гуманитарного университета.

Мне недавно довелось побывать в нескольких крупных научных учреждениях Сибири, и могу лично засвидетельствовать, что в их числе почетное место занимает Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук (ИМБиТ).

Напомню для тех, кто еще не встречался с работами Института, что это – крупнейший центр востоковедческих исследований Сибири и Дальнего Востока.

Его основное научное направление: комплексное изучение проблем социально-экономического, политического, исторического и культурного развития монголоязычных народов Центральной Азии.

Мне, как историку-архивисту и руководителю Центра изучения культуры народов Сибири, представляется особенно важным подчеркнуть, что Институт

обладает уникальным фондом рукописей и ксилографов, являющихся одним из крупнейших мировых собраний тибетских и монгольских книг.

Это собрание представляет собой национальное достояние Российского государства.

Этим обусловлено неуклонное повышение престижа этого центра научной мысли не только в Сибири и даже не только в масштабах нашей страны. Совместные экспедиции, симпозиумы и взаимные научные стажировки Институт проводит с учеными специалистами из Австралии, Бельгии, Германии, Китая, Монголии, Польши, Соединенных Штатов Америки, Турции, Франции, Швейцарии, Японии и других стран.

Институт внес большой вклад в разработку программ гармонизации межнациональных отношений и пропаганды значения культурно-исторического наследия народов Сибири и Центральной Азии.

Без преувеличения можно сказать, что Борис Ванданович является душой и признанным лидером всего коллектива ученых и сотрудников ИМБиТа. Продолжая славные традиции российских ученых, Борис Ванданович Базаров задает тон напряженной работе всего уникального коллектива ученых и специалистов

Он является не формальным, не по должности, а подлинным директором Института в самом буквальном смысле этого слова.

Ведь директор – в переводе с латыни – означает того человека, который первым намечает и прокладывает прямую трассу для будущих работ стратегического значения и ведет по этому пути своих соратников.

Обширна область научных интересов профессора Базарова – история культуры, межнациональные отношения, национально-государственное строительство.

Борис Ванданович является автором более 60 научных трудов, в том числе двух монографий, двух учебников, ряда брошюр.

По теме выступления им было опубликовано, в частности, исследование «Монгольские народы в XX веке. К проблеме социально-культурной и политической трансформации». Однако со времени его выхода в свет в 2000 г. прошло уже немало времени. За этот период под его руководством состоялось несколько полевых экспедиций в районы Внутренней Монголии. Их материалы потребовали дальнейших углубленных исследований, результатами которых мы и попросили поделиться с нами нашего почетного гостя.

В заключение только несколько слов.

В нашем Центре в рамках постоянно действующего научного семинара недавно состоялась встреча с академиком Вячеславом Всеволодовичем Ивановым.

Сегодня к нам пришел видный представитель сибирской научной мысли член-корреспондент РАН Борис Ванданович Базаров.

Как видно, наш Центр медленно, но верно выходит на широкий фарватер науки.

Планка научной мысли поднята на большую высоту.

Разрешите предоставить слово нашему уважаемому гостю.

Пожалуйста, Борис Ванданович.

Трансформация кочевых обществ Центральной Азии на рубеже XX – XXI вв. (по материалам полевых экспедиций в Центральную Азию)

В.Б. Базаров

XXI век несет в себе парадигму развития, сочетающую традиции и новации, которая выпукло обозначилась в последние десятилетия прошедшей эпохи. Монгольские народы на протяжении сотен и тысяч лет сформировали

своеобразное историко-культурное пространство, экономической основой которого было кочевое скотоводство. Создавая на протяжении длительного исторического периода разнообразные государственные образования с XVII–VIII вв. монгольские народы вошли в состав Российской империи и империи Цин. Получившая в 1911 г. автономию Внешняя Монголия была преобразована вначале в Монгольскую Народную Республику затем в Республику Монголию.

Таким образом, монгольские народы к началу XX в. оказались в составе трех государств - Китая, Монголии и СССР. Причем, все государства пошли по социалистическому пути развития. Произошедшие изменения политического курса в СССР и Монголии привели эти государства к отказу от социалистического пути развития и переходу к рыночной экономике. Китай же, кардинально не реформируя политическую систему, провел ряд реформ в области экономики. Научно-исследовательскими институтами России, Монголии и Китая была поставлена цель: исследовать современное состояние монгольских кочевников и проследить складывающуюся новую схему процессов трансформации.

(слайд 3)

ИМБТ СО РАН

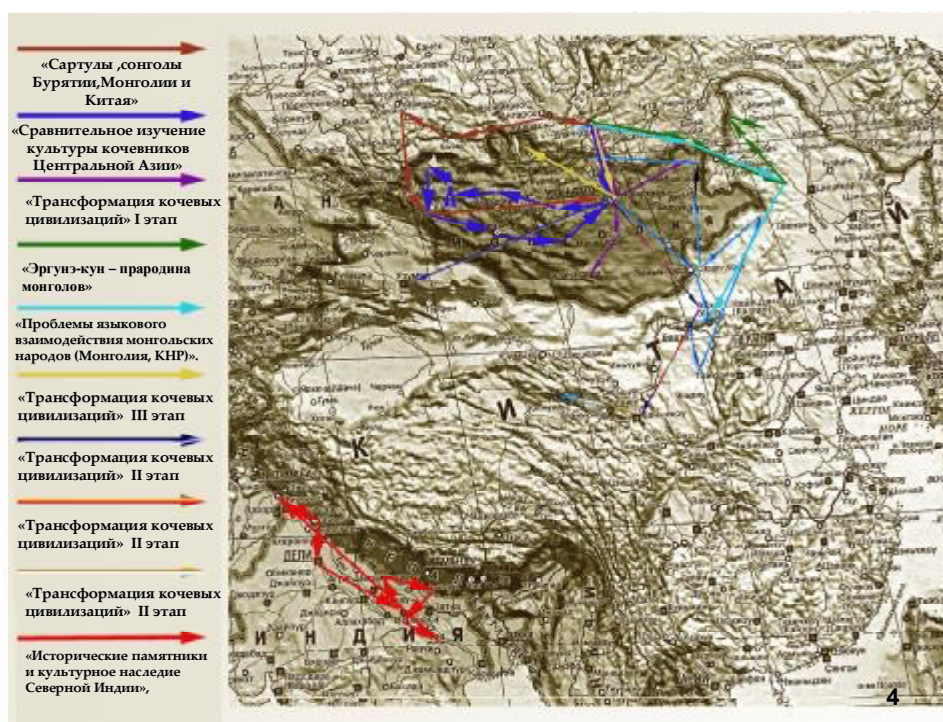
Совместные комплексные научные экспедиции ИМБТ СО РАН:

- 🌐 «Трансформация кочевых цивилизаций Центральной Азии» (2000-2006 гг.),
- 🌐 «Сартулы и цонголы Монголии, России и Китая» (2002-2003 гг.),
- 🌐 «Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии» (2001-2004 гг.),
- 🌐 «Эргунэ-кун - прародина монголов» (2004 г.),
- 🌐 «Исторические памятники и культурное наследие Северной Индии»,

3

Их исследованию были посвящены совместные комплексные научные экспедиции «Трансформация кочевых цивилизаций Центральной Азии» (2000 – 2006 гг.), «Сартулы и цонголы Монголии, России и Китая» (2002 – 2003 гг.), «Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии» (2001 – 2004 гг.), «Эргунэ-кун - прародина монголов» (2004 г.), «Исторические памятники и культурное наследие Северной Индии», в ходе которых был получен ценный материал по трансформации традиционного образа жизни, культуры, способов ведения хозяйства, социальной организации, традиций монгольских народов, а также тибетцев Северной Индии, дагуров, баргутов Китая.

(слайд 4 карта)

В ходе трехсторонней российско-монгольско-китайской экспедиции «Трансформация кочевых цивилизаций Центральной Азии» проводилось обследование по широкому кругу вопросов, связанных с изучением особенностей хозяйственно-экономического уклада, социальной организации, тенденций развития традиционной культуры. В ходе экспедиций исследовались монгольязычные кочевые сообщества и их взаимодействие с современным

миром в Автономном районе Внутренняя Монголия, Синьцян-Уйгурском Автономном районе, Автономном районе Тибета, провинции Ганьсу Китая, Монголии (АВРМ), Республике Бурятия, автономных бурятских округах России (Агинский, Усть-Ордынский). В общей сложности протяженность экспедиции составила свыше 20000 км, затратив свыше 8 месяцев чистого полевого сезона.

(слайд 5)

ИМБТ СО РАН

Российско-монгольско-китайская экспедиция
«Трансформация кочевых цивилизаций
Центральной Азии»
(2000-2006 гг.)

Цель:

- изучение особенностей хозяйственно-экономического уклада, социальной организации, тенденций развития традиционной культуры монгольязычных народов Центральной Азии, ведущих кочевой, полукочевой и оседлый образ жизни в контексте трансформации традиционного образа жизни в условиях современной действительности.

Задачи:

- Обследование и описание памятников культуры и археологии по маршруту экспедиции.
- Выявление региональных особенностей современного скотоводства и nomadного животноводства, экономических и социальных уровней жизни городского и сельского населения провинции Китая.
- Выявление сохранности фольклора, обычаев и традиции, быта и жизнедеятельности монголов и степень их трансформации в условиях доминирующего китайского населения и современные диалоги коммунистической партии Китая.
- Изучения мировоззрения кочевников монголов в начале 21 века, степень трансформации шаманизма и буддизма. Обследование объектов религиозного культа и состояния религиозности населения.
- Изучение экологии и природоохранных мер.

Объект:

- монгольязычные кочевые сообщества (в Автономном районе Внутренняя Монголия, Синьцян-Уйгурском Автономном районе, Автономном районе Тибет, провинции Ганьсу Китая, Монголии, Республике Бурятия, Усть-Ордынском и Агинском бурятских автономных округах России) и их взаимодействие с современным миром.

Обследовано свыше 300 населенных пунктов. Протяженность маршрута экспедиции - свыше 20000 километров. Длительность чистого полевого сезона - свыше 8 месяцев.

5

Материалы проведенных исследований подтвердили гипотезу о том, что монгольские народы Внутренней Азии испытывают общие для переходных обществ социально-экономические и демографические проблемы. Отличительными чертами новой общественной системы явилась поляризация доходов и жесткая социально-имущественная иерархия. В России и Монголии предпринимаются попытки пересмотра политики форсированной либерализации, которая доказала свою неадекватность многим традиционным ценностям народов данного региона.

В результате проведенного исследования мы пришли к предварительному выводу о том, что процесс трансформации в этих странах происходит *одновременно* в экономической, политической и социально-психологической

сферах общества. В целом и в России, и в Монголии существовавшее социалистическое общество, построенное вдоль вертикали государственной собственности на основе властных отношений, существенно переструктурируется. Кроме отношения к власти – административной, духовной и политической - появляются другие оси стратификации, которые затрагивают отношение к собственности: имущие, неимущие, крупные собственники, мелкие; объем и характер доходов; престиж, знания, культурный и символический капитал и др. Переход к рыночным отношениям подразумевает также переход к другим отношениям между классами и стратами в обществе. Почти аналогичные процессы происходят и в Бурятии. Но, по сравнению с Монголией, процесс формирования среднего слоя здесь идет гораздо медленнее. Как в Бурятии, так и в Монголии расслоение общества, трудности, обусловленные спадом общественного производства, необходимость создания новых рычагов подъема экономики и культуры, необходимость заполнения духовного вакуума, образовавшегося после краха коммунистической идеи, вызвали дополнительные социальные проблемы, среди которых – возрождение социокультурной памяти монголоязычных народов. Первыми шагами по ее реализации стали реанимация старых традиционных праздников и обычаев на государственном уровне.

Монголия, как и Россия, столкнулась с негативными результатами многолетнего отказа от признания значимости социокультурных факторов, проявляющихся, например, в неготовности большинства перейти к рынку, развивать деловую предприимчивость и инициативу, бывших долгое время наказуемыми, за которой кроются консервативная структура потребностей, разрыв связей между поколениями, утрата некоторых важнейших социопсихических традиций.

Во Внутренней Монголии значительно активизировались социально-экономические процессы. Размеры экономической помощи Китая только за последние годы превысили размеры инвестиций за все годы социалистического периода в несколько раз. Исходные точки этого экономического роста заложены,

во-первых, в концепции развития Китая, направленной на выравнивание развития Центра и регионов, во-вторых, в политике открытого общества, в-третьих, в новом подходе к решению национального вопроса. Вся эта группа вопросов объединена внутренним, совершенно прагматичным единством.

Провозгласив принцип «открытой политики», руководители поставили во главу угла принципы коренных интересов нации, особенно в сфере накопления и инвестиционной политики. Однако поощрение этой политики столкнулось со сложной проблемой. Дело в том, что из 180 основных транзитных пунктов внешнеторгового оборота 120 находится на территории национальных автономий. Не вступая в опасный диалог с национальными меньшинствами, даже имея колоссальное численное превосходство, Китай без ненужных деклараций перешел к принципиально иной схеме национальной политики. Внутренняя Монголия с ее крупными системообразующими автопереходами границы, получила «второе дыхание».

(слайд 6)

ИМБТ СО РАН

Показатели экономического развития АРВМ

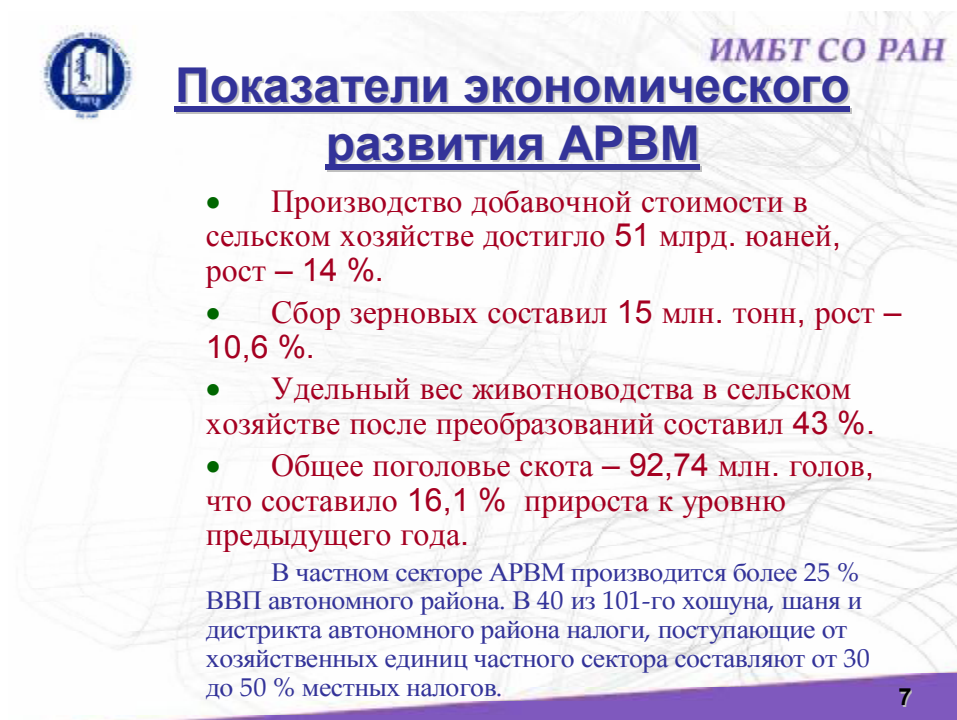
- В АРВМ Китая ВВП в 2004 г. достиг 271 млрд. юаней, по сравнению с предыдущим годом прирост составил 20 %.
- Темпы роста превысили общекитайский показатель, равный 9,9 %. За два последних года автономный район занял лидирующее положение в Китае.
- Показатели 1947 г. превышены в 130 раз,
- Показатели 1978 г. превышены в 13 раз.

6

В результате осуществления программ «модернизаций» в АРВМ Китая ВВП в 2004 г. достиг 271 млрд. юаней, по сравнению с предыдущим годом

прирост составил 20%. Темпы роста превысили общекитайский показатель, равный 9,9%, т.е. за два последних года автономный район занял лидирующее положение в Китае. Показатели 1947 г., когда был образован АРВМ, превышены в 130 раз, а по сравнению с дореформенным 1978 г. показатели выросли в 13 раз.

(слайд 7)

ИМБТ СО РАН

Показатели экономического развития АРВМ

- Производство добавочной стоимости в сельском хозяйстве достигло **51 млрд. юаней**, рост – **14 %**.
- Сбор зерновых составил **15 млн. тонн**, рост – **10,6 %**.
- Удельный вес животноводства в сельском хозяйстве после преобразований составил **43 %**.
- Общее поголовье скота – **92,74 млн. голов**, что составило **16,1 %** прироста к уровню предыдущего года.

В частном секторе АРВМ производится более 25 % ВВП автономного района. В 40 из 101-го хошуна, шаня и дистрикта автономного района налоги, поступающие от хозяйственных единиц частного сектора составляют от 30 до 50 % местных налогов.

7

Быстрыми темпами развивалось сельское хозяйство, где производство добавочной стоимости достигло 51 млрд. юаней или же возросло на 14%. Сбор зерновых составил 15 млн. тонн, рост - 10,6%. Структура животноводства была рационально преобразована, удельный вес животноводства в сельском хозяйстве составил 43%. По переписи поголовья скота, его общее поголовье насчитывало 92,74 млн. голов, что составило 16,1% прироста к уровню предыдущего года.

Сельское хозяйство является ведущей отраслью экономики Внутренней Монголии.

(слайд 8-12)

Промышленное производство также динамично прогрессирует. Наряду с заметным повышением эффективности промышленности, прирост которого составил 29%, быстрое развитие получают промышленные парки. Например, были начаты комплексные работы по переработке каменного угля, добываемого угольной корпорацией в Шеньхуа, и в итоге крупнейший комплекс сдан в эксплуатацию. Исключительно быстрыми темпами развивались такие отрасли, как дорожное сообщение, транспорт, торговля, производство продуктов питания, туризм. Успешно развивается информационное обслуживание, производство мебели и бытовое обслуживание.

В соответствии с китайским принципом снижения доли государства в инвестициях были реорганизованы 10 важнейших хозяйственных единиц, в числе которых Энергетическая корпорация Внутренней Монголии, угольная корпорация «Хуулин гол». Одно из важнейших мест занимает работа по освоению северных территорий АРВМ.

Значительное пространство для своего развития приобрела экономика частного сектора. В частном секторе АРВМ производится более 25% ВВП автономного района. Среди 101 хошуна, шяня и дистрикта автономного района

налоги, поступающие от хозяйственных единиц частного сектора в сорока из них, составляют от 30 до 50% местных налогов. Вслед за быстрыми темпами развития экономики частного сектора происходит совершенствование ее производственной структуры. Если в недалеком прошлом хозяйственные единицы частного сектора занимались преимущественно торговлей, продовольствием, обслуживанием, то к настоящему времени они занимаются более широким кругом хозяйствования, особенно при обработке сельскохозяйственной продукции, в сообщениях и транспорте, экологических мероприятиях, энергетике, строительстве и торговле.

Рост экономики сопровождается массой проблем, в том числе и социальных. Среди тех, которые отмечают и руководители страны и ученые, на первом месте стоит проблема повышения доходов животноводов и земледельцев, увеличения норм дотаций. Сложным вопросом остается преодоление экстенсивных факторов развития сельского хозяйства, которые уже исчерпали возможности и привели на большом пространстве к экологической катастрофе в гобийской полупустыне, т.е. к сужению сферы кочевого хозяйства.

Усиление миграционных факторов привело к необходимости снижения нагрузки на инфраструктуру городов, и поэтому возникла проблема ускоренного развития обслуживающей отрасли.

Новая система хозяйствования удивительным образом вызвала интерес к традиционной культуре животноводства, углубляя процесс этнической самоидентификации. Однако усиление миграционных процессов, связанных с экономическим подъемом, может существенно повлиять на размывание этнических границ. Этническая близость и многовековое сосуществование народов проживающих на территории Внутренней Монголии, будут существенно определять этот процесс. Данные последней переписи населения в Китае наводят на размышления. В 1989 г. при населении Внутренней Монголии в 26 млн. чел. монголами себя заявляли 4,2 млн., в 2000 г. при населении 32 млн.

– 2,1 млн. чел. Только дополнительный расчет позволил выйти на прежнюю отметку 1989 г., и официально цифра осталась прежней.

Сравнительный анализ выявляет множество проблем развития бывших кочевых сообществ в условиях трансформации общества. Наиболее устойчивой тенденцией является выравнивание уровня номадного животноводства в Центрально-Восточной Азии. Значительный рост поголовья скота привел к активизации животноводческого фактора в экономике стран и обустройстве людей. Однако отход от опыта взаимодействия природы и общества, унаследованный от традиций прошедших веков, может иметь пагубные последствия, вплоть до небывалой экологической катастрофы.

В ходе прошедшей экспедиции: «Трансформация кочевых цивилизаций...» мы были свидетелями сложной, а местами и угрожающей экологической ситуации, связанной с опустыниванием земель

(слайд 13-15)

Ко всем причинам, которые существуют объективно, на наш взгляд необходимо добавить и еще одну.

Дело в том, что сыграла свою роль, объективно складывающаяся ситуация с наделением крестьян землей. Вы прекрасно знаете, каких выдающихся результатов на этом пути достиг Китай в целом. Но во Внутренней Монголии эта

ситуация имела некоторые особенности. Как вы знаете, первоначально земля выдавалась в пользование на 5 лет аратской семье, а через некоторое время на 10 лет.

(слайд 16)

Животноводческая семья получала, казалось бы, значительную территорию. Но, имея первоначальное стремление получить прибыль в течении пяти лет, эти семьи начали использовать землю, не задумываясь о последствиях. Это дало себя знать на всей территории Северо-Восточной и части Центральной Азии в виде ураганных песчаных бурь, развития эродированных почв, вынужденного переселения больших масс людей.

Еще одним из важных наблюдений была складывающаяся обстановка перегруженности инфраструктуры монгольских городов из-за прогрессирующей миграции сельского населения в города. Дело в том, что возврат к некоторым старым формам номадного животноводства доказал на практике справедливость древних законов природопользования. Степь не содержит большего количества людей и животных, чем может. В результате следования веками выверенным принципам природопользования антропогенная нагрузка на почву остается

неизменной. Количество народонаселения не меняется. Остается устойчивой цифра поголовья скота в 30 млн. голов. Избыточное население передвигается в города. В условиях Монголии эти города только – Улан-Батор, Дархан, Чойбалсан, Эрдэнэт. Вокруг городов стали складываться огромные юрточные поселения, что дало невиданное приращение маргинальных слоев, а также отток населения из Монголии, - свыше 130 тыс. человек.

(слайд 17,18)

Юрточный городок золотодобытчиков близ Улан-Батора

18

Понятно, что наиболее активный участник этого процесса - молодежь от 14 до 28 лет. Так происходит накопление в городах этого горячего социального слоя.

(слайд 19-25)

19

20

21

Исследование современного оживления буддизма позволяет пролить новый свет на взаимоотношения экономики, государства и религии в КНР после 1979 г. Оно свидетельствует, что экономическим интересам государства на всех его уровнях соответствует поощрение в определенной степени религиозного оживления для дальнейшего развития рыночной экономики. Это особенно верно для таких религий, как буддизм и даосизм, рассматриваемых государством как

«китайские» и не вызывающих поэтому подозрения у китайских властей. В отличие от них ислам, католицизм и протестантизм рассматриваются как «иностранные религии», которые могут быть использованы их приверженцами в КНР в сепаратистских движениях.

Оживление буддизма в КНР можно рассматривать как своего рода форму поддержки новой государственной политики на создание в КНР рыночной экономики, как развитие горизонтальных сетей связей, дополняющих сложившиеся еще до реформы вертикальные сети связей с государством в центре.

В контексте «модернизации» и интеграции с «глобальным капитализмом» оживление буддизма в КНР содействует не только укреплению провинциальной автономии, но и расширению новой государственной гегемонии, простирающейся также и на китайцев за пределами национальных границ КНР и использующей их для задач дальнейшего экспорта экономики.

Таковы наиболее общие выводы и наблюдения. В ходе всего цикла экспедиций, организованных ИМБТ, были проведены следующие исследования: (слайд 26,27)

The logo of the Institute of Mongolian Studies and Folklore (IMBT) of the Russian Academy of Sciences (RAS) is located in the top left corner of the slide. It features a circular emblem with a book and a traditional Mongolian pattern.

ИМБТ СО РАН
В ходе всего цикла экспедиций, организованных ИМБТ, были проведены следующие исследования:

- Составлена серия карт (плотность населения, плотность скота в целом и по отдельным его видам в Республике Бурятия, Республике Тыва, Читинской области в РФ, Монголии, Синьцзянь-Уйгурском Автономном районе и Автономном районе Внутренняя Монголия в КНР;
- Был проведен сравнительно-сопоставительный анализ монгольских языков (бурятского, старого и нового баргутского, дагурского, языка шэнэжэнских бурят и эвенков, проживающих на территории Внутренней Монголии Китая). Были выявлены параллели в языке шэнэ-баргутов и хори-бурят и хуучин-баргутов и байкало-кударинских бурят, а также дагуров и аларо-унгинских бурят, что свидетельствует о древних исторических связях бурятского языка с другими монгольскими языками северо-восточного ареала Центральной Азии;
- Получены неизвестные ранее свидетельства существования родственных связей между дагурами и эвенками, согласно которым эти народы произошли от потомков двух родных сестер;
- Добыты материалы об этническом составе баргутов. Выявлены категории и функции дагурских шаманов, записаны отдельные призывания и обращения к духам. Описаны детали шаманской одежды и отдельных принадлежностей, их назначение и функции.
- Составлена карта первоначального местообитания дагуров в Приамурье в XVI-XVII вв. Уточнены состав и названия родов, патронимических групп, выявлена генетическая связь между дагурами и киданями. Анализ традиционных верований показал, что истоки дагурской культуры уходят в культуру лесных племен Приамурья;

26

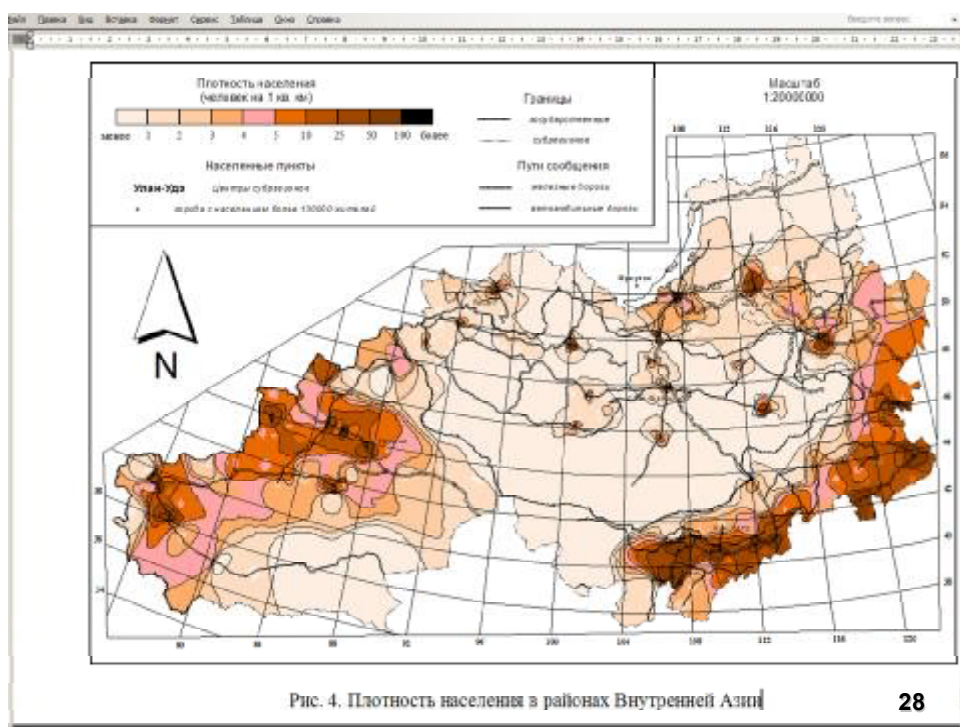

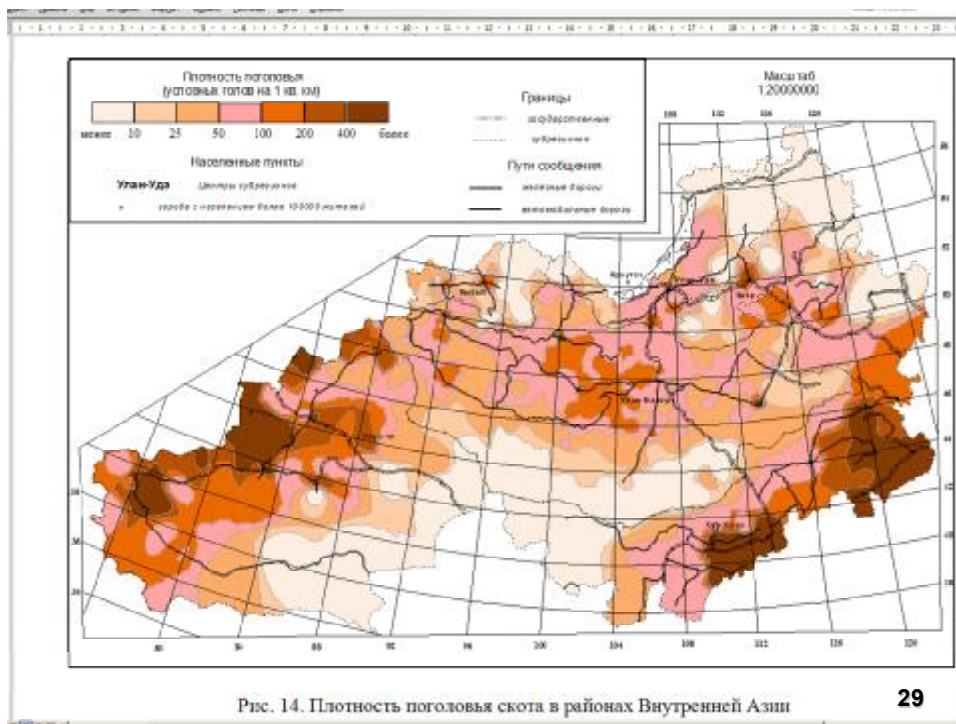
- Проведено социолингвистическое анкетирование по изучению современного состояния языка шэнэхэнских бурят в условиях контактирования с китайским и монгольскими языками среди жителей сел Шэнэхэн Барун сомон и Шэнэхэн Зун сомон Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР, записаны образцы речи шэнэхэнских бурят с целью выявления заимствований из китайского и монгольских языков;

- В результате экспериментально-фонетического исследования установлено, что просодические структуры миноритарных монгольских языков Китая идентичны просодическим структурам бурятского и калмыцкого языков.
- В ходе экспедиции по Северной Индии было отмечено заметное усиление присутствия японского буддизма в исторических буддийских центрах Северной Индии. (Ступы Шанти в Вайшали и Раджгире, статуя Будде и восьми архатам в Бодхгайе).
- Отмечается оживление диалога между представителями двух основных ветвей в буддизме – Махаяны и Тхеравады. Участники экспедиции встречались с Далай-ламой XIV, Богдо-гэгэном, Нейчжун-ринпоче (государственным оракулом Тибета), Геше Самтенем (директором Центрального института высших тибетологических исследований), Добум-тулку (директор Тибет-хауза) и др. деятелями высшего тибетского духовенства.
- Был изучен опыт воспитания и обучения тибетских детей в школе Т.С.V. (тибетская детская деревня), система высшего образования в Центральном институте высших тибетологических исследований), деятельность мастерских при тибетских монастырях в Дхарамсале. Зафиксирован уникальный новогодний ритуал изготовления масляной скульптуры в дхарамсальском монастыре.

- Составлена серия карт (плотность населения, плотность скота в целом и по отдельным его видам) в Республике Бурятия, Республике Тыва, Читинской области в РФ, Монголии, Синьцзянь-Уйгурском Автономном районе и Автономном районе Внутренняя Монголия в КНР;

(слайд 28,29)

– Был проведен сравнительно-сопоставительный анализ монгольских языков (бурятского, старого и нового баргутского, дагурского, языка шэнэхэнских бурят и эвенков, проживающих на территории Внутренней Монголии Китая). Были выявлены параллели в языке шэнэ-баргутов и хори-бурят и хуучин-баргутов и байкало-кударинских бурят, а также дагуров и аларо-унгинских бурят, что свидетельствует о древних исторических связях бурятского языка с другими монгольскими языками северо-восточного ареала Центральной Азии;

– Добыты материалы об этническом составе баргутов. Выявлены категории и функции дагурских шаманов, записаны отдельные призывания и обращения к духам. Описаны детали шаманской одежды и отдельных принадлежностей, их назначение и функции.

(слайд 30,31)

30

Дагурский шаман в традиционном костюме

31

- Составлена карта первоначального местообитания дагуров в Приамурье в XVI-XVII вв. Уточнены состав и названия родов, патронимических групп, выявлена генетическая связь между дагурами и киданями.

(слайд 32)

Анализ традиционных верований показал, что истоки дагурской культуры уходят в культуру лесных племен Приамурья;

– Проведено социолингвистическое анкетирование по изучению современного состояния языка шэнэхэнских бурят в условиях контактирования с китайским и монгольскими языками среди жителей сел Шэнэхэн Барун сомон и Шэнэхэн Зун сомон Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР, записаны образцы речи шэнэхэнских бурят с целью выявления заимствований из китайского и монгольских языков;

(слайд 33-36)

– В результате экспериментально-фонетического исследования установлено, что просодические структуры миноритарных монгольских языков Китая идентичны просодическим структурам бурятского и калмыцкого языков.

– В ходе экспедиции по Северной Индии было отмечено заметное усиление присутствия японского буддизма в исторических буддийских центрах Северной

Индии. (Ступы Шанти в Вайшали и Раджгире, статуя Будде и восьми архатам в Бодхгайе).

(слайд 37-39)

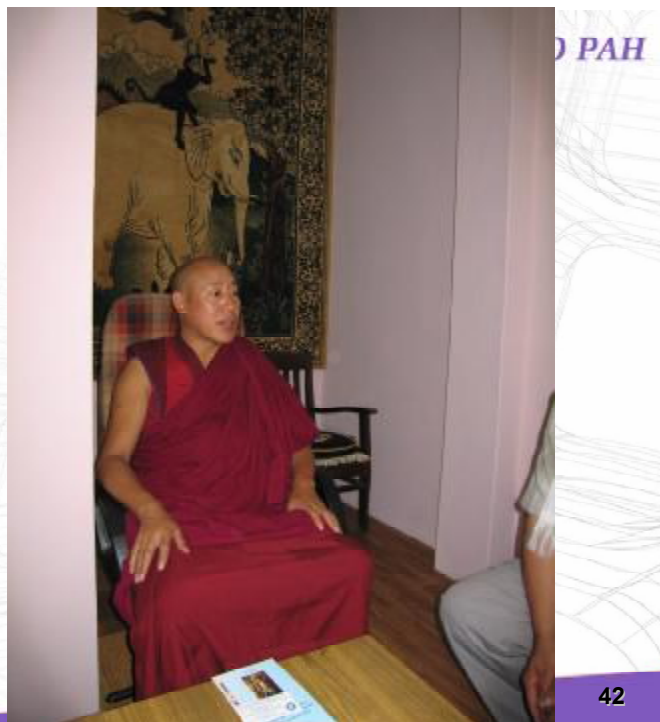

Отмечается оживление диалога между представителями двух основных ветвей в буддизме – Махаяны и Тхеравады. Участники экспедиции встречались с Далай-ламой XIV, Богдо-гэгэном, Нейчжуном-ринпоче (государственным оракулом Тибета), Геше Самтенем (директором Центрального института высших тибетологических исследований), Добум-тульку (директор Тибет-хауза) и др. деятелями высшего тибетского духовенства.

(слайд 40-43)

Был изучен опыт воспитания и обучения тибетских детей в школе Т.С.V. (тибетская детская деревня) (слайд 44)

система высшего образования в Центральном институте высших тибетологических исследований), деятельность мастерских при тибетских монастырях в Дхарамсале (слайд 46)

Зафиксирован уникальный новогодний ритуал изготовления масляной скульптуры в дхарамсальском монастыре (слайд 47,48)

Грант на проведение мультидисциплинарных исследований, полученный от Сибирского Отделения, имел для ИМБТ положительные результаты. Работа в международных экспедициях вывела Институт на новые соглашения, договоры и совместные международные проекты и гранты. В их числе можно упомянуть: (слайд 49)

- «Геополитические интересы России в регионе Внутренней Азии и перспективы разработки месторождений полезных ископаемых Монголии»
- «Историко-культурный атлас Монголии»
- «Монгольские народы: история, культура, современное общество»
- «Древнетюркские памятники на территории Монголии и тюрко-монгольский ареал»
- «Города раннего средневековья в Монголии»
- «Монголия от древних кочевников к современному обществу»
- «Монголия-Бурятия. Проблемы инвестиций: научно-экспертная программа»
- «Место и роль Восточной Сибири в монголо-российских отношениях»
- «Эргунэ-кун – прародина монголов»
- «История монгольской литературы XX в.»
- «История духовной культуры и письменное наследие монгольских народов»
- «Культура центрально-азиатского буддизма»
- «Политика России по развитию сопредельных с Монголией районов и монголо-российские отношения. Проблемы сотрудничества приграничных регионов России и Монголии»
- «Совместные исследования диалектного многообразия, фольклора и литературы монгольских народов, вопросы подготовки Свода монгольского фольклора»
- «Совместная российско-монгольская экспедиция по исследованию киданьского города Чин Тологой в Монголии» (2004-2007 гг.)
- Международная этнографическая экспедиция «Дагуры и баргуты Китая»
- Международная лингвистическая экспедиция «Проблемы языкового взаимодействия монгольских народов северо-восточного ареала Центральной Азии (Монголия, КНР)».

«Геополитические интересы России в регионе Внутренней Азии и перспективы разработки месторождений полезных ископаемых Монголии», «Историко-культурный атлас Монголии», «Монгольские народы: история, культура, современное общество», «Древнетюркские памятники на территории Монголии и тюрко-монгольский ареал», Города раннего средневековья в Монголии», Монголия от кочевничества к современному обществу», «Монголия-Бурятия. Проблемы инвестиций: научно-экспертная программа», «Место и роль Восточной Сибири в монголо-российских отношениях», «Эргунэ-кун – прародина монголов», «История монгольской литературы XX в.», «История духовной культуры и письменное наследие монгольских народов», «Культура центрально-азиатского буддизма», «Политика России по развитию сопредельных с Монголией районов и монголо-российские отношения. Проблемы сотрудничества приграничных регионов России и Монголии», «Совместные исследования диалектного многообразия, фольклора и литературы монгольских народов, вопросы подготовки Свода монгольского фольклора», «Совместная российско-монгольская экспедиция по исследованию киданьского города Чин Тологой в Монголии» (2004–2007 гг.), Международная

этнографическая экспедиция «Дагуры и баргуты Китая», Международная лингвистическая экспедиция «Проблемы языкового взаимодействия монгольских народов северо-восточного ареала Центральной Азии (Монголия, КНР)».

Таким образом, проведение совместных международных экспедиций, опирающихся на потенциал мультидисциплинарных исследований и квалифицированный научный состав способно дать новый импульс и направление гуманитарным и общественным наукам.

Семинар

Образы Сибири в символике власти дореволюционной России

(апрель 2007 г.)

Вступительное слово

Т.И. Хорхордина

Уважаемые коллеги и друзья нашего Центра!

Очередной семинар Центра изучения культуры народов Сибири РГГУ мы посвящаем теме «Образы Сибири в символике власти дореволюционной России», с которой выступит Евгений Владимирович Пчелов – к.и.н., доцент кафедры ИВИД и Института «Русская антропологическая школа» РГГУ, авторитетный специалист по вспомогательным историческим дисциплинам, в том числе по генеалогии, геральдике и эмблематике истории русской письменности и т.д.

Я пробовала подсчитать количество публикаций Евгения Владимировича, но после 200 названий, честно говоря, сбилась со счета. Но главное, конечно, не в количестве монографий и статей. Главное – в высоком качестве и завидной востребованности его работ. Среди публикаций Е.В. Пчелова – монографии по генеалогии древнерусских князей и семиотике российского государственного герба, книги по истории династии Рюриковичей и Романовых, школьные учебники по истории и др. Назову только несколько известных широкой научной общественности и массовому читателю монографий: «Романовы. История династии» и два «Два века русской буквы Ё». Есть у него и работа «Вспомогательные исторические дисциплины в семиотическом контексте», в которой оригинально развиваются идеи академика Вячеслава Всеволодовича

Иванова. Одним словом, уже по названиям вы можете судить о разносторонности интересов автора.

В первой названной книге, в научный оборот вводится масса интереснейших, ранее неизвестных источников. Вторая книга посвящена исследованию почти детективной биографии буквы Ё. Не могу не вспомнить также публикацию Евгения Владимировича, посвященную символике льва и единорога, которые осеняют здание Историко–архивного института РГГУ.

Думается, что даже этот краткий перечень научных работ заставит вас с особым вниманием выслушать результаты изучения автором символики царской власти в контексте истории Сибири.

Не буду утомлять вас рассуждениями по существу выдвигаемых автором тезисов и гипотез. Скажу только одно: Е.В. Пчелов спокойно и аргументировано показывает, как органично складывалась Российская держава.

Когда–то великий поэт-философ Ф.И.Тютчев написал обретшие сегодня чрезвычайную актуальность строки:

«Единство, – возвестил оракул наших дней,
Быть может, связано железом лишь и кровью.
Но мы попробуем связать его любовью,
И там увидим, что прочней».

Избегая фальшивого пафоса, именно скрепленное любовью единство народов многоконфессиональной и полиэтнической Российской империи, и показывает Е.В. Пчелов.

В заключение позвольте выразить благодарность за любезное согласие автора познакомить нас с его новой работой. И ещё – отдельное большое спасибо за то, что благодаря его профессиональным советам и бескорыстной помощи Центр изучения культуры народов Сибири РГГУ продолжает удерживать уровень, достойный нашего вуза.

Образы Сибири в символике власти дореволюционной России

Е.В. Пчелов

Утром 20 августа 1598 г. на левобережье средней Оби русское войско в количестве 400 человек во главе с тарским воеводой Андреем Матвеевичем Воейковым нанесло сокрушительное поражение сибирскому хану Кучуму (из ветви потомков Чингис-хана, Шейбанидов), имевшему более 500 воиновⁱ. В сражении погибло несколько родичей хана, князей и мурз и почти всё татарское войско, но самому хану удалось спастись – он «утёк» с двумя слугами в лодке по Оби. В плен попали жёны, сыновья и другие ханские родственники. Военные силы Кучума были полностью подорваны – при нём остались лишь трое сыновей и около тридцати воинов. Русские власти в лице тарских воевод предложили Кучуму поступить на государеву службу и приехать в Москву, обещая воссоединение с семьёй и «царское жалованье». Но, несмотря на то, что Кучум «нынеча стал глух, и слеп, и безо всякого живота»ⁱⁱ, он отказался от этого предложения и «скрылся для истории»ⁱⁱⁱ, отправившись в ногайские кочевья. Там, в возрасте около 60-ти лет, он был убит ногайцами^{iv}, мстившими за набеги его отца, Муртазы (сына сибирского хана Ибака), на их юрт, или же не хотевшими из-за Кучума портить отношения с Москвой. Так закончилась история Сибирского ханства и завершилась эпопея, начатая походом Ермака в последние годы царствования Ивана Грозного.

Присоединение Сибири естественным образом нашло отражение в символике государственной власти в России – в титулатуре русских монархов, в придворном церемониале, в государственной и земельной геральдике и даже в системе государственных регалий.

Сибирский титул.

Наименование Сибири в титуле русского царя^v впервые появилось, как можно думать, в грамоте Ивана Грозного турецкому султану от 20 июня 1555 г.^{vi} Ещё в январе 1555 г. в Москву прибыло посольство от сибирского хана Едигера с тем, чтобы царь Иван «их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них положил...». Эта просьба была вызвана, с одной стороны, укреплением России на Востоке (в 1552 г. была взята Казань, в 1554 г. русские войска заняли Астрахань, Москва поддерживала претендента на ногайский престол нурадина Исмаила), а, с другой, угрозой, исходившей от Кучума, стремившегося захватить Сибирское ханство. Иван Грозный принял Сибирь «под свою руку», и в царском титуле появились слова «всея Сибирские земли повелитель», которые объяснялись русскими дипломатами следующим образом: «Сибирская земля поряду с Казанскою землею, и как Государь наш... взял Казань, и сибирский князь Едигерь бил челом Государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы Царь... пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил»^{vii}. Как заметил С.М. Каштанов, название Сибирской земли вошло в царский титул ещё до возвращения из Сибири сына боярского Дмитрия Непейцына^{viii}, которому было поручено землю Сибирскую «к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять» (впоследствии ситуация изменилась, и Сибирь вышла из подчинения Москве). Иными словами, дополнение титула произошло вскоре после самого решения царя – т.е. отражало прежде всего юридическое (и вместе с тем символическое), а не реальное, фактическое положение. Статус сибирской земли в числе царских владений выражался титулом «повелитель»^{ix}. Разумеется, называть себя «царём Сибирским» Иван Грозный не мог: Сибирское ханство, где правили свои ханы-«цари», продолжало существовать. Между тем, титул «повелитель» «отражал факт установления российского протектората над Сибирским ханством, но не прямого включения его в состав Русского государства»^x. Обозначение Сибири

заняло последнее место в объектной части титула, завершая перечисление северо-восточных территорий («Удорский, Обдорский, Кондинский»). Тем самым география предыдущей триады титулов распространялась дальше на северо-восток^{xi}. Если проанализировать структуру царского титула в целом, то можно заметить, что, наряду с перечислением объектов, во-первых, в соответствии с их статусом («царь», «великий князь» и др.) и, во-вторых, со временем их появления в титуле (начальная часть, в целом сложившаяся при Иване III, и дальнейшие добавления), имело значение и географическое направление – в направлении *на север и восток*. Прослеживается оно, например, в таких частях, как «“Смоленский, Тверской” – “Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский”», «Ростовский, Ярославский, Белоозерский», «Удорский, Обдорский, Кондинский». Сибирь, как самый восточный край, логично завершала этот территориальный «обзор».

Обозначение Сибири непосредственно сопрягалось в титуле с наименованием некоей «Северной страны»: «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель»^{xii}. Это наименование появилось в титуле раньше «Сибири» – оно восходит ещё к концу XV в.: так, в грамотах 1492 г. титул государя звучит так: «...Государь всея Руси, отчичь и дедичь, и иным многим землям от Севера до Востока Государь», а в грамотах 1515, 1519, 1543 и 1554 г. (30 мая) это место звучит так: «...Государь всеа Руси, и иным многим землям Восточным и Северным Государь» (далее следует объектный титул)^{xiii}. То, что обозначение частей света помещено в начале титула московского князя, предваряя остальные объекты, заставляет видеть в «восточных и северных землях» обобщённую географическую локализацию: первоначально Восточные и Северные земли, находясь перед конкретными географическими объектами и следуя после атрибута «всеа Руси», очерчивали территориальные пределы владений московских государей, простиравшихся как на восток (Югра, Пермь, Вятка, Болгария), так и на север (северо-восточная и северная Русь). Иными словами, они лишь в общих «рамках» определяли пространство, а далее в титуле шло

перечисление конкретно локализованных земель. В 1554 г. (грамота игумену Пантелеймонова монастыря на Афон от 1 июня) обозначения частей света перешли из начала титула в конец: «Болгарский, и иных многих земель Государь, Востока и всея Северные *страны* повелитель» (в грамоте от 30 мая того же года такого расположения объектов ещё нет)^{xiv}. Так в титуле появилось обозначение «Северная страна» (не земля)^{xv}.

Существенно, что в отличие от предыдущего варианта, множественное число (восточные и северные земли) сменилось единственным (Северная страна), что, вроде бы, указывает на сужение семантики этого понятия (прямой генезис нового варианта от предыдущего вполне очевиден). Однако наличие «Востока» позволяет думать, что обобщённое значение этих ориентиров, как бы завершающих всё перечисление и «покрывающих» предыдущие объекты, вероятно, в какой-то степени сохранялось. Только теперь данные обозначения находились не перед конкретными объектами, а следовали после них. Обозначение «Востока» и «Северной страны» могло быть связано и с традициями церковной титулатуры, где имеются подобного рода категории^{xvi}. С.М. Каштанов подчеркнул, что начиная с грамоты от 1 июня 1554 г. «титул “государь” перестаёт использоваться в формулах, касающихся Востока и Северной страны. Эти названия стали соединяться с новым ранговым определением монарха – “повелитель”»^{xvii}.

Наконец, в 1555 г., как мы видели, место «Востока» заняла «Сибирская земля». Можно думать, что в какой-то степени «Сибирская земля» вытеснила «Восток» (хотя впоследствии встречаются случаи, когда в титуле присутствуют оба эти наименования), т.е. понятие «Восточные земли» как бы включало более конкретные элементы, в том числе Сибирь. «Поскольку Сибирь стала фигурировать в титуле уже не имплицитно, а эксплицитно, актуальность понятия “Восточные земли” утратилась, хотя... оно не навсегда исчезло из царского титула»^{xviii}.

«Таким образом, – заключает исследователь, – титул повелителя Сибирской земли генетически восходит к титулу “повелитель Востока”»^{xxix}. В то же время тот факт, что «Сибирская земля» и «Северная страна» находились в титуле рядом около полувека, мог, возможно, способствовать их семантическому «сближению». В некоторых случаях «Северная страна» соседствовала в титуле с «Ливонской землёй». Так, в грамоте Ивана IV турецкому султану Сулейману I от ноября 1558 г. (в этом году началась Ливонская война) конец титула приобрёл следующий вид: «и всея Сибирские земли, и немец Ливонские земли, и Северные страны повелитель»^{xx}, т.е. упоминания Сибирской земли и Северной страны оказались разъединёнными (позднее «ливонский объект» переместился или в самый конец царского титула или в объектную часть, предшествующую «Сибирской земле»^{xxi}). Любопытна интитуляция грамоты Ивана IV турецкому султану Селиму II (март 1571 г.): «...Болгарский и иных многих земель Государь, и всея Полуношные страны, и Сибирские земли повелитель, и государь земли Немецкие»^{xxii}. Здесь «Полуношная страна» – та же «Северная». Такой странный оборот в грамоте турецкому султану, возможно, объясняется особым значением луны (полумесяца) в мусульманской символике.

Согласно наблюдениям С.М. Каштанова, «в 1556–1557 гг. наметились два возможных варианта включения в интитуляцию сибирского и северного титулов». В первом случае эти объекты шли после титула «Кондинский и иных», т.е. включались в полную титулатуру, а во втором – после титула «Болгарский и иных», т.е. завершали объектную часть краткого варианта царского титула. Исследователь считает второй («краткий») вариант характерным для грамот наиболее влиятельным адресатам^{xxiii}. Однако анализ титулов грамот вроде бы свидетельствует о том, что более полный вариант адресовался христианским правителям, а более краткий – мусульманским (зарубежным). Это в какой-то степени подтверждает и Г.К. Котошихин, писавший своё знаменитое сочинение о России в царствование Алексея Михайловича много позже, в 1667 г., но отмечающий схожую закономерность^{xxiv}. Если это так, то данный порядок

вполне можно сопоставить с таким, например, элементом дворцового ритуала, как движение на царскую аудиенцию послов христианских и мусульманских (а также иных вер) государей: христианские послы двигались в царские палаты длинным путём, поднимаясь с Соборной площади на Красное крыльцо в Кремле по лестнице вдоль паперти Благовещенского собора, а мусульманские – коротким, по центральной лестнице^{xxv}. Таким образом, короткий путь был как бы менее почётным, чем долгий. Типологически так же и краткий титул применялся при обращении к мусульманам, а полный – к христианам.

В грамоте царя Фёдора Ивановича афонскому Хиландарскому монастырю от ноября 1585 г. титул оканчивается так: «... Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и Государь отчинный земли Лифляндские, и иных многих государств государь, Восточных, и Западных, и Северных, отчич, и дедич, и наследник» (тот же титул содержится и в указной грамоте царя о беспошлинном проезде хиландарских старцев от декабря того же года)^{xxvi}. Такая, «беспрецедентная», по словам С.М. Каштанова, форма титула, как полагает исследователь в словах «отчич, и дедич, и наследник» «выражала идею исконности прав» царя на Восточные, Западные и Северные государства, причём под «Западными государствами» имелась в виду прежде всего Ливония, а упоминания и «Северной страны» и «Северных государств» одновременно «рассматривались в контексте интитуляции не как взаимоисключающие, а как дополняющие друг друга»^{xxvii}. Мне же представляется, что, напротив, обозначение «государств» по трём сторонам света носит скорее условный, нежели конкретный характер. Оно, видимо, вообще не связано смысловым образом с понятием «Северная страна». Присутствие в титуле слов «Восточных и Западных и Северных» демонстрирует, что власть московского царя распространяется на земли в трёх частях света. «Северная страна» в этом контексте не может выполнять функцию условного географического ориентира, а превращается в более конкретный топос, возможно, семантически связанный с Сибирью. Так, в титуловании возникает своего рода «параллельная» традиция, в

какой-то степени реанимирующая первоначальное значение «Северной страны». Здесь следует подчеркнуть, что она сохраняется в титуле скорее как своеобразный рудимент, ибо раз «попав» в титул государя, она уже из него не исчезает.

Особенно любопытна концовка царского титула в грамоте Фёдора Ивановича князю Вымской земли на владение городами по реке Оби (август 1586 г.). Видимо, наличие такого адресата определило более «развёрнутую» сибирскую титулатуру: «... и обладатель всея Сибирския земли и великия реки Оби, и Северныя страны повелитель, и иных многих земель Государь»^{xxviii}. оборот «и великия реки Оби» уникален; «трудно было бы ожидать, что такая интитуляция найдёт широкое применение в других грамотах», – заключает С.М. Каштанов (как уникальной остаётся и интитуляция вышеназванных хиландарских грамот)^{xxix}. Исследователь сделал и такое, очень важное, наблюдение: «во второй половине 80-х гг. XVI в. появилась, хотя и не очень явственно, тенденция связывать сибирский титул с рангом не повелителя, а обладателя, т.е. более реального владельца территории» (грамоты вымскому князю от 1586 г. и уложенная грамота 1589 г. об учреждении патриаршества; возможно, здесь сказалось влияние лифляндского титула, в котором термин «обладатель» иногда использовался)^{xxx}. С.М. Каштанов не исключает также, что ранговое изменение в титуле могло быть обусловлено новыми попытками овладения Сибирью, предпринятыми после гибели Ермака. И действительно, в 1585 г., ещё до гибели Ермака, в Сибирь было послано войско воеводы Ивана Мансурова, основавшего Обский городок, в 1586 г. против Кучума снарядили новое войско во главе с воеводами Василием Сукиным (заложившим Тюменский острог на месте древней столицы Сибирского ханства Чинги (Чимги)-Тура) и Иваном Мясным, а в 1587 г. на подмогу Сукину отправился отряд стрелецкого головы Данилы Чулкова^{xxxi}. Н.М. Карамзин даже назвал эти события «вторичным покорением Сибири». И хотя проходило оно с переменным успехом, московское правительство настойчиво уверяло соседние государства, что Сибирь

окончательно подчинена царской власти и платит в казну огромную дань: «А поделал Государь города в Сибирской земле, ... государевы люди... сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на Государя», «ясаку положил на Сибирское царство... с году на год имати по пяти тысячь сороков соболей, по десяти тысячь лисиц черных, да по пяти сот тысячь белки большие сибирские и илетцкие»^{xxxii}. А в конце 1580-х гг. были отобраны в казну обширные земельные владения Строгановых^{xxxiii}, по чьей инициативе, собственно, и начался поход Ермака. Всё это, видимо, и могло повлиять на некоторое, впрочем, недолгое, изменение сибирского титула.

После разгрома Кучума московский государь мог уже с полным правом принять титул «царь Сибирский». Он появляется с 1599 г. и перемещается на третье место в перечне царств, следуя за Казанью и Астраханью^{xxxiv}. Теперь оба понятия – «Сибирская земля» и «Северная страна» – оказались разъединёнными. «Северная страна» осталась в конце титула, «унаследовав» от «Сибирской земли» местоимение «всея»: «всея Северные страны повелитель»^{xxxv}. За исключением единичного случая в грамоте от июня 1613 г.^{xxxvi}, триада ордынских царств (как и «Северная страна») оставалась в титуле русских государей неизменной вплоть до 1917 г. Новое, четвёртое царство (Херсонис Таврический) «добавилось» только при Екатерине II.

Особенную значимость вопросы титулования московского царя приобрели в период войны с Речью Посполитой за Левобережную Украину. В договоре с Речью Посполитой от 17 октября 1656 г. об условиях избрания Алексея Михайловича на вакантный престол концовка титула московского царя звучала как: «...и земель восточных, и западных, и северных отчич и дедич, и наследник, и обладатель» («Северная страна» сохранялась выше)^{xxxvii}. Русские дипломаты так объясняли эти обозначения: «...за великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке – царство Казанское и Астраханское, а на Западе и Севере – Сибирское царство и иные многие города и места»^{xxxviii}. Здесь мы опять-таки видим, что «Северная страна» семантически сближается с Сибирью.

Обозначения востока, запада и севера сохранялись в царском титуле вплоть до конца XVII в.: «... и иным многим государствам и землям Восточным, и Западным, и Северным отчичь, и дедичь, и наследник, и государь, и облаадатель».^{xxxix} В 1667 г. происходит «эмблематизация» географических ориентиров. Указ Алексея Михайловича «О титуле царском и о государственной печати» от декабря 1667 г. содержит официальное описание нового государственного герба, составленное в соответствии с титулом на государственной печати: «Божию милостию мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец и многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчич и дедич, и наследник, и государь, и обладатель»: «...На правой стороне орла три грады суть, а по описании в титле Великия и Малыя и Белья России, на левой стороне орла три грады своими писаньми образуют восточных, западных и северных...» (аналогичное объяснение присутствует уже в тексте наказа от 4 июня 1667 г., данного переводчику Посольского приказа Василию Боушу, отправлявшемуся с царскими грамотами к Бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму и к Курляндскому герцогу Якову)^{xl}. «Восточные, Западные и Северные государства и земли», таким образом, обозначались в гербе изображениями трёх городов, расположенных слева от орла. Их включение в эмблематику государственной печати 1667 г. было особенно актуальным, так как именно эти титульные объекты и не хотели признавать за рубежом^{xli}.

В то же время, по свидетельству Котошихина, заключительная часть титула (с кавказским территориальным атрибутом и с «Восточными, Западными и Северными государствами и землями») не писалась в грамотах к «бусурманским» государям. Котошихин объясняет это следующим образом: «А восточную титулю пишетца персидцкой же шах издавна, как еще Москвы початку не слыхивано; а на Западе много есть иных государств, которые старее и честняя Московского государства. И окроме тех государств и земель, что пишетца в титле к христианским потентатом, иных государств и земель на

Востоке и на Западе у него (*московского царя*) нет. А хотя на Востоке и на Западе иные государства и земли есть многие, однако они ему не подданны, но во время против него и войну держат, и тем многим землям, восточным и западным, разумеется, что не есть отчич и дедич, и наследник, и государь, и обладатель, и негораздо тех двух сторон государства и земли поддаются ему во облаададелство и в подданство; а то есть правда, что на Севере у него земель и государств сыщется. Кабардинская земля, черкаские и горские князья под его подданством, однако ему титул без других титул писать к персидскому шаху нехстаети. А как бы он писался теми титулами всеми, что пишется в христианские государства, и на него б за то все бусурманские государства подняли войну... И от того теми титулам не пишется к ним, бусурманским государем»^{xlii}. В этом объяснении для нас особенно важно именно *географическое* понимание титульных земель, расположенных в разных частях света.

В некоторых случаях в титуле даже присутствовали обозначения всех четырёх сторон света. Так, в договоре с монгольскими тайшами от 15 января 1689 г. Иоанн и Пётр Алексеевичи титуловались как: «Цари Царей, обладатели стран, государств покорители, самодержцы от востока и до запада, владетели севера и юга, императоры принадлежащих имеющих к ним государств...» (в начале интитуляции)^{xliii}. В данном случае совершенно очевидно азиатское влияние («царь царей» и т.д.).

Сочетание в царском (а затем императорском) титуле ранговых наименований «Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский» стало со временем хрестоматийным – оно даже вошло в народное творчество: достаточно вспомнить знаменитый лубок с изображением кота, сопровождаемого надписью «Кот казанский, ум астраханский, разум сибирский...».

Царевичи и князья Сибирские.

В сражении на реке Оби в 1598 г. в плен попали многочисленные представители кучумова семейства: восемь его жён, пять сыновей, восемь

дочерей, две невестки, внук и внучка, а также другие, более отдалённые, родственники. На службе у московского царя уже находились сын Кучума царевич Абу-л-Хайр, захваченный в плен в 1591 г., и племянник Кучума царевич Маметкул, пленённый ещё Ермаком в 1582 г. Оба царевича были пожалованы землями, а Маметкул служил воеводой и участвовал в войне со Швецией 1590–1595 гг. Пленных родичей Кучума следовало привезти в Москву. В памяти «татарскому» переводчику Вельямину Степанову, который должен был «переписать» всё Кучумово семейство, указывалось: «...а царевичем и царицам и мурзам сказати, что царева Кучюмова перед Государем многая неправда, и над ним за его неправду так Бог и учинил, а они б не сумнялися, Великий Государь Царь и Великий Князь Борис Федоровичь, всеа Русии Самодержец, милостив, казнить их не велит, по своему Царскому милосердому обычею, и велит их устроить, как им быти без нужи»^{xliv}. 15 января 1599 г. все Кучумовы родственники были пожалованы от государя платьем, роспись которого сохранилась при памяти Андреяну Григорьевичу Ярцову и переводчику Степану Полуханову^{xlv}. Этот документ даёт замечательную возможность проследить символические иерархии ряда важных элементов культуры, применительно к России конца XVI в.

Экскурс 1. Символические иерархии.

Пять сыновей Кучума – Асманак, 23-х лет; Шаим, 16-ти лет; Бибадша (Бибадшах)^{xlvi}, восьми лет, сын старшей жены Кучума, Салтаным; Молла (Мулла), четырёх лет, сын четвёртой жены Кучума, Актолун; и годовалый Кумыш, сын второй жены Кучума, Сюйдеджан; внук Кучума – сын царевича Алея (Али), Янсюерь (Джансюер), четырёх лет; а также несколько мурз, получили ферязи, кафтаны, шапки и сапоги. Кафтаны не получили только мурзы и самый младший из сыновей хана – маленький царевич Кумыш.

Ферязи были из сукна: для двух старших сыновей – из багреца, для Бибадши, Моллы и Янсюеря – из лундыша; а для Кумыша – из камки кизылбашской, т.е.

персидского шёлка. Сукно ферязей Асманака и Шаима было червчатым, т.е. красным (багряным). Ферязи из сукна сорта лундыш были зелёные. А шёлк для ферязцев Кумыша был «ал да зелен». Трём мурзам пожаловали ферязи лазоревые. Из этого ясно, что иерархия цветов выстраивается следующим образом: красный, зелёный, голубой. При этом одноцветные одежды были как бы значительнее многоцветных (или полосатых), что в дальнейшем будет видно и на примере женских одежд.

Этой цветовой иерархии соответствовали и шёлковые завязки на ферязях: у Асманака и Шаима они были зелёные с золотом (сами ферязи красные), у Бибадши, Моллы и Янсюеря – червчатыми (сами ферязи зелёные).

Ферязи имели меховые подкладки: у Асманака – «на корсаках», т.е. лисицах; у Шаима – «на хрептех на корсачьих», у Бибадши, Моллы и Янсюеря – «на хрептех на белых», у Кумыша – «на черевех на белых». Иными словами, лисий мех оказывается более «почётным», чем беличий, а мех с «хрептов» (т.е. со спины животного), очевидно, лучше, чем с «черев» (т.е. мех с брюха). В то же время, мех первого вида – гуще, пушистее и прочнее, а второго – легче и мягче, что важно помнить, поскольку Кумыш был младенцем.

Кафтаны царевичам были сделаны из камки (т.е. шёлковой ткани) сортов «кизылбашская» (т.е. персидская^{xlvii}) и «адамашка» (т.е. дамасская). Они тоже различались по цвету: кафтан Асманака – «шолк ал да зелен, на черевех на лисьих» (единственный из царевичей, он даже получил ещё один шёлковый, летний кафтан); кафтан Шаима – зелёный, «на черевех на лисьих»; «кафтанец» Бибадши – «камка адамашка двоелична, шолк зелен да червчат, на черевех на белых»; «кафтанец» Моллы – жёлтый, «на черевех на белых»; «кафтанец» Янсюеря – «камка адамашка двоелична, шолк зелен да рудожолт, на черевех на белых»; Кумыш «кафтанца» вовсе не получил. Здесь также заметна пара «лисица – белка», и также сохраняется иерархия цветов – красный (алый, червчатый) – зелёный (в паре «красный и зелёный» сочетание красного и зелёного названо прежде сочетания зелёного и красного), добавляется и жёлтый

цвет. Использование брюшного меха для кафтанов обусловлено, разумеется, самим типом этой одежды, более лёгкой, чем ферязь.

Далее царевичи и мурзы получили шапки. Шапки Асманака и Шаима были сделаны из чернобурых лис, шапки Бибадши, Моллы и Янсюеря – из червчатого бархата, шапки мурз – из сукна багреца (о шапке царевича Кумыша ничего неизвестно). Мех, бархат и сукно – такая последовательность очевидна, исходя из этих пожалований.

Сапоги у всех царевичей были «сафьянными» и жёлтыми, у мурз – зелёными (опять-таки неясно, какие сапожки достались царевичу Кумышу).

Позднее некоторые родственники Кучума и сопровождавшие их мурзы подали Государю челобитную о пожаловании им платья, обуви и денег^{xlvi}. В ответ Борис Годунов вновь одарил царевичей, цариц, царевен и мурз – роспись этих пожалований более краткая, но также небезынтересна^{xlix}. Два старших сына Кучума получили «фerezи багрецовые на черевех на лисьих»; Бибадша, Молла и Янсюерь – «фerezи, сукно лундыш, на черевех на песцовых»; а мурзы – ферязи, «сукно настрафил на черевех на белых». Здесь очевидна последовательность: «лисица – песец – белка». (Все царицы и царевны получили по шубе, «по цветной по тотарской»).

Обратимся теперь к женским нарядам. Восемь жён Кучума – Салтаным (Султаным), Сюйдеджан, Яндевлет (Джандевлет), Актолун, Аксюрюк, Шевлель (Шевлели), Кубул, Чепшан; две невестки – Хан-заде, жена старшего сына Алея, и Данай, дочь ногайского бия Уруса, вдова другого сына Каная, погибшего в сражении на Оби; восемь дочерей – Кумыз, 14-ти или 12-ти лет¹; Тулунбек, трёх лет, дочь первой жены; Дерпадша, десяти лет, Мундур, шести лет, и Карачан, трёх лет, дочери второй жены; Гулсыфат (Гюльсыфат), 14-ти лет, дочь четвёртой жены; Акханым, трёх лет, дочь пятой жены; Азеп-Салтана (Азеп-Султан), 11-ти лет, дочь шестой жены; и внучка Кучума, дочь царевича Каная и царевны Данай – Наврузбека (Наурузбеки), 15 января 1599 г. были пожалованы шубами.

Шубы были из камки (шёлка) и атласа, а у царевны Хан-заде (старшей невестки Кучума) из бархата. Интересен цвет материала. У всех жён Кучума, кроме, вероятно, только самой младшей, камка шуб была одноцветной: у первой жены – рудожёлтой (т.е. красновато-жёлтой, видимо, под цвет золота), у второй – белой, у четвертой и шестой – жёлтой; у восьмой жены шуба «отлас полосат, шолк зелен да червчат». У невестки Кучума Хан-заде – «шелк зелен, голуб и черн с золотом», у другой невестки, Данай – «полоски мелкие, шелк червчат, желт». У дочерей шубы были полосаты или «двоеличны» – шёлк «червчат да бел», «бел да червчат», «ал да зелен» («червчат да зелен»), «зелен да бел, да вишнев», «бел, багров да червчат», «зелен да червчат». У внуки Кучума – «шубка дороги, полоски мелкие, шолк бел да червчат». Очевидно, что одноцветные шубы были более «почётными», чем двух- или трёхцветные (полосатые), а приблизительная иерархия цветов выстраивается следующим образом: золотой (жёлтый) – белый и красный – зелёный. Примечательно, что одноцветной красной шубы, видимо, ни у кого не было.

Меха шуб были такими: у первой жены шуба «на куницах», у второй – «на пупках на собольих», у третьей – «на черевех на белых» (у всех трёх шубы опушены атласом), у остальных жён, у невестки Данай и у двух дочерей (Гюльсыфат и Азеп-Султан) – «на хрептех на белых, опушены хрепты ж», у остальных дочерей и внуки – «на черевех на белых, пушены черевы ж». Здесь, конечно, нет однозначно чёткой последовательности. Кроме того, при пожалованиях имел значение возраст: так, например, судя по росписи, царевна Гюльсыфат получила даже две (!) шубы. Но в целом видно, что среди мехов прослеживается такое «старшинство» – куница, соболь, белка. Примечательно, что «традиционная» для Руси куница, шкурки которой когда-то выполняли функцию денег (что отразилось в названии денежной единицы), занимает первое место, «опережая» даже, казалось бы, более дорогого соболя. При этом мех соболя «представлен» в виде «пупков», т.е. мягкого брюшного меха. Вроде бы и здесь в целом «хрепты» «опережают» «черева», хотя однозначно утверждать это

сложно. Ещё один любопытный факт связан со старшей невесткой Кучума. Её шуба, «на хрептех на белых», «опушена горностаи». Поскольку царица Ханзаде была женой старшего сына хана, его наследника, то, вероятно, горностаи призван был подчеркнуть её особый статус.

Подробнее всего в росписи описаны шубы трёх старших кучумовых жён. У Салтаным шуба из рудожелтой камки на куницах опушена атласом с серебром, «круг ее и по швом круживо, шолк черн с серебром». У Сюйдеджан шуба из белой камки адамашки на пупках собольих опушена атласом золотным, «круг ее и по швом шолк червчат да чорн с золотом». У Яндевлет шуба из камки адамашки на белых черевех кругом опушена атласом золотным, «по швом плетенки, шолк червчат с золотом». Из этого описания видно, что общий «колорит» шубы первой жены был как бы золотым, а второй – серебряным. Пуговицы у шубы Салтаным были «корольковыми», т.е. из кораллов, а у шуб двух следующих жён – серебряными. Наконец, сочетание чёрного с золотом присутствовало в нарядах двух первых жён Кучума и его старшей невестки.

* * *

К 16 января 1599 г. был определён порядок торжественного въезда кучумова семейства в столицу. Сама церемония прошла во вторник, 16-го числа, в четвёртом или в пятом «часу дни», т.е. по нынешнему счислению времени незадолго до полудня^{li}. Царицы, царевичи и царевны въезжали в город на больших резных санях. Царевичей принимал в Посольском приказе печатник и посольский дьяк Василий Яковлевич Щелкалов. Собственно главным в этой церемонии был проезд кучумовых родственников по Москве и Кремлю, куда они въезжали от Ильинки через Фроловские ворота, т.е. ворота Спасской башни.

«Царицы, в Москве живучи, перемерли некрещены, ибо не восхотели креститься»^{lii}. Такова же была судьба и царевичей. Хивинский хан Абу-л-Гази, автор знаменитого труда «Родословное древо тюрков», сообщает, что потомство сибирской ветви Шейбанидов «пресеклось на Кучум-хане»^{liii}, но на самом деле

это неверно. Потомки Кучума постепенно оказались на службе у московских царей и даже со временем приняли православие^{liv}.

Первым православным сибирским царевичем был сын Кучума Абу-л-Хайр, который в 1600 г. крестился с именем Андрей. Его восприемниками были боярин князь Фёдор Андреевич Ноготков-Оболенский, на дочери которого Ирине царевич потом и женился, и дьяк Василий Тараканов. Царевич Андрей Кучумович в 1611 г. был окольным. Потомство его прослеживается до конца XVII в.

Старший сын Кучума Алей (Али), сын жены Кучума Чепшан^{lv}, после смерти отца объявил себя «царём Сибирским», в 1608 г. он вместе с братом Алтанаем попал в плен и был отправлен в Ярославль. Оба царевича состояли на государственной службе, Алей умер в 1638 г., а Алтанай – после 1653 г. Сын Кучума Ишим был захвачен в плен в 1601 г., но позднее бежал в Сибирь, где после пленения Алея принял титул «царя». Его сын Аблай пытался воевать с Москвой, нападая на русские поселения в Сибири, но в конце концов был пленён и отправлен в тюрьму на Белоозеро, его дети (принявшие православие) в конце XVII в. владели мелкими вотчинами. Маметкул, как уже говорилось, служил воеводой и пользовался большим расположением царя Бориса. Он владел поместьями в Бежецком Верху. Умер в 1618 г.

Сын Алея, царевич Алп-Арслан^{lvi} (Араслан) в 1614 г. получил в удел город Касимов^{lvii}, поэтому его потомки именовались царевичами Касимовскими. После Алп-Арслана Касимовское ханство было уделом его сына Саид-Бурхана (Василия), а после смерти последнего в 1679 г. удел перешёл к его матери Фатиме-Султан, умершей в 1681 г. Брат Алп-Арслана Джансюер, привезённый в Москву в январе 1599 г., поступил на государственную службу, во время Смуты бежал в Литву, затем перешёл к крымскому хану, был пленён казаками, сослан в Соль Вычегодскую, а затем в Устюг Великий, но по просьбе отца был возвращён в Москву и вновь принят на царскую службу.

Из русских потомков Кучума особенно выделяются три ветви (все уже православные): 1). Царевичи Касимовские, потомки Араслана Алеевича; 2). Князья Сибирские, потомки Джансюера Алеевича, чья ветвь, по-видимому, пресеклась в XVIII в.; и 3). Царевичи Сибирские, потомки сына Кучума, Алтаная. Первая и третья ветви занимали особое положение при Московском дворе.

Православные ордынские царевичи пользовались большим почётом и вниманием со стороны русских царей (особенно Алексея Михайловича). Их присутствие при дворе и участие в придворных церемониях придавало определённое значение власти московских государей как власти очень высокого ранга – власти царей над царями, повышало её престиж, в том числе и на международной арене, зримо демонстрировало величие Московского царства, покорившего другие царства и через это в какой-то степени получившего свою легитимацию. Естественно, по своему статусу царевичи Касимовские и Сибирские стояли выше московских бояр, занимая как бы промежуточное положение между царём и родовой аристократией. Но в Боярской думе они не находились, выполняя в основном церемониальные функции. Г.К. Котошихин писал: «Да в царском ж чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в христианскую веру. Честию они бояр выше. А в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинилися в подданстве после воинского времени, невдавне, да и не обычай тому есть, также и опасение имеют от них всякое. А служба их такова: как на праздники идёт царь к церкви, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают пред царем на поклонении. И даны им поместья и вотчины немалые, также поженились на боярских дочерех и имали их за себя с великими пожитками и с поместьями, и с вотчинами. А за которым поместья мало, и ему в прибавку идет царской корм денежной помесечно»^{lviii}. Котошихин отмечает разницу в положении потомков Кучума и, например, грузинского царевича: «... и ему честь была такова, что природному сыну царскому... понеже он не полоненый есть, но единые с ним (*т.е. с*

московским царём) веры». Между тем, статус сибирских и касимовских царевичей действительно был высоким. Их участие в дворцовых церемониях было весьма заметным: так, итальянец Альберто Вимина да Ченеда, побывавший в 1657 г. с дипломатической миссией в Речи Посполитой и располагавший сведениями о Московии, отмечал, что «варварские князья, которых московиты называют “царевичами”», «придают московскому двору много блеска»^{lix}. И действительно, сыновья Алтаная Кучумовича, царевичи Сибирские, и сын Араслана Алеевича, царевич Касимовский, постоянно упоминаются как участники различных дворцовых церемоний при Алексее Михайловиче и Фёдоре Алексеевиче. Начало их придворной службы относится к 1653 г., когда они принесли шерть царю Алексею Михайловичу, остались в Москве (семья Алтаная жила в Ярославле, а Араслана – в Касимове) и приняли крещение. Так, на приёме грузинского царя Теймураза в 1658 г. старший сын Алтаная сидел по правую руку царя, т.е. на самом почётном месте, а на отпуске антиохийского патриарха Макария вместе с братом – «повыше бояр, а не в том месте, где садятся»^{lx}. Исследователь русского посольского церемониала Л.А. Юзефович отмечает: «Часто на аудиенциях присутствовали татарские царевичи, воплощая собой могущество государя, имевшего при своём дворе особ царской крови. Со второй половины XVI в. эти отпрыски ханских родов регулярно появлялись на приёмах мусульманских посольств, а также тех европейских миссий, значение которых для русского правительства было особенно велико... В середине XVII в. мусульманские царевичи на аудиенциях, стоя по обе стороны трона, поддерживали царя под локти, как бы наглядно демонстрируя иностранным дипломатам зависимость своих родов и ханств от Москвы»^{lxi}. Но, разумеется, дело не ограничивалось только дипломатическими аудиенциями. Царевичи присутствовали на обедах у царя и у патриарха, на именинах членов царской семьи, участвовали в крестных ходах и т.д., «повсюду следуя за царём». Когда в 1682 г. младший сын Алтаная присягнул царю Петру Алексеевичу, в грамоте его имя было поставлено выше имён бояр^{lxii}. При венчании на царство Фёдора

Алексеевича в 1676 г. царевич Касимовский трижды осыпал государя золотыми^{lxiii}. А при венчании на царство Ивана и Петра Алексеевичей в 1682 г. то же самое делали сыновья младшего из братьев, сибирских царевичей^{lxiv}. Все эти примеры ясно свидетельствуют об особом статусе Кучумовичей при московском дворе.

Очень существенным аспектом такого положения было принятие царевичами православия. Касимовский царевич Саид-Бурхан, сын Алп-Арслана, т.е. правнук Кучума, крестился с именем Василий. А сыновья Алтаная – Дост-Магомет и Иш-Магомет, т.е. внуки Кучума, стали крестниками самого царя Алексея Михайловича и потому получили отчества «Алексеевичи». Старший в крещении стал Петром, а младший Алексеем. Выбор имён, конечно же, не был случайным. Имя «Пётр» было знаковым для мусульманского царевича, переходящего в православие. Оно восходит к легенде об ордынском царевиче (якобы, племяннике хана Берке), который крестился с именем «Пётр» и основал Ростовский Петровский монастырь. Эта легенда нашла отражение в древнерусской «Повести о Петре, царевиче Ордынском», созданной, вероятно, в XV в.^{lxv} Образ ордынского царевича Петра вошёл в русскую духовную культуру, а сам он почитается Преподобным Русской Православной церковью. Сюжет повести отразился и в росписях Архангельского собора Московского кремля, созданных при Иване Грозном (что имело существенное значение в общем смысле символической программы фресковой иконографии собора)^{lxvi}. Легенда об ордынском царевиче повлияла и на то, что при крещении в декабре 1505 г. казанского царевича Кудайкула Ибреимовича (родного брата казанских ханов Мухаммед-Амина и Абд ал-Латифа) его также назвали Петром. Уже в январе 1506 г. царевич Пётр женился на сестре Василия III княжне Евдокии. Он пользовался большим доверием своего шурина и даже замещал великого князя во время его отсутствия в Москве. Существует предположение, что долгое время бывший бездетным Василий III намеревался именно Петра сделать своим наследником^{lxvii}. Скончался царевич в 1523 г. и был похоронен в некрополе

московских государей, в Архангельском соборе Кремля. Его потомки породнились с известными боярскими родами (князей Мстиславских, Шуйских, Бельских), так, знаменитый глава Семибоярщины князь Фёдор Иванович Мстиславский доводился царевичу Петру и княжне Евдокии Ивановне правнуком.

Поэтому то, что сибирский царевич также был поименован в крещении Петром, выглядит вполне закономерным. Имя второго сибирского царевича «Алексей» объясняется династической историей Романовых. Царевичи крестились около 1654–1655 гг., а в феврале 1654 г. у Алексея Михайловича родился сын царевич Алексей Алексеевич, который естественным образом стал наследником престола (объявлен таковым в 1667 г.), поскольку самый первый сын Алексея Михайловича, царевич Дмитрий Алексеевич, умер в младенчестве ещё в 1649 г. Таким образом младший сибирский царевич стал полным тёзкой своего маленького «братца». Алексей Михайлович действительно по-отечески относился к сибирским царевичам. Красноречиво свидетельствует об этом такой факт. В 1667 г. царевич Пётр Алексеевич был послан в Саввино-Сторожевский монастырь, при этом братии наказывалось: «как стряпчий... царевича в монастырь привезет, вы бы его приняли и велели его от пьянства вытрезвить с большим бережением и опасением, а не вдруг; а как вытрезвится, держали его под крепким началом и велели ему к церкви приходить и говорили ему с большим подкреплением, чтобы он так впредь не делал и от хмельного питья удалялся и был во всякой трезвости и в совершенно целом разуме»^{lxviii}. Не лишним будет напомнить, что Саввино-Сторожевский монастырь был любимой обителью царя Алексея Михайловича. Добавлю также, что царевич Алексей Алексеевич Сибирский (как и его старший сын) был похоронен в соборе Новоспасского монастыря, т.е. в родовом некрополе Романовых.

Ещё более замечательны генеалогические связи царевичей Сибирских и Касимовских. Царевича Василия Касимовского Алексей Михайлович даже предполагал женить на своей старшей сестре, Ирине^{lxix}. Царевич Пётр

Алексеевич в 1656 г. женился на Анастасии Васильевне Нагой. Его племянник царевич Василий Алексеевич первым браком был женат на Анне Семёновне Грушецкой, родной сестре царицы Агафии Семёновны (первой жены царя Фёдора Алексеевича). Другой племянник царевич Дмитрий Алексеевич женился на княжне Ксении Владимировне Долгоруковой (ум. в 1722 г.). Её бабушка происходила из рода Милославских и была родной сестрой царицы Марии Ильиничны, первой жены царя Алексея Михайловича. А брат, князь Василий Владимирович Долгоруков (1667–1746), стал впоследствии генерал-фельдмаршалом и членом Верховного Тайного совета.

Представитель ветви потомков сына Кучума, Алея, князь Каллиник Джанчуреевич (сын того самого Янсюеря, который попал в плен в 1598 г.) женился на дочери боярина, княжне Аграфене Алексеевне Голицыной. Её брат князь Борис Алексеевич Голицын (1651–1714) был воспитателем («дядькой») Петра I. Другой брат Дмитрий был женат на внучке князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Одна из дочерей Дмитрия Мавра была замужем за князем Михаилом Ивановичем Куракиным, чей брат Борис Иванович Куракин был женат на Ксении Фёдоровне Лопухиной, сестре царицы. Другая дочь Дмитрия Голицына Прасковья (ум. в 1703 г.) в первом браке была замужем за Фёдором Кирилловичем Нарышкиным (1666–1691), родным дядей Петра I, а во втором – за князем Аникитой Ивановичем Репниным, будущим генерал-фельдмаршалом (это его второй брак). Княжны Мавра и Прасковья Голицыны были, таким образом, племянницами княгини Сибирской.

Очень интересными были родственные связи старшей ветви Кучумовичей – царевичей Касимовских. Дочь царевича Василия Араслановича Евдокия (ум. в 1691 г.) была замужем за Мартемьяном Кирилловичем Нарышкиным (1667–1697), родным братом царицы Натальи Кирилловны и дядей Петра I. Внук, царевич Василий Иванович Касимовский, женился на сестре царицы Прасковьи Фёдоровны (Салтыковой), жены царя Ивана Алексеевича.

Примечательно потомство ещё одной дочери Василия Араслановича – Домны. Она была замужем за князем Юрием Яковлевичем Хилковым (1661–1729, комнатный стольник Петра I, затем генерал-майор, его мать принадлежала к роду Лопухиных). Их дочь, княжна Прасковья Юрьевна Хилкова (1682–1730), была женой князя Алексея Григорьевича Долгорукова, члена Верховного Тайного совета, умершего в ссылке. Среди их семерых детей, внуков царевны Домны Васильевны Касимовской, можно назвать князя Ивана Алексеевича Долгорукова (1708–1739), обер-камергера и фаворита Петра II, женатого на Наталье Борисовне Шереметевой, и княжну Екатерину Алексеевну Долгорукову, невесту Петра II.

Потомство Алексея Григорьевича и Прасковьи Юрьевны сильно разрослось. К нему принадлежали и некоторые весьма примечательные личности.

Внуком князя Ивана Алексеевича Долгорукова и Наталии Борисовны Шереметевой был князь тайный советник князь Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823), поэт и мемуарист, оставивший масштабные воспоминания о своей жизни.

Его троюродным братом, внуком князя Николая Алексеевича Долгорукова, был князь Алексей Григорьевич Щербатов (1777–1848), участник антинаполеоновских войн, генерал от инфантерии, московский военный губернатор.

А ещё от одного сына Алексея Григорьевича и Прасковьи Юрьевны, князя Александра Алексеевича Долгорукова, пошла ветвь рода, из которой происходила княжна Екатерина Михайловна Долгорукова, светлейшая княгиня Юрьевская (1847–1922), вторая супруга Александра II.

Все они, и князь И.М. Долгоруков, и князь А.Г. Щербатов, и светлейшая княгиня Е.М. Юрьевская являются таким образом далёкими потомками сибирского хана Кучума.

.....

Интересно, что память об этом дальнем родстве, пусть искажённая, но сохранялась в роду Долгоруковых. В своих мемуарах Иван Михайлович описывает своё посещение Касимова: «Я вспомнил, что один из предков моих был женат на дочери касимовского царя, отменно богатого человека, от которого даже в род наш поступило село Волынское. Это меня давно позывало в ту сторону, и я, наконец, попал в Касимов... При самой этой мечети есть кладбище с особой палаткой, в которой хоронили царский род... Тут нашёл я гробницу каменную с полустёртою надписью, но в которой я разобрал имя той, кого искал. Это был действительно мавзолей не пышный, но огромностью заметный, той музульманки, на которой женат был предок мой князь Долгорукий. Имя её выставлено – Султан Фатьма. Я до земли поклонился ей и благодарил небо, что видел сию могилу... При сем зрелище родилось новое любопытство. Отчего она, быв княгиня Долгорукова, погребена в музульманском кладбище в Касимове? Ужели, идучи замуж за христианина, не отреклась магометанского служения? Как допущен знатной фамилии человек жениться на татарке? Все эти недоумения остались тогда, а по-видимому, и навсегда, без развязки. Летописей фамильных нет. Это не во вкусе нашего народа. Всякий поживёт и умирает, не оставляя на письме своих происшествий. Итак, никто ни о ком ничего не знает»^{lxx}. Здесь, как мы понимаем, верно только начальное «воспоминание» князя. Фатима-Султан действительно являлась его прародительницей, но, конечно, она не была в замужестве княгиней Долгоруковой.

Вернёмся к истории рода потомков Кучума. В конце XVII в. Касимовское ханство было ликвидировано, а в 1718 г. произошли кардинальные изменения и в статусе царевичей Сибирских. Царевич Василий Алексеевич оказался замешанным в дело царевича Алексея Петровича (своего двоюродного брата по кумовству). Трижды сибирского царевича подвергали пыткам, но он ни в чём не сознался и царевича Алексея не оговорил. Приговор был таким: «Понеже что на него писано, в том он ... не винился, учинить свободна, а где ему быть о том великий государь укажет», на что Пётр распорядился отправить его в ссылку в

Архангельск. Имена царевича (1629 четвертей земли и 359 дворов) были конфискованы. Высочайшей резолюцией сыновьям Василия Сибирского было повелено впредь писаться не царевичами, а князьями. «Этой катастрофой закончилось привилегированное положение потомков Кучума. Сыновья царевича Василия, князья Сергей, Яков и Фёдор, несли обычную дворянскую службу и не играли никакой роли при дворе Анны Ивановны и Елизаветы Петровны» – заключает генеалог С.В. Любимов^{lxxi}. Конечно, ликвидация царского статуса Сибирских была связана не только с конкретным делом царевича Алексея, ставшим своего рода поводом для этого решения. Она вполне вписывается в общий контекст формирования российского абсолютизма, когда российский государь/император уже более не нуждался в присутствии при дворе царевичей «покорённых» стран и не мог допустить наличия хотя бы формально равного титула у кого-либо из своих подданных. В Российской Империи потомки правителей присоединённых государств уже получали «только» княжеский титул и таким образом входили в состав дворянского сословия на равных правах с другими титулованными родами.

Сыновья Василия Алексеевича Сибирского в 1728–1729 гг. всё-таки получили частичную «реабилитацию» – им возвратили отцовские имения, отобранные в казну, и даже выплатили денежную компенсацию за строения, принадлежавшие их отцу в Петербурге. Но в служебном отношении карьера князей Сибирских была совершенно непримечательной (все трое служили в армии). Князь Яков Васильевич (1711–1742), наиболее продвинувшийся по службе, женился на Анне Степановне Глебовой, дочери того самого майора Степана Богдановича Глебова, который был обвинён в связи с бывшей царицей Евдокией Фёдоровной (Лопухиной) и посажен на кол в 1718 г. Таким образом дети пострадавших фактически по одному и тому же делу соединили свои судьбы. Яков Васильевич был похоронен в семейном некрополе в Новоспасском монастыре. Его дочь, Александра Яковлевна (1728–1793), вышла замуж за царевича Леона (Левана) Бакаровича Грузинского (1728–1763), происходившего из старшей ветви

потомков Багратионов (их дети титуловались уже князьями Грузинскими). Она похоронена в Донском монастыре, где традиционно захоранивали потомков грузинских царей, переезжавших на жительство в Россию. Старший брат Леона Бакаровича Александр Бакарович (1726–1791) был женат на внучке Александра Даниловича Меншикова – Дарье Александровне (императрица Елизавета Петровна намеревалась даже женить его на своей двоюродной сестре графине Гендриковой)^{lxxii}. Внуком Александра Бакаровича был небезызвестный «диктатор» декабристского восстания князь Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860).

Видимо, при заключении брака царевича Грузинского и княжны Сибирской учитывалось особое происхождение невесты, вернее, царственный статус её предков. От этого союза пошло довольно большое потомство, к которому принадлежал в частности художник Пётр Николаевич Грузинский (1840–1892), мастер жанровой и батальной живописи.

Младшая ветвь рода князей Сибирских продолжала военную службу: князь Василий Фёдорович (1759 – после 1808) участвовал в сражении при Чесме, дослужился до чина генерал-лейтенанта, при Александре I действительный тайный советник и сенатор; его сын князь Александр Васильевич (1779–1837), генерал-лейтенант, участник антинаполеоновских войн (трижды ранен под Аустерлицем в 1805 г., контужен под Полоцком в 1812 г., тяжело ранен при Рейхенбахе в 1813 г.), за участие в сражении под Полоцком был награждён орденом Святого Георгия 3-го класса, а в 1829 г. получил золотую шпагу «За храбрость» с алмазами^{lxxiii}. Сын Александра Васильевича и его жены, француженки, князь Александр Александрович Сибирский (1824–1879) приобрёл известность как крупный нумизмат и археолог, автор научных трудов по нумизматике античного Северного Причерноморья и владелец обширной нумизматической коллекции, пополнившей впоследствии собрание Эрмитажа. Судя по всему, на его сыновьях род князей Сибирских пресёкся.

Надо сказать, что и потомки других местных сибирских князей известны по русским источникам XVII в. Так, интересна судьба Кодского (остяцкого) князя Дмитрия Алачева, намеревавшегося жениться на дочери ссыльного «литвина» Андрея Бернацкого^{lxxiv}. Но к XVIII в. никаких потомков сибирских правителей, кроме князей Сибирских, в составе российского дворянства не было.

Экскурс 2. Сибирские народы в придворных церемониях XVIII–XIX вв.

Если в XVII в. царевичи Сибирские и Касимовские, как потомки правителей покорённых стран, выполняли важную роль в репрезентации власти Московских государей, то в XVIII в. империи уже не требовались подобного рода демонстрации. Самодержавное государство абсолютистского типа требовало унификации, ощущения единства и организованности, и участие представителей различных народов империи в официальных церемониях, если и допускалось, то обретало совсем иные смысловые оттенки. Как показал Р. Уортман, практически до коронации Николая I экзотические народы Российской империи не были представлены на коронационных торжествах в качестве какого-то самостоятельного «элемента» – идея империи как огромного пространства, населённого разнообразными народами, ещё не была осознана как актуальная для представления власти российских монархов, и «коронационные торжества в XVIII веке продолжали демонстрировать порядок и единообразие». «Лишь немногие представители иных национальных или социальных групп появлялись на этих торжествах, и их присутствие старались сделать незаметным»^{lxxv}. Тем не менее представители различных кавказских и азиатских (башкиры, калмыки, киргизы) народов в рамках коронационных торжеств получали аудиенции у императриц (Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II). Сибирские народы, не имевшие к тому времени возможностей для хотя бы видимого автономного существования (этот период во взаимоотношениях с Россией у них завершился к началу XVIII в.) и, следовательно, не представленные какими-либо вождями («князьцами» и т.п.), уже не рассматривались как заметная и особо

значимая этническая компонента в национальной политике имперского центра: гораздо большее внимание уделялось иноверцам-кочевникам (типа калмыков или башкир) или народам вновь присоединяемых территорий (Кавказа, Средней Азии).

Но если в официальных торжествах идея этнической «многоликости» империи почти не звучала, то в церемониях «зеркального» порядка, имевших шутовской, «карнавально-маскарадный» смысл, она присутствовала. Конечно, наиболее ярким примером является здесь знаменитая свадьба шута императрицы Анны князя Михаила Алексеевича Голицына («Квасника») и шутихи, калмычки Авдотьи Ивановны Бужениновой, состоявшейся 6 февраля 1740 г. и завершившейся в специально построенном Ледяном доме. Хорошо известно, что для этого «торжества» в Петербург были привезены представители различных народов Российской империи. Они были обряжены в народные костюмы (для чего был сделан соответствующий запрос в Академию наук, в Кунсткамере которой хранились некоторые образцы), посажены в сани, которые везли северные олени, свиньи, собаки и т.п. и сопровождали «молодых», сидевших в клетке на спине слона. Через несколько дней, 11 февраля, представители народов были допущены во дворец для прощальной «аудиенции» у императрицы, где исполняли свои народные пляски, сопровождаемые музыкой. Как показала Е.А. Погосян, детально изучившая этот этнографический маскарад и его культурно-исторический контекст^{lxxvi}, свадьба шутов входила в состав торжеств по случаю заключения мира с Турцией и имела прототипом петровские торжества после Полтавской победы и Ништадтского мира. Сама свадьба, вероятно, была своеобразной насмешкой над крымским ханом, а задумка с Ледяным домом (какой только «в Сатурне быть может») отвечала цели сделать самое невероятное для иностранца возможным в России. «Жители Крайнего Севера и Сибири должны были представлять не столько себя, сколько те легендарные сведения о населении Сибири, которые имелись в распоряжении европейцев», полагает исследовательница, что опять-таки отвечало общей концепции

реальности невозможного. В то же время современники оценивали этнографическую составляющую праздника как демонстрацию разнообразия населения империи, её народов, находящихся в подданстве у императрицы (или даже соседних).

Важно подчеркнуть нарочито шутовской характер этой демонстрации. Народы Севера и Сибири (а в свадебных торжествах наряду с мордвой, чувашами, черемисами, башкирами, киргизами, манчжурами принимали участие самоеды, тунгусы, якуты, камчадалы...) представляли в образе экзотических дикарей – это был своего рода этнографический «зверинец», одновременно удивительный и смешной. Вспомним, что 1720-е – 1730-е гг. – это эпоха выдающихся сибирских и северных экспедиций (в т.ч. «Великой Северной экспедиции»), имевших огромное научное значение, в том числе и для исследования народов Сибири. Но в ситуации с Ледяным домом научная Кунсткамера сменилась Кунсткамерой шутовской. Мотив экзотики дикаря начал использовать ещё Пётр I. Е.А. Погосян показала, как шутовской образ «царя самоедов» (за которым скрывался полоумный французский авантюрист Вимени) применялся Петром в идейно-символической борьбе с Карлом XII^{lxxvii}. Он же сохранялся и после Северной войны: «самоедским царём» после смерти Вимени считался придворный шут Лакоста (да и «квасник» Голицын именовался «ханом самоедским»). Любопытно, что у «царя» имелись и «подданные» – несколько реальных самоедов, привезённых на жительство в Петербург. Экзотической семантике, вероятно, способствовало и само название, воспринимавшееся в буквальном смысле («сами себя едящие»), хотя собственно этноним «самоядь» имеет, разумеется, совсем иное происхождение (он применялся для обозначения многих народов, в т.ч. ненцев и саамов^{lxxviii}). Так при дворе российских монархов настоящих царевичей Сибирских и Касимовских, игравших достойную роль в дворцовом церемониале и окружённых должным почётом и вниманием, сменили шутовские «цари самоедские», выполнявшие функции маскарадного

«зазеркалья» и семантического «переворачивания» реальности. Новая эпоха рождала новые культурные смыслы и контексты.

Представительницы сибирских народов (например, «тунгусской породы девка»), подобно «калмычкам» и «арапкам» стали частью шутовского окружения Анны Иоанновны^{lxxix}. Трансформируясь и приобретая новые смысловые оттенки, эта традиция сохранялась ещё очень долго (вплоть до первой половины XIX в.).

Вернёмся к церемониям более «серьёзного» порядка. Растущее «территориальное сознание», как проследил Р. Уортман, отразилось со временем в новых моделях национальной империи, репрезентирующей себя в коронационных торжествах^{lxxx}. Представители народов в национальных костюмах присутствуют на коронациях всех российских императоров, начиная с Николая I. Они воплощают различные «идеи» многонациональной империи (от идеи слияния в общий образ нации до идеи колониальной державы, где экзотические народы вызывают столь же экзотический интерес), однако, главный мотив – верности своему монарху – остаётся всегда центральным. Сибирские народы теряются в этой полиэтничной пестроте. Хотя, например, в балете Л. Минкуса «Ночь и День», представленном на коронационных торжествах 1883 г., среди народов, приветствующих «восходящий свет Дня», свою партию исполняли и «сибирские шаманы»^{lxxxi}.

Шапка Сибирская.

Символизация Сибирского царства в виде короны, как можно думать, появилась впервые в 1667 г. В указе царя Алексея Михайловича «О титуле царском и о государственной печати» содержится следующее официальное описание нового государственного герба: «Орёл двоголавный есть герб державный Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, Его Царскаго Величества Российскаго Царствия, на котором три коруны изображены, знаменующия три великия, Казанское, Астраханское, Сибирское, славныя Царства, покоряющияся

Богом хранимому и высочайшей Его Царского Величества милостивейшаго Государя державе и повелению»^{lxxxii}. Согласно этому описанию, каждому элементу герба, изображавшегося на Большой государственной печати, соответствовал определённый элемент титула. В данном случае три короны обозначали три царства.

Впервые третья корона над головами двуглавого орла появилась на государственных печатях ещё при Михаиле Фёдоровиче, в 1625 г.^{lxxxiii} (хотя спорадически она возникала и раньше, например, на прикладной односторонней печати Лжедмитрия I 1604 г., на краковском золотом по случаю обручения Лжедмитрия с Мариной Мнишек 1605 г., на доспехах Михаила Фёдоровича 1616 г.). Стилистически третья корона отличалась от остальных двух. Она была, во-первых, больше по размеру, а во-вторых, иной по форме; причём, если две короны, венчающие головы орла, лежали на них, то третья корона была приподнята над ними и таким образом как бы венчала всю композицию в целом. Объяснение причин появления третьей короны имеется в грамоте, посланной в феврале 1625 г. воеводе Ивану Ивановичу Баклановскому в Туринский острог, в которой сообщается о введении новой печати с 25 марта (т.е. со дня Благовещения) 1625 г.: «По нашему указу сделана наша печать новая, больше прежние, для того, что на прежней печати наше Государское титуло описано было неполна; а ныне перед прежнею печатью прибавлено на печати в подписи, в нашем Государском именованьи: “Самодержец”; а что у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у новыя нашия печати слов нет, а над главами у орла коруна»^{lxxxiv}. Таким образом, совершенно ясно, что корона символизировала титул «самодержец».

В гербе 1667 г. титулу «самодержец» соответствовал скипетр в правой лапе орла, а титулу «обладатель» – яблоко, т.е. держава, в левой. Короны же стали обозначать царства, причём такая трактовка появилась ещё в 1630-х гг. Участник

голштинского посольства в Москву магистр Адам Олеарий сообщает, что короны означают царства Русское, Астраханское и Казанское^{lxxxv}. Теперь же символизация коронами царств закрепилась официально. Изменению семантики эмблем сопутствовало и изменение стилистики их изображений: внешний вид корон стал одинаковым, а две короны, венчавшие головы орла, поднялись над ними. Таким образом три короны составили теперь единую эмблематическую систему. При этом, очевидно, что центральная корона символизировала Казанское царство, правая – Астраханское, а левая – Сибирское. По своему статусу царства стояли выше, чем иные подобные объекты царского титула, и их семантическое сопряжение с коронами кажется вполне естественным. А поскольку царств было три (такое положение сохранялось до конца XVIII в.), то изменение семантики трёх корон, а вслед за ней и стилистики самих изображений, стало закономерным. Не случайно трактовка корон как символов царств особенно подчёркивалась в отношении с европейцами: первое такое объяснение мы встречаем в записках иностранца. Со временем, однако, смысловое значение корон изменилось, и та семантика, которую они имели при Михаиле Фёдоровиче (символ самодержавной власти Московского государя), реанимировалась. Это, впрочем, не привело к обратному изменению их внешнего вида. Все три короны остались однотипны (но верхняя – большей по размеру), в первой половине XVIII в. приняв вид императорских.

Наряду с трактовками элементов герба, символизация Сибири определённой короной обрела и материальное воплощение. В 1684 г. для царя Ивана Алексеевича был сделан венец – «шапка», получившая наименование Алтабасной (её тулья сшита из алтабаса – шёлковой парчи с золотом)^{lxxxvi}. Запоны, украшающие шапку были сняты с несохранившейся Алмазной шапки царя Фёдора Алексеевича и с венца 1624 г., тоже недошедшего до нас. Навершие Алтабасной шапки также не аутентично времени её создания и относится,

вероятно, к концу 1620-х – началу 1630-х гг.^{lxxxvii} В первой четверти XVIII в. именно Алтабасная шапка Ивана Алексеевича приобрела статус «Сибирской». По крайней мере, при погребении Петра I она уже известна в качестве таковой^{lxxxviii}. Почему именно этот венец был «атрибутирован» таким образом?

В начале XVIII в. комплекс венцов русских царей включал в себя: шапку Мономаха, главную коронационную регалию, шапку Казанскую, созданную ещё при Иване Грозном, венец царя Михаила Фёдоровича 1627 г., который «стал» шапкой Астраханской, шапку Мономаха «второго наряда», созданную для венчания на царство Петра I, шапку Алтабасную и два алмазных венца Ивана и Петра Алексеевичей 1680-х гг., схожих по форме и внешнему оформлению. Из этого перечисления видно, что Алтабасная шапка стала Сибирской короной вполне закономерно – ни шапка Мономаха «второго наряда», ни парные алмазные венцы двух царей для этой роли явно не подходили. Алтабасная шапка была скромнее по оформлению, чем Казанская шапка и венец 1627 г., в то же время по своей слегка вытянутой форме она приближалась к ним, а по декору напоминала венец 1627 г., выполнявший функции шапки Астраханской. Таким образом, к 1725 г. каждое из «царств» обрело свою корону (была ли какая-либо «сибирская корона» у русских царей в XVII в., неизвестно). Примечательно, что создателей «атрибуции» Сибирской короны не смутил тот факт, что Алтабасная шапка, в отличие, кстати, от Казанской и венца 1627 г., имеет навершие в виде креста.

Между тем, гербы Казанского, Астраханского и Сибирского царств, которые с начала XVIII в. стали появляться в российском государственном гербе, увенчивали изображения вовсе не этих шапок, а условных корон. Это были пятизубцовые короны, в отличие от императорских казавшиеся более архаичными. Они венчают гербы трёх татарских «царств», начиная с государственной печати Петра I 1710 г., работы Готфрида Гауптмана (Хаупта). Схожие короны присутствуют в казанском и сибирском гербах ещё в Титулярнике 1672 г. (в казанском корона находится на голове дракона, а в

сибирском её держат два соболя), изображены они и на тарели Алексея Михайловича 1675 г. Такой тип короны восходит, по-видимому, к трёхзубцовой короне, между зубцами которой помещались ещё два, меньших по размеру зубца, как, например, на короне с Большой печати Ивана Грозного. Только в государственном гербе 1857 г., созданном Б.В. Кёне (как и в гербе 1882 г.), щит с гербом Царства Сибирского был увенчан Сибирской короной, т.е. Алтабасной шапкой Ивана Алексеевича.

Корона Сибирского царства нашла воплощение и в монументальной скульптуре. В 1904 г. в Новочеркасске состоялось открытие памятника Ермаку, созданному скульптором В.А. Беклемишевым по проекту М.О. Микешина ещё 1880-х гг. Бронзовый атаман левой рукой поддерживает боевое знамя, а правой протягивает вперёд корону покорённого им Сибирского царства^{lxxxix}, т.е. ту же Алтабасную шапку 1684 г.

Сибирский герб.

Впервые Сибирь нашла эмблематическое воплощение на известной Большой государственной печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. Здесь печать Сибирская (на оборотной стороне Большой печати) представляет собой стрелу, направленную от расположенного в центре двуглавого орла (в противном случае, стрела угрожала бы ему). Эта печать находит соответствие на лицевой стороне Большой печати в Вятской эмблеме, изображающей натянутый лук со стрелой. Вряд ли стоит искать какое-либо иное объяснение этой эмблеме, нежели вполне очевидное – Сибирь была традиционным местом охотничьего промысла и потому стрела органично отражала основное занятие местных жителей. На печатях сибирских городов XVII в. стрела – очень распространённая эмблема. Можно думать, что первым примером такой символизации являлась как раз «печать Сибирская» с Большой печати Ивана Грозного, хотя далеко не все (и даже бóльшая часть) территориальные эмблемы, на ней помещённые, сохранились в позднейших земельных печатях и гербах.

Следующим памятником, где помещены территориальные «печати», является саадачный покровец «Большого наряда»^{xc}, сделанный, вероятно, при царе Михаиле Фёдоровиче в конце 1620-х – начале 1630-х гг.^{xcⁱ} Сибирская печать представляет здесь двух соболей, стоящих на задних лапах с двух сторон дерева. Какое дерево имелось в виду, можно понять из описания печатей в клеймах, изображённых на Знамени гербовном царя Алексея Михайловича 1666 г.: «Печать Сибирская, на ней дерево стоящее кедровое. К дереву два соболя стоят на задних ногах»^{xcⁱⁱ}.

Более сложная композиция появилась в Титулярнике (Большой Государственной книге) 1672 г. Здесь изображены два стоящих на задних лапах соболя, держащие передними корону и лук с двумя перекрещенными и направленными вниз стрелами. Этой эмблеме соответствует титул «Царь Сибирский». «Описание гербам», служившее возможно текстуальным образцом для создания гербов Титулярника, так описывает сибирский герб: «Два соболя, над ними корона, передними ногами держат меж собою лук, да накрест положены две стрелы»^{xcⁱⁱⁱ}.

Однако параллельно существовал и другой вариант сибирского герба. В 1673 г. мастер Прокофий Андреев сделал для царя Алексея Михайловича новый саадак. На налуче среди других земельных гербов присутствует и сибирский – два соболя, стоящие на задних лапах, передними держат направленную вниз стрелу. Аналогичное изображение «печати Сибирской» имеется на золотой тарели 1675 г., сделанной для Алексея Михайловича мастером Юрием Фробосом^{xc^{iv}}. Таков же сибирский герб и на тарели 1694 г., подаренной царицей Натальей Кирилловной своему внуку царевичу Алексею Петровичу. Эта тарель приписывается тому же Фробосу^{xc^v}.

Таким образом, очевидно, во-первых, что существовала определённая инвариантность в изображениях гербов, в частности сибирского, и во-вторых, что Титулярник не сразу стал образцом для русской земельной эмблематики.

Печать Сибирского приказа, соответствующая изображению в Титулярнике, была, в частности, сделана 9 декабря 1696 г. В грамоте иркутскому воеводе Семёну Тимофеевичу Полтеву имеется её описание: «А на той печати вырезаны два соболя стоячие, над ними корона, а поперег соболей по грудьям лук с тетивою, у соболей накрест две стрелы с копья и с перьем, посторонь стрел внизу соболей подписан «7205 год», а под соболями земля, а около печати слова таковы: «Печать Великого Государя Сибирского приказу»^{xсvі}. В «Русской геральдике» А.Б. Лакиера сообщается о печати «царства Сибирского», видимо, более ранней по времени. На ней два соболя, стоящие на задних лапах, держат корону и фигурный щит с надписью «Царьства Сибирьского»^{xсvіі}.

Основным элементом сибирского герба в XVII в., как видим, были два соболя. Между ними находились или кедр, или стрела, или лук со стрелами и корона. Последний вариант к концу XVII в. стал окончательным. Композиция и сами эмблемы сибирского герба находятся полностью в контексте эмблематики печатей сибирских городов XVII в.

Эти печати известны значительно лучше, чем печати других городов того времени. Сохранилось несколько их росписей: 1635 г., 1656 г., 1692 г. и рубежа XVII–XVIII вв.^{xсvііі} В большинстве случаев сведения росписей совпадают друг с другом. Если проанализировать изображения на печатях сибирских городов в целом, то можно выделить несколько типов.

1. Одна фигура (один зверь): или хищник – рысь (Кетский острог), волк (Кузнецк, по росписям 1635, 1656 гг.), лисица (Тара), росомаха (Туринск); или копытное – лось (Пелым), олень (Мангазея), лошадь (на печати Кузнецка 1694 г.), «инрог» (единорог, Красноярск). На печати Томска помещена «коруна».

2. Зверь со стрелой: соболя и стрела (Берёзов), лисица держит стрелу (печать Обдорская, что на Собском устье), соболя со стрелой и буквой В (печать Верхотурья 1689 г., по росписям 1635, 1656 гг. – «соболя под деревом», по росписи рубежа XVII–XVIII вв. – «соболя под дровом да веди слово»). Ближе к этому типу и изображение на печати Илимского острога – «выдра, верх ея

звезда, в ысподе стрела» (роспись 1635 г.). По росписи 1692 г. место выдры занял соболь, а место звезды – «репей». Совершенно очевидно, что таким образом первоначальное изображение на печати было просто не понято. Сюда же может быть отнесено и следующее изображение – «орёл, в левой ноге лук держит тетивою вниз» (Иркутск по росписи 1635 г. или Нерчинск по росписи 1692 г.).

3. Один зверь/птица схватил другого: бабр (т.е. тигр) «в роте» несёт соболя (Якутск – по росписи 1635 г. и печать 1642 г., Ленская таможенная печать по росписи 1656 г. («барс изымал соболя»), с 1696 г. на печатях Иркутска^{xcix}); орёл поймал соболя (Якутск: печать 1682 г., роспись 1692 г.; по росписи 1656 г. – «печать Государева Новые Сибирские земли, что на великой реке Лене»).

4. Два разных зверя: лисица и бобр (Тюмень).

5. Два одинаковых зверя и между ними третий: две лисицы и между ними соболь (Сургут).

6. Два зверя и между ними стрела: два соболя и между ними стрела (Тобольск), белка и горноста́й и между ними стрела (Нарым), два соболя и между ними стрела, а под ними лук тетивою вниз (Енисейск).

Нет сомнений, что почти все эти печати отражают местные особенности Сибири, и прежде всего этого региона, как центра пушного промысла^c. В историографии высказывалось мнение, что ряд эмблем печатей сибирских городов может трактоваться в рамках христианской символики^{ci}, однако, сам набор эмблем (очень небольшой и до некоторой степени композиционно стандартизированный) выглядит совершенно естественным – это или звери и птицы (собственно из птиц только орёл), или оружие (стрела, лук), или дерево. Один раз встречается звезда, один раз – корона. А из образов животного мира специфически символический характер имеет разве что только единорог^{cii}. Для нас, однако, важнее другое. Ряд печатей обнаруживает очевидное сходство с «печатью Сибирской». Речь идёт прежде всего о печати Тобольска и до некоторой степени о печати Енисейска. Отмечу, что в росписи 1656 г. печать Тобольска описана первой^{ciii}. Именно Тобольск был главным военно-

административным и церковным центром Сибири. Поэтому общность тобольского и сибирского гербов вполне объяснима.

Ещё одна важная деталь раскрывается на примере печати Верхотурья. При сравнении описаний печати и её изображения, а также изображения в гербе города, утверждённого в 1783 г., выявляется некоторая соотнесённость дерева со стрелой. Эта аналогия двух вертикальных по расположению предметов могла оказать влияние и на их «смещение» в вариантах сибирского герба, где, с одной стороны, два соболя поддерживают дерево, а с другой, держат стрелу.

Цветовое изображение сибирского герба с первой половины XVIII в. было следующим: «Два соболя чёрных, стоящие на задних ногах, держат лук и корону золотые, меж ими две стрелы чёрные, а перья и копыя красные, поле белое» (гербовник Миниха, гербы утверждены 8 марта 1730 г.)^{civ}. Впоследствии изменилось только поле щита. В Больших государственных гербах Российской империи 1857 и 1882 гг. герб Царства Сибирского выглядел следующим образом: «В горностаевом щите два чёрные соболя, стоящие на задних лапах и поддерживающие передними, одной – золотую, пятизубцовую корону, другую – червлёный лежащий лук и две крестообразно, остриями вниз поставленные стрелы»^{cv}. Горностаевое поле щита было большой редкостью в русской геральдике. Разумеется, оно должно было подчеркнуть пушные богатства края.

Есть сведения, что сибирский герб являлся и родовым гербом князей Сибирских, однако, Высочайше утверждён он не был и в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» он не значится^{cvi}. Тем не менее герб Сибирского «царства» мог присутствовать в родовой геральдике. Так, например, в изменённом виде он занимает нижнюю часть герба графа М.М. Сперанского, свидетельствуя о его служебной деятельности в должности сибирского генерал-губернатора (Общий Гербовник, XI, 11).

.....

¹ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 218–219.

¹ Там же. С. 220.

¹ Выражение Н.М. Карамзина: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. III. М., 1989. Т. XI, стб. 17.

¹ Об этом см.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 375; *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 288–289. О предполагаемом возрасте Кучума: *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 209–210.

¹ Подробно вопрос об истории сибирских «объектов» в титулатуре московских царей рассмотрен С.М. Каштановым в специальной работе: *Каштанов С.М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. / Отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2006. С. 3–21.

¹ *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 206.

¹ Цит. по: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 107.

¹ *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 3.

¹ Там же. С. 7.

¹ Там же. С. 4.

¹ Там же.

¹ Об этом топосе см.: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 4 и сл.; см. также: *Пчелов Е.В.* «... И вся Северные страны повелитель»: элемент царского титула и его геральдическое «воплощение» // *Гербовед.* № 90. М., 2006. С. 113–119.

¹ *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 4–5.

¹ Там же. С. 6.

¹ По предположению А.Л. Хорошкевич, «Северная страна» означала «страну Норботтен», северную часть Скандинавского полуострова, название которой, якобы, вошло в титул после русско-шведской войны 1556–1557 гг. (см.: *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 206). Но на самом

деле, как видим, это наименование появилось в титуле ещё до войны со Швецией, которая, к тому же, не привела ни к каким территориальным приращениям России.

¹ Как в титуле Московских патриархов: «Архиепископ Московский и всея России и всех Северных стран патриарх». Благодарю М.Ю. Медведева, обратившего моё внимание на этот факт.

¹ *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 6.

¹ Там же. С. 5.

¹ Там же. С. 6.

¹ См.: Россия и Греческий мир в XVI веке / Подгот. к публ. С.М. Каштанов и Л.В. Столярова при участии Б.Л. Фонкича. Т. 1. М., 2004. С. 251

¹ Подробнее: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 9–15.

¹ Там же. С. 10.

¹ Там же. С. 7.

¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. публикации, вводная статья, комментарии и словник проф. Г.А. Леонтьевой. М., 2000. С. 58–61. Впрочем, подьячий Посольского приказа объясняет такую усечённую форму царского титула в грамотах «бусурманским» государям тем, что последняя часть титула (включающая «Восточные, Западные и Северные государства и земли») не соответствует реальному положению вещей (Там же. С. 60–61).

¹ Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII столетии / Пер. А.Н. Шемякина // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. 4, IV. С. 9 (вторая пагинация).

¹ *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 36; *Он же.* Сибирский компонент... С. 13.

¹ *Каштанов С.М.* Сибирский компонент... С. 13–14.

¹ Там же. С. 14.

- ¹ Там же.
- ¹ Там же. С. 15.
- ¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 192, 206–208.
- ¹ Там же. С. 207.
- ¹ Там же. С. 211–214.
- ¹ *Лаврентьев А.В.* Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 15, 184–185.
- ¹ *Каштанов С.М.* Сибирский компонент... С. 16.
- ¹ Там же. С. 19.
- ¹ ПСЗРИ. Т. 1. СПб., 1830. С. 405 (№ 192).
- ¹ *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России. X–XX века / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997. С. 231.
- ¹ *Каштанов С.М.* Сибирский компонент... С. 21. Ср. краткий вариант титула царя Фёдора Алексеевича в шертной записи калмыцкого тайши от 15 января 1677 г. (ПСЗРИ. Т. 2. СПб., 1830. С. 81 (№ 672)).
- ¹ ПСЗРИ. Т. 1. С. 708–709 (№ 421); *Орешиников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле // Нумизматический сборник. Т. 1. М., 1911. С. 485–486; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 113, 120–121; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 36–39; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997. С. 35; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 233.
- ¹ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 231.
- ¹ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 61.
- ¹ ПСЗРИ. Т. 3. СПб., 1830. С. 4 (№ 1329), в этом титуле обозначение «Северная страна» отсутствует.
- ¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. 2. СПб., 1841. С. 9.
- ¹ Там же. С. 16–18. В этом же томе опубликованы и другие документы, связанные с разгромом Кучума и судьбой его семьи.

¹ За уточнение тюркских антропонимов благодарность адресуется д.и.н. В.В. Трепавлову.

¹ Кызылбаши (букв. «красноголовые») – собирательное название нескольких кочевых тюркских племён, обосновавшихся в Персии.

¹ Акты исторические... С. 21–22.

¹ Там же. С. 22–23.

¹ Там же. С. 20, 23.

¹ Роспись о порядке въезда в столицу см.: Акты исторические... С. 19–20.

¹ *Любимов С.В. Сибирские // Любимов С.В. Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 58.*

¹ *Султанов Т.И. Указ. соч. С. 289.*

¹ Генеалогию см.: *Любимов С.В. Сибирские. С. 55–79.*

¹ Акты исторические... С. 21.

¹ Букв. «храбрый лев».

¹ Бывш. Городец (Городок) Мещерский, центр вассального от Москвы Касимовского ханства. О его истории см.: *Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1–2. СПб., 1863–1864.*

¹ *Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 48.*

¹ Цит. по: *Любимов С.В. Указ. соч. С. 55.*

¹ *Любимов С.В. Указ. соч. С. 66.*

¹ *Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведётся...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988. С. 99–100.*

¹ *Любимов С.В. Указ. соч. С. 67.*

¹ Там же. С. 68.

¹ Там же. С. 70.

¹ См. об этом: *Дмитриева Р.П. Повесть о Петре, царевиче ордынском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 256–259.*

¹ См.: *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 164, 167.

¹ *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 24–26.

¹ Цит. по: *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 66.

¹ Там же. С. 68. Это объяснялось, вероятно, тем, что Василий был православным правителем Касимовского ханства («царства»), т.е. по своему статусу являлся равней Московскому царю.

¹ *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни... Т. 2. СПб., 2005. С. 114–115, 521–522 (прим. М.О. Мельцина).

¹ *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 55.

¹ *Дворянские роды Российской Империи. Т. 3: Князья.* М., 1996. С. 48.

¹ Его биографию см.: *Безотосный В.М.* Сибирский Александр Васильевич // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 654–655.

¹ См.: *Вершинин Е.* Невеста последнего князя Коды // Родина. № 10, 2006. С. 53–56.

¹ *Уортман Р.* Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 410.

¹ См.: *Погосян Е.А.* «И невозможное возможно»: свадьба шутов в Ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 80–109.

¹ Там же.

¹ См.: *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000. С. 236.

¹ *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 108. В чём она, конечно, опиралась на ещё допетровские традиции своей семьи.

¹ *Уортман Р.* Указ. соч. С. 414–426.

¹ Там же. С. 424.

¹ ПСЗРИ. Т. 1. С. 708–709 (№ 421); аналогичное объяснение присутствует и в тексте наказа от 4 июня 1667 г. переводчику Посольского приказа Василию Боушу.

¹ Подробнее см.: *Орешников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле. С. 483–485.

¹ Там же. С. 483

¹ *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 12.

¹ О ней см.: *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых // Искусство средневековой Руси / ГИКМЗ «Московский Кремль». Исследования и материалы, XII. М., 1999. С. 304–305; *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII веков. Каталог. М., 2002. С. 150–151 (№ 136); *Бобровницкая И.А.* Регалии российских государей. М., 2004. С. 37–38.

¹ *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых. С. 305.

¹ Там же. С. 306.

¹ *Сокол К.Г.* Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006. С. 29.

¹ См.: *Комаров И.А., Яблонская Е.А.* Парадное оружие русских государей XVI–XVII веков. М., 2006. С. 13.

¹ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 222.

¹ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 202.

¹ *Белоброва О.А.* О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. № 85. М., 2005. С. 86.

¹ См.: *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII веков. С. 123–124 (№ 116).

¹ Там же. С. 242 (№ 302).

¹ Цит. по: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 141.

¹ *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 102; Табл. XIV, 3.

¹ См.: *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 204–208 (табл. 2), *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Ковров, 1997. С. 334–335.

¹ Подробнее см.: *Королёв Г.И.* Бабр и бобр (к истории иркутского герба) // *Гербовед.* № 85. М., 2005. С. 97–106. Много позже из-за непонимания слова «бабр» геральдический иркутский зверь «превратился» в бобра.

¹ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 135.

¹ *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 169–170.

¹ Ср. гипотезу Г.И. Королёва: *Королёв Г.И.* Красноярская печать XVII века // *Гербовед.* № 84. М., 2005. С. 111–115. Полагаю, впрочем, что в случае с красноярским единорогом играли роль прежде всего военные коннотации.

¹ *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. С. 334.

¹ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 184.

¹ *Лукомский В.К., бар. Типольт Н.А.* Русская геральдика. М., 1996. С. 55.

¹ *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 56.

Научные статьи

Синтез культур и история народов Сибири

О.Ю. Рандалова

Длительное историческое взаимодействие России и коренных народов Сибири представляет уникальный опыт цивилизационного, культурного синтеза. Составные части России находились в пределах единого территориального пространства. Здесь постепенно, столетиями формировалась единая общественная система, объединяющая реально существующие отдельные организмы, социумы, какими являются бурятский, якутский, хакасский и др. народы. В этом плане прав Ю.И. Семенов, что дореволюционная Россия не являлась единым социальным организмом: «Россия представляла к моменту революции сложную систему социальных организмов и их федераций, ядром которой был великорусский социальный организм»¹.

Распространение русской культуры среди коренного населения Сибири ширилось по мере углубления государственной колонизации и увеличения численности русского населения во вновь обретенных землях. Этот процесс шел при непосредственных контактах и взаимовлиянии русского крестьянского и местного скотоводческого населения. В качестве типичного примера взаимодействия, на наш взгляд, правомерно рассматривать русско-бурятское этнокультурное взаимовлияние.

При нарастающем сокращении земельных просторов - пастбищных угодий, буряты под влиянием русских все больше обращались к земледельческому хозяйству и сенокосению. Происходили серьезные изменения в материальной культуре. Буряты заимствовали у русских культуру

хлебопашества, огородничества, строительства деревянных срубных домов, хозяйственных помещений и оград, средств передвижений. Соответствующие изменения шли и в духовной культуре, образе жизни. Началось освоение русского языка, появилось множество заимствований из русской лексики.

Русские поселенцы в свою очередь стали перенимать скотоводческий опыт бурят, обогащая лексику своего языка бурятскими терминами и оборотами речи. Характеризуя явления подобного культурного синтеза языкового взаимовлияния, сибирский историк А.П. Шапов писал: «...в забайкальской области бурятский язык даже почти господствует над русским. По словам Ермена, по Ангаре и в Забайкалье монгольский язык сделался живым языком... Вследствие этого преобладающее лексическое наращение и главные провинциализмы русского забайкальского наречия все произошли из монголо-бурятского языка. Из источника оно преимущественно наполнялось терминологией зоолого-географической, словами, относящимися к разным родам, признакам и возрастам скота, к обычаям скотоводства, к разным продуктам скотоводческим, к пастбищным, степным и горным урочищам и т.д. Вследствие такого наращения, из 150 провинциализмов забайкальского наречия насчитывается до 70 или даже 90 монгольских слов, вошедших существенно, органически в состав русского говора»².

Вместе с тем влияние русской культуры было более разносторонним, глубоким, оно распространялось с участием государства, Русской Православной Церкви, торгово-экономического предпринимательства. В прошлые столетия Российская империя пыталась насильственно насаждать христианство среди западных бурят, но нередко оно воспринималось местным населением и на добровольной основе³. Явление это носило массовый характер, способствовало развитию новых элементов в мировоззрении, духовной жизни бурят, которые до этого придерживались шаманистских верований, формировался своеобразный синтез православно-шаманской религии, который в повседневном духовном обиходе бурята-крестьянина занял весьма заметное

место. Выводя эти культурные явления из чисто хозяйственно-социальных потребностей, З.П. Морохоева в своем исследовании приводит оригинальный фольклорно-ритуальный материал, бытующий среди христианизированного населения. «Пашенное земледелие, – пишет она, – зависело не столько от самих земледельцев, сколько от природных стихий, и земледельцы-буряты уповали на того же Бога, которому молились их русские соседи. В итоге получались такие, например, шаманско-православные воззвания к Николаю Угоднику:

Микола-бог, батюшка,
Тарбаганов преследующий
Хлеб посеявший Бог,
Посевы наши сделай здоровыми,
Травы наши сделай густыми
Дальние дожди направляй на наши поля....

Влияние христианства на бурят отразилось, в частности, в смещении сроков проведения тайлганов – шаманских ритуальных молебствий, сопровождавшихся играми и гуляниями народа. В конце XIX – начале XX вв. во многих местах тайлганы уже приурочивались к христианским праздникам: в июне – к Петрову дню, в июле – к Ильину дню, осенью к Покрову»⁴.

Распространение буддизма влекло новые формы приспособления, а иногда и подавления ранее существовавшей культурной среды, образуя особые синтетические культы и обряды.

В духовную традицию бурят был введен обряд «обо» – своеобразный синтез буддистско-шаманского почитания хозяев местности, в котором наличествовали и локальные культы родовых предков и культ Далха, оберегающего благополучие всех верующих. В семейном обряде «Найж», «Сахюсан», который является тоже буддистско-шаманским обрядовым синтезом, буддизм переосмыслил родоплеменную идею культа предков семьи, общую идею рождения в идею перерождения души, разрушая таким образом шаманистские представления о счастье, благополучии, достижимые и в этой

жизни. Но вместе с тем бурятский буддизм не отвергает и достижение благополучия, радости семейной жизни под покровительством буддийских божеств. В системе соционормативных предписаний буддизма, обращенных бурятскому сообществу, прочно сохраняется структура шаманистского почитания и старшинства - старших в роде, семье, обществе и т.д. Эта синтезная композиция социальной организации была лаконично выражена одним из ученых-лам Агинского дацана, который выделил в бурятском обществе «старших по образованию (лам)», «старших по положению (нойонов)», «старших по возрасту (старейшин)». Старшие в семье – среди них на первом месте мужчины: дед, отец, муж»⁵.

Буддизм, как мировая религия, стал идеологией территориального, межплеменного объединения бурят. Однако в силу одновременно начавшейся колонизации Сибири Российской империей, буддизм среди бурятского народа не стал официальной религией, он был вынужден вступить в конкуренцию с официальной религией Российского государства – православным христианством. Это историческое явление олицетворяло встречу, взаимодействие и, в конечном счете, противоборство двух культур, двух цивилизаций.

На первоначальном этапе взаимодействия двух культур – русской (европейской) и бурят-монгольской (восточной) – необходимо отметить относительно слабую аккультурацию ценностей метрополии среди аборигенов Сибири. Государство, православная религия, русская администрация на местах вели твердую и последовательную политику относительного ограничения развития коренной национальной культуры народов Сибири, как традиционно - родоплеменной, традиционно-обрядовой. Анализ этих явлений наталкивает на мысль, что все сибирские национальные окраины империи представляли особые формы резервации открытого типа, внутри которых почти нетронутыми сохранялись традиционная система жизнедеятельности и традиционно-обрядовая культура этносов. Отсюда очевидно: явления аккультурации могли иметь место в рамках обыденного сознания индивида и только в основном в зоне

хозяйственно-бытового контакта этносов.

Совершенно другая эпоха наступает с приходом советской власти. Это была эпоха интенсивного массового внедрения русской европейской культуры среди кочевого сельского населения. В первую очередь внедрялась русская письменность, русский язык, и в этом плане, ликвидация неграмотности среди взрослого населения и развертывание широкой сети начальных школ для всех детей явилось одним из крупных достижений нового государственного строя. Следующим этапом было создание всеобщей сети семилетнего и десятилетнего образования, специальных средних и высших учебных заведений.

Уже в 1980-х годах бурятский народ, как и другие народы Сибири, становится высокообразованным народом по критериям русской, европейской системы образования. В начале 1990 г. среди бурятского населения республики на каждые 1000 человек в возрасте 15 лет и старше 680 человек имели высшее и среднее образование. Интенсивные процессы индустриализации привели к кардинальным изменениям в социальной структуре бурятского народа. Почти половина занятого в производстве населения составляли профессионально подготовленные рабочие кадры, удельный вес городского населения достиг 44,6%, занятых умственным трудом - 39%. Только за последние 30 лет (60-90-е годы) численность инженерно-технических работников из среды бурят увеличилась в 7 с лишним раз, квалифицированных рабочих в машиностроении и металлургии - более чем в 5 раз, научных работников - в 9 раз, работников народного образования - 5,5 раза, медицинского персонала высшей и средней квалификации – примерно в 9 раз⁶. Идея научно-технического прогресса глубоко пронизывает ментальность молодого поколения бурят. Этим феноменом можно объяснить огромный интерес и стремление бурятских учащихся к овладению фундаментальными естественными науками, инженерно-техническими специальностями.

Наряду с этим огромное распространение получили ценности русской духовной культуры. Примерно три поколения потребовалось, чтобы русский

язык стал вторым родным языком не только для молодых людей, но и для людей среднего и старшего возраста. Русский письменный язык стал языком государственного и общественного делопроизводства, преобладающим языком на производственных, общественных совещаниях, встречах, деловых отношениях, семейного личного общения и т.д. На произведениях классиков русской и советской литературы воспитывалось подрастающее поколение бурятской молодежи.

Мощное воздействие оказывали кино, телевидение и другие средства массовой информации, которые внедряли в массовое сознание русскую, советскую культуру, формировали ценности и идеалы русского человека.

Но это была одна сторона, один аспект культурной духовной жизни бурятского народа (как и якутского, хакасского и многих других этносов сибирского края).

Другой внутренне имманентной стороной, аспектом духовной жизни народа естественно являются его собственные, наследуемые или же творимые духовные ценности. В философско-этическом и эстетическом значении, например, бурятская культура – это характеристика многовековой деятельности бурятского этноса, свидетельствующая об его развитии, о преобразовании духовного мира личности. Национальная культура бурятского народа, представляя сложную многоаспектную целостность, развивалась по следующим основным направлениям: самобытная культура хозяйственной деятельности (ведения скотоводства, охоты, земледелия, рыболовства, ремесел и т.д.), самобытная культура жизнеобеспечения (жилищного строительства, одежды, обуви, убранства дома и т.д.), собственная соционормативная культура (совокупность общественных и семейных традиций, морально-этических и правовых норм, взглядов и установок и т.д.) и самобытная культура художественного творчества, духовного познания мира. Духовной сутью выражения этой культуры издревле является язык народа - бурятский язык.

С началом советской эпохи началось языковое строительство, бурятский

язык становится государственным языком в бурятской автономии наряду с русским, совершенствовалась его письменная основа - бурятский язык стал развиваться на русском алфавите с единой литературной формой, базирующейся на богатом хоринском диалекте. Во всех школах велось обучение на родном языке на основе совершенствования грамматического строя языка, включающего единые принципы и нормы морфологии, фонетики и синтаксиса. На основе новой системы письменности возникла и развивалась национальная художественная литература, содержащая различные жанровые направления: прозу, поэзию, драматургию и т.д. Возникли развитые формы национального искусства: профессиональный театр, бурятская опера, балет, симфоническая музыка, живопись, зодчество.

Таким образом, в советскую эпоху, в течение всего XX в., культура, культурная жизнь бурятского народа развивалась в двух направлениях - в направлении освоения русской, европейской культуры и направлении развития собственной автохтонной культуры. Субъектом реализации этих процессов оставался один социальный организм, поэтому эти два направления могут выражаться единым понятием «культура бурятского народа» или же более точно «современная культура бурятского народа». Таким же образом правомерно обозначить «современную культуру якутского народа» и культуры всех других народов Сибири. Здесь очень важно отметить исторически стадийный характер эволюции и взаимодействия двух пластов культуры. При первоначальном соприкосновении эти культуры представляли определенное синкретное явление в духовной жизни народа в том смысле, что они были сочетанием во многом разнородных, зачастую противоречивых подходов, воззрений на социальную действительность. В XVII–XVIII вв. традиционная культура коренных народов Сибири и культура господствующая, инонациональная, отражающая дух феодально-абсолютистского государства, представляли, действительно, феномены несовместимые и по логике того жестокого исторического времени первая должна была быть подавлена, полностью разрушена.

Но в реальном историческом развитии этносов эти два пласта духовного творчества сохранялись, причем, в течение длительного времени их внутреннее взаимодействие усиливалось, происходил переход к состоянию симбиоза культур. Как известно, понятие симбиоза - биологическое, которое характеризует длительное сосуществование организмов разных видов, обычно приносящее им взаимовыгодную пользу. Это понятие вполне интерпретируемо на явлениях общественной жизни: например, симбиоз русско-бурятской, русско-якутской и т.д. культур являлся исторически позитивным в том смысле, что, с одной стороны, компонент «русский» укреплял адаптацию аборигена к новому социальному пространству - к Российской империи, с другой стороны, компонент «традиционный» укреплял адаптацию пришлого казака, крестьянина к новому осваиваемому Сибирскому региону.

Качественно новой стадией процесса взаимодействия двух пластов культуры являются процессы синтеза, которые характерны для новейшей истории народов Сибири. Это достаточно сложное и распространенное явление вырисовывается уже на уровне сложившихся новых социально-культурных отношений, при этом речь идет не только об актах простого взаимодействия традиций и современности, национального и интернационального через диффузию культурных элементов из одного общества в другое, но и о процессах качественного новообразования многоуровневого и многосоставного характера. Типичным примером могут служить социально-культурные процессы, происходящие в среде бурятского общества во второй половине XX в. Явления синтеза мы наблюдали в языковом строительстве, утверждении системы двуязычия бурятского народа, в становлении и развитии новой бурятской художественной литературы, бурятского театра, оперы, балета, живописи, зодчества и т.д.

Например, бурятский балет.

Как известно, этого жанра искусства в прошлом не было у бурят. При создании национального балета использовались лучшие каноны и традиции

русского классического балета и с другой стороны, лучшие образцы традиционных бурятских танцев и игр, музыкальных мелодий, художественно-исторических легенд. Так, например, появился балетный спектакль «Красавица Ангара». Это не русский и неевропейский балетный спектакль. Но это синтез русского классического балета и традиционной бурятской музыкальной культуры. С другой стороны, это не простое подражание русскому балету и бурятским музыкально-танцевальным играм, а новое явление в искусстве балета.

Бурятская опера. При ее создании, естественно, использовались классические каноны и образцы русской, европейской оперы, и с другой стороны, богатое фольклорно-музыкальное наследие народа. Характерный пример тому, бурятская опера «Энхэ-булат Батор». И это тоже синтез русской, европейской оперы и национального музыкального наследия народа.

Бурятская художественная литература. Становление бурятского романа, повести, рассказов шло под влиянием классических образцов русской литературы, равно как в поэзии, драматургии. Здесь же использовались старые бурятские формы устного народного творчества и литературных образцов (старомонгольской вертикальной письменности). Примером может служить повесть Ц.Дона «Хиртэһэн һара» («Затмение луны»), почти аналог «Поднятой целины» М.Шолохова, также отражающий события времен колхозного строя в бурятском улусе. В то же время – это произведение, передающее неповторимый аромат свежести и своеобразия бурятского языка, бурятского народного духа и уклада жизни.

В мир еще более сложных явлений входим, когда мы рассматриваем метаморфозы человеческого сознания. Несомненно, в нашем представлении сдвиги, происходящие в глубине психики и сознания под воздействием длительного феномена аккультурации, являются квинтэссенцией социального синтеза в сфере духовной жизни. Следует отметить, что еще в самом начале XX столетия в теоретическом сознании немногочисленной тогда группы национальной интеллигенции идея синтеза культур рассматривались как

неизбежная и необходимая для бурятского возрождения.⁷

Программный характер эти идеи приобретают в начале эпохи советского строительства. Тогдашний лидер бурятского народа М.Н. Ербанов, определяя задачи культурного строительства, писал: «По мере роста материальных средств будут расти культурные силы и возможности: школы, больницы, интеллигенция, появятся свои агрономы, инженеры, техники, педагоги, доктора и пр. На первых порах этот кадр культурных сил в основном будет воспитан на русском языке и в русских учебных заведениях, и параллельно с этим будут расти культурные силы на бурят-монгольском языке, будет постепенно расти кадры своих ученых, разовьется язык, литература, возникнут учебные заведения и проч.»⁸

Вся советская эпоха жизни оказалась временем массивной обработки массового сознания в направлении материалистического мировоззрения, отрицания бессмертия человеческой души и верховенства потустороннего мира над земной жизнью. Между тем религиозные чувства в основной массе бурятского населения были глубокими. Буддизм учил, что земной мир иллюзорен и неинтересен для его познания, что человек должен страдать, очищаться от грехов, живя на земле, и жить он должен в повиновении, по законам и заветам, которые устанавливают бодхисаттвы, святые учителя, последователи Будды. Однако мощное развитие светского образования, русского, европейского в своей основе, распространение «европогенной» научно-технической мысли и знаний, индустриализация, урбанизация, интернационализация уклада жизни шаг за шагом разрушали религиозно-мистическое сознание, формировалось сознание материалистическое, атеистическое в своей основе, познающее, готовое к активному действию. Но человеческое сознание, интеллектуальное и интуитивное, рационалистическое и иррациональное, теоретическое и обыденное – «океан» в своей бездонности и безмерности, так просто и быстро невозможно исчерпать его одно составное и заменить другим составным. Поэтому с новым мирозерцанием и

мироощущением уживалось старое, может быть, отодвинутое в угол, назад от активного мышления и мировосприятия. Старое идеалистическое, религиозно-мистическое сознание давало рецидивы роста распространения за все десятилетия социалистической жизни с каждым новым социальным бедствием народа - двумя мировыми войнами, гражданской войной, разрухами, репрессиями, холодной войной и страхом атомной смерти. Без риска преувеличения можно констатировать, что и в настоящее время сознание сибирского человека имеет синтетический характер, но это такой социальный синтез, который аккумулирует все явления и на всех уровнях процессы межформационного, междивизиационного и межкультурного взаимодействия общества.

-
1. Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы философии. 1966. № 8. С.105.
 2. Щапов А.П. Соч.: в 3 т. СПб., 1906. Т. 2. С. 498.
 3. Этнокультурный облик России: исторические традиции взаимодействия народов. М., 1995. С. 31.
 - Нимаев Д.Д. Этно-демографические процессы в Бурятии в XIX–XX в. // Бурятия XVII – начала XX в. Новосибирск, 1989. С.76.
 4. Морохоева З.П. Личность в культурах Востока и Запада. Новосибирск, 1994. С. 60.
 5. Ламаизм в Бурятии XVII – начала XX века: структура и роль культовой системы. Новосибирск, 1983. С. 113.
 6. Материалы Всесоюзной переписи 1989 г. Бур. АССР
 7. Жамцарано Ц. О правосознании бурят. Сибирские вопросы, 1905. № 2.
 8. Ербанов М.Н. Вопросы культурно-национального строительства Бурятии. Верхнеудинск, 1926. С. 7.
-

Культура взаимодействия этносов Забайкалья
(историографический обзор)

Ю.Ю. Жаркова

Проблема взаимодействия культур, давно уже ставшая предметом пристального внимания исследователей, в сегодняшнем мире приобретает все более очевидную актуальность. Достаточно указать на развитие процессов глобализации: возникновение более совершенных технологий, обеспечивающих новые возможности для «встречи» культур, расширение спектра и усиление интенсивности этого процесса, чтобы понять значимость дальнейшей разработки данной проблемы. Такие вопросы, как условия и предпосылки межкультурных взаимодействий, характер и специфика осуществления этих процессов, формы проявления и социальные последствия взаимовлияния культур, не только имеют чисто научный, теоретический смысл, связанный с пониманием феномена как такового, но и приобретают нередко острый, с точки зрения социальной значимости, общественного резонанса, смысл.

Ни одна этническая общность не может существовать в абсолютной изоляции от других народов. Практически каждый этнос в той или иной степени открыт для восприятия культурных достижений других этносов и одновременно готов поделиться собственными достижениями и ценностями. Совместное проживание на территории Забайкалья в течение более трех столетий разных по образу жизни и культуре народов не могло не привести к взаимодействию и взаимовлиянию. Обращение к истории контактов русской культуры с культурами других народов представляет интерес потому, что этот материал дает

наибольшее разнообразие вариантов заимствований. Особый интерес представляет для нас Забайкалье. В процессе миграции на весьма обширной территории русские вошли в контакт с представителями самых разных культур, среди которых наиболее многочисленными были буряты. Большой интерес вызывают суть и ход данного процесса, его конкретное содержание, характерные черты и особенности, значение для судеб местного и русского населения. Все это позволит в рамках изучения данной проблемы проанализировать воздействие социально-экономических, политических, этнических, экологических факторов на общие закономерности и специфические особенности.

Культурологический и историографический анализ литературы позволяет выделить четыре основных периода: XVII–XVIII вв., XIX – начало XX в., советский и постсоветский периоды. К работам первого периода следует отнести записки служилых и работы участников академических экспедиций.

Уже первые донесения служилых и промышленных людей дают возможность узнать, как зарождались и развивались взаимоотношения русского и коренного населения Забайкалья в XVII и XVIII вв. Из архивных документов видно, как постепенно завязывались хозяйственные и торговые связи, как развивающаяся экономика края втягивала в орбиту своей деятельности местное население. Большой вклад в изучение коренных народов внесли участники академической экспедиции Г.Ф. Миллер и другие. Благодаря их сведениям, мы можем проследить, как развивались отношения между русским и коренным населением, характер русского влияния на хозяйственную жизнь и материально-бытовое положение коренных жителей, как осуществлялась адаптация русских к новым условиям, сопровождавшаяся перестройкой традиционного образа жизни, появлением новаций, в том числе и заимствованных в культуре местных народов. Опираясь на эти данные, мы убеждаемся в том, что сближение коренного и русского населения в области материального производства явилось основой для их взаимного сближения в сфере социальной жизни, домашнего быта, духовной культуры. Несмотря на противоречивый характер

демографических, экономических, социальных и культурных явлений, очевидна прогрессивная роль России¹. Г.Ф. Миллер рассматривал процесс присоединения Сибири как процесс «добровольно-принудительный», в котором завоевание и добровольное подчинение взаимно переплетались и обуславливали друг друга. Взаимоотношения русских с народами Сибири Миллер характеризует, как стремление действовать, «смотря по обстоятельствам, лаской или принуждением»². Автор считает одним из средств укрепления российской власти и искоренения «непорядков и злоупотреблений» в Сибири христианскую православную церковь³.

Во второй половине XVIII в. Императорская Академия наук (СПб.) вновь организовала серию научных экспедиций для изучения страны, включая Сибирь. В трудах ученых, посетивших в 70-е годы XVIII в. Бурятию, мы находим данные о том, что западные буряты вели оседлый образ жизни, что, начиная с первой половины XVIII в., у них начинает восстанавливаться земледелие, а также о торговых отношениях русских и бурят, об охране границ бурятами и т.д.⁴

Ценность работы М. Татаринова⁵ – в обстоятельном описании жизни бурят и русских в 60-е гг. XVIII в. Он дал интересные сведения о жилище и пище бурят и русских, о хозяйстве и торговле, об охране границ «братскими казаками». Н.В. Паршин, в 30-е гг. XIX в. рисует картину «благоденствия». По его словам, сибирские народности «не в пример американским, истребленным европейцами, живут, благоденствуют под кроткой десницей царя, оставленные на приволье степей сибирских, с их обычаями, верою и правами, и приняты в великое семейство сыновей России»⁶.

Большой вклад в изучение народов данного региона внесли декабристы. Основным источником их изучений были наблюдения, дружеское общение, беседы, записи рассказов местных жителей, предания, легенды. В частности, Н.А. Бестужев рассказал о том, как буряты делали первые опыты перехода на земледельческое хозяйство. В целом, его статьи и заметки проникнуты глубокой

симпатией к бурятам, в них тонко подмечен процесс сближения русских с бурятами, основой которого была взаимная передача производственного опыта⁷.

Период конца 60 – первой половины 70-х годов XIX в. связан с пребыванием в Сибири А.П. Щапова, который собрал огромный фактический материал по этнографии русских и бурят. В центре его трудов «Историко-этнографические и этнологические заметки о сибирском населении», «Историко-этнографическая организация русского народонаселения» лежит проблема метисации⁸.

Хозяйство и быт русских и бурят описаны в работах Г.М. Осокина, который отметил, что совместная жизнь и постоянное общение в крае разных по духу народностей не могли не вызвать взаимодействия. Осокин сообщил также о том, что русские первопроходцы быстрее утратили свои бытовые особенности, чем буряты, о заимствованиях в народном эпосе русского населения, о взаимных обменах суевериями, поверьями, о строительстве бурятами домов, их внутреннем убранстве⁹.

Во второй половине XIX в. Н.М. Ядринцев высказал мысль, что увеличению благосостояния бурят должно содействовать распространение между ними просвещения, к которому они «имеют охоту и способности». При этом исследователь отметил, что буряты охотно изучают русский язык¹⁰.

Вопросами взаимоотношений бурят с русскими в области духовной культуры занимался исследователь А.И. Подгорбунский. Его труд «Буряты» представляет собой исторический очерк о бурятах после присоединения их к России¹¹. Автором высказана мысль о том, что двухсотлетнее совместное проживание не осталось бесследным как для русских, так и для бурят.

Бурятский ученый М.Н. Хангалов также посвятил ряд своих работ взаимоотношениям русского и бурятского населения, акцентируя внимание на материальной культуре¹².

Большую ценность представляют бурятские исторические хроники¹³. Это важные источники сведений о культурном взаимодействии бурят и русских,

заселении бурятских земель, русских заимствованиях в материальной и духовной культуре бурят, об охране границ бурятскими казаками, принятии христианства бурятами, создании школ и т.д.

В бурятской научной среде Базар Барадийн был одним из первых, кто затронул вопросы взаимодействия культур. Он обратил внимание на закономерность общения народов и их взаимное обогащение. По мнению Барадийна, каждая культура является самобытной и составляет часть мировой. Эти пути закономерны, ибо имеют единую направленность – совершенствование сущности человека¹⁴.

В 1937 г. вышла книга А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов», в которой автор собрал обширный документальный материал по истории бурят XVII в.¹⁵

Ф.А. Кудрявцев писал о положительном влиянии русского народа на хозяйство, общественные отношения и культуру бурят¹⁶.

В.И. Шунков в своем труде обозначил благотворность факта вхождения народов Сибири в состав Российского государства для их дальнейшего развития, показал, как русский земледелец передавал свои трудовые навыки коренному населению, заимствуя при этом знание местных условий¹⁷.

Новые научные материалы истории заселения, хозяйственного освоения, экономического развития, изменения в хозяйстве русского и коренного населения¹⁸ были обобщены в «Истории Бурят-Монгольской АССР», «Истории Сибири».

Исследование Е.М. Залкинда «Присоединение Бурятии к России»¹⁹ дает большой материал по вопросу о ходе присоединения Западной Бурятии и Забайкалья к России, о влиянии присоединения на хозяйственное и общественное развитие бурят.

В 1959 г. вышел сборник трудов Бурятского комплексного научно-исследовательского института, посвященный 300-летию вхождения Бурятии в состав России. В статьях ведущих ученых института Е.М. Залкинда, И.А.

Асалханова, В.И. Шункова, Ц.Б. Цыдендамбаева, А.И. Уланова, М.П. Хомонова и других нашли отражение вопросы прогрессивного значения присоединения Бурятии к России, хозяйственного и общественного отношений, развития земледелия у бурят, взаимного обогащения русского и бурятского языков²⁰.

И.А. Асалханов в статье «Хозяйственное и общественное развитие бурят после вхождения Бурятии в состав России»²¹ на основе опубликованных документальных источников показал, как происходил процесс присоединения бурятских земель, хозяйственное и культурное сотрудничество русского и бурятского населения.

Д.Д. Нимаев, анализируя этнодемографические процессы в Бурятии в XIX-начале XX вв., заметил, что в процессе межэтнического общения русских и бурят культурное влияние не было односторонним, в частности, в области языка, верований, а также хозяйственной сфере. Особо подчеркнута, что включение Бурятии в состав Российского государства сыграл, в конечном счете, положительную роль для консолидации различных родоплеменных и территориальных групп в единую бурятскую народность²².

О проблемах духовной культуры русского и бурятского народов писали Т.М. Михайлов, А.Н. Копылов, Л.М. Дамешек, Г.Е. Митыпова, Г.Е. Манзанов, Ф.Ф. Болонев, Н.В. Абаев, М.Б. Абсалямов, А.Ф. Анисимов, Г.С. Махарова и другие²³. В частности, Ф.Ф. Болонев, говоря об освоении русскими Забайкалья, рассматривает не только степень влияния русских на развитие культуры аборигенов, но и о вкладе местных народов в образование специфических для русских Забайкалья черт культуры, выработанных в результате совместного многовекового проживания на одной территории. Г.С. Махарова считает, что развитие национально-смешанных браков и семей является положительным показателем межнационального взаимодействия народов Республики Бурятия. Г.Е. Манзанов в своей монографии на основе анализа обширного социологического материала рассматривает проблемы религиозного опыта,

воспроизводства религиозных традиций в культуре бурятского народа, прослеживает динамику трансформаций традиционных верований.

Авторы коллективного труда «Этнография русского крестьянства Сибири. XVII–середина XIX в.» детально описывают русские поселения в Сибири, жилище и хозяйственные постройки, одежду, пищу, семью и семейный быт сибирского крестьянства, отмечая изменения в быту под влиянием местных жителей²⁴.

Петербургский исследователь Л.Р. Павлинская в своем очерке о бурятах XIX в.²⁵ акцентирует внимание на сочетании двух хозяйственно-культурных типов русских и бурят, образовавших неразрывный симбиоз, на сотрудничестве в торговой деятельности, на распространении русского языка, смешанных браках.

Исследователь О.Н. Шелегина, рассматривая проблемы адаптации русского населения в условиях освоения Сибири, выявляет особенности культурно-хозяйственных отношений поселенцев и коренных жителей Сибирского региона²⁶. В энциклопедии Сибири по истории купечества – коммерции исследованы проблема торгово-коммерческого взаимодействия народов Забайкалья, основные события истории становления и развития торгово-промышленной сферы, характеристика социального облика сибирского купечества, степень его участия в общественной и культурной жизни Забайкалья²⁷.

С конца 1980-х гг. начинается новый период в исследовании проблемы межкультурного взаимодействия народов Забайкалья. Для работ этого периода характерно многообразие методологических подходов, позволяющих взглянуть на изучаемую проблему с разных сторон.

В частности, социально-психологические аспекты исследуются в работе А.Д. Карнышева²⁸, промысловая культура русского и аборигенного населения представлена в статьях И.П. Башарова. Особенно интересны работы В.А. Михайлова³⁰, дающие развернутую картину развития традиционных занятий

бурят после присоединения Восточной Сибири к Российскому государству. В трудах ученого используется богатый фактический материал, дающий представление о развитии производящих отраслей хозяйства – скотоводстве, земледелии, а также ремесел и жилищного строительства.

В последние годы большое внимание уделяется изучению проблемы взаимодействия русского и бурятского языков. Еще в 1980-х г. Л.А. Элиасов составил словарь русских говоров Забайкалья³¹. Современные исследователи Г.А. Дырхеева, Р.Х. Харташкина, Б.Ж. Будаев, Д.Л. Шагдаров обращаются к проблемам бурятско-русского двуязычия, заимствованным словам.³² В частности, в трудах этих ученых говорится о том, что своеобразие отражения этнических процессов в области хозяйственной культуры определяется, помимо иных факторов, теснейшей связью всех ее форм с языком. Язык принадлежит к числу устойчивых этнических признаков, наименее жестко детерминированных социально-экономическими факторами. С другой стороны, язык отражает историю народа, характер и интенсивность его связей с соседями, степень его внутреннего единства и культурного развития.

Формы культурной взаимосвязи народов на территории Забайкалья были многообразными. Хозяйственные, административные, торговые и бытовые связи способствовали тому, что русское население овладевало бурятским, а буряты – русским языком. Достаточно беглого взгляда на факты взаимных языковых заимствований, чтобы понять, что русские и буряты вступали в контакт на здоровой почве и обогащали друг друга трудовым и жизненным опытом. Существование среди населения региона людей, знающих два и более языка и функционально применяющих их, можно отнести к элементам зарождения новых отношений. Поскольку интегрирующие и дифференцирующие свойства представляют диалектическое единство, то зарождение в XVII в. Двуязычия в полиэтнической сибирской среде выступало, с одной стороны, как средство этнокультурного сближения, а с другой – консолидационных процессов этносов Сибири. В 1999 г. в Новосибирске вышел «Словарь говоров старообрядцев

(семейских) Забайкалья», где зафиксировано немало бурятских заимствований в говорах семейских³³.

В трудах О.В. Бураевой, Цынгуйевой Д.Д., Анандаевой Ц.Ц., Ю.Ю. Жарковой³⁴ проблема взаимодействия народов Забайкалья нашла комплексное решение, впрочем требующая продолжения исследования. В том числе проблемы хозяйственного освоения Забайкалья, не теряющие своей актуальности и в настоящее время. Встреча культур, цивилизаций – это не только противостояние, но, прежде всего, установление межкультурных контактов, приводящих к межэтническому взаимодействию в сфере материальной и духовной культуры, а также в семейно-бытовых отношениях. В каждом регионе, где приходят в соприкосновение разные по культуре народы и начинают совместную жизнь, неминуемо происходит двусторонний этнокультурный процесс во всем его многообразии. Все это ведет к культурному взаимообогащению живущих по соседству народов, к образованию новых этнических групп, хорошо приспособленных к местным условиям.

Таким образом, проблема этнокультурного взаимодействия русского и коренного населения Забайкалья ставилась и ставится как в дореволюционной литературе, так и в литературе XX в., но только в последние годы XX и в начале XXI в. она начинает получать более основательное и полное освещение.

1. Бураева О.В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII - начале XX в. Улан-Удэ, 2005. С. 3.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 275.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.– Л., 1941. С. 73.
4. Гирченко В.П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939. С. 34.
5. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. Улан-Удэ, 1958. 88 с.
6. Паршин Н.В. Поездка в Забайкальский край. М., 1884. С. 142.

7. Бестужев Н.А. Бурятское хозяйство // Декабристы в Бурятии: по документам Центр. гос. архива / Сост.: С.Г. Аюшеева, Л.П. Шапова. – Улан-Удэ, 1992. 56 с.
8. Щапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Избранное: Репринтное издание / Сост. А.М. Манджаров. Иркутск, 2001. С. 47.
9. Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы по этнографии юго-западного Забайкалья. СПб., 1906. С. 30.
10. История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 164.
11. Подгорбунский И.А. Буряты (Исторический очерк). Иркутск, 1903. 32 с.
12. Хангалов М.Н. Собр. Соч. Т. 1. Улан-Удэ, 1958.
13. Бурятские летописи / Сост.: Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова Улан-Удэ, 1995. 197 с.
14. Барадийн Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности. Верхнеудинск, 1927.
15. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. 425 с.
16. Кудрявцев Ф.А. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII-XX вв. // ВИ. 1946. № 10. С. 85–94.
17. Шунков В.И. Очерки из истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1954. С. 17.
18. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 // Под ред. д-ра ист. наук А.П. Окладникова. Улан-Удэ, 1954. 573 с.; История Сибири с древнейших времен до наших дней. [Гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков]. В 5-ти томах. Л., 1968. Т. 2.
19. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. 320 с.
20. Тр. БКНИИ. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. 146 с.

21. Асалханов И.А. Хозяйственное и общественное развитие бурят после вхождения Бурятии в состав России // Дружба навеки. Улан-Удэ, 1985. С. 20-35.
22. Нимаев Д.Д. Этнодемографические процессы в Бурятии в XVII-XVIII в. // Актуальные проблемы истории Бурятии. Улан-Удэ, 1987; он же. Этнодемографические процессы в Бурятии в XIX-начале XX в. // Бурятия. XVII- начало XX в. Экономические и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 69-84; он же. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000. 250 с.
23. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск., 1987. 288 с.; Копылов А.Н. Очерки истории культурной жизни Сибири XVII- начала XX вв. Новосибирск, 1974. 270 с.; Дамешек Л.М. Русская церковь и народы Сибири в первой трети XIX в. // Социально-экономическое развитие Сибири XIX- XX вв. Иркутск, 1976. 138 с.; Митыпова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ. 2005. 200 с.; Манзанов Г.Е. Религиозные традиции в культуре Бурятского народа. Улан-Удэ, 2005.
24. 156 с.; Болонев Ф.Ф. Духовная культура и быт крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII-начале XIX в. Новосибирск, 1996. 160 с.; Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии // Отв. ред. Н.В. Абаев. Новосибирск, 1992. 210 с.; Абсалямов М.Б. Очерки истории культуры Сибири. Красноярск, 1995. 130 с.; Анисимова А.Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. Л., 1969. 148 с.; Махарова Г.С. Развитие национально-смешанных браков и семей как показатель межнационального взаимодействия народов Республики Бурятия / Г.С. Махарова; Отв. ред. Т.М. Михайлов. Улан-Удэ, 2003. 37 с.
25. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII-середина XIX в. М., 1981. 269 с.

26. Павлинская Л.Р. Буряты // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). М.; Улан-Удэ, 1995. Вып. 1. С. 5-49; она же. Кочевники голубых гор: Судьба традиционной культуры народов восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью / Л.Р. Павлинская. СПб., 2002. 263 с.
27. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М., Вып. 1-2: Историко-этнографические и социокультурные аспекты. XVII-XX вв., 2001-2002 гг.
28. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4-х томах / Ред. Д.Я. Резун, Д.Ю. Метерешков. Новосибирск, 1999.
29. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. Улан-Удэ, 1997. 184 с.
30. Башаров И.П. Заимствованные элементы в русской промысловой культуре восточного Прибайкалья // Межкультурное взаимодействие народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 2004. С. 55-73; он же. Пережитки промыслового культа у русских старожилов Восточного Прибайкалья // Межкультурное взаимодействие народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 2004. С. 85-104.
31. Михайлов В.А. Войлочная и деревянная юрты бурят. Красноярск, 2004. 78 с.; Он же. Традиционные занятия бурят: животноводство, земледелие (XVII-начало XX века). Улан-Удэ, 2005. 276 с.; он же. Традиционные промыслы бурят: охота, рыболовство (XVII-начало XX века). Улан-Удэ, 2006. 140 с.; он же. Традиционные ремесла бурят: строительство, металлообработка (XVII-начало XX века). Улан-Удэ, 2006. 196 с.
32. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. 472 с.
33. Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1982. 131 с.; Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический анализ). Улан-Удэ, 1999. 142 с.; Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ, 2002. 188 с.

34. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. 540 с.
35. Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – первой половине XIX в. Улан-Удэ, 2000. 206 с.; она же. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона. Улан-Удэ, 2005; Цынгueva Д.Д. Эволюция традиционных культурных ценностей бурятского этноса. Чита, 2004; Анандаева Ц.Ц. Бурятско-русский социокультурный диалог. Чита, 2004; Жаркова Ю.Ю. Роль культурных традиций в межнациональном общении // Проблемы менталитета в истории и культуре России: Сборник научных трудов кафедры гуманитарных дисциплин НИЭМ. Вып. 4. Новосибирск, 2004. С. 11; она же. Национальная культура – душа народа // Этногенез и цивилизационные перспективы в образовании России: материалы международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2004. С. 107; она же. О формировании межэтнических социокультурных связей (на примере Бурятии) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: Материалы региональной научно-практической конференции: в 3 т. Новосибирск, 2005. Т. 3: История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве / Под ред. В.А. Зверева. С. 35.

Материалы о бурятах в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАН: история, политика, этнография, фольклор

И.В. Кульганек

В Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (АВ СПбФ ИВ РАН) хранится большое количество материалов, связанных с жизнью бурятского народа. Среди них имеется богатое рукописное наследие отечественных востоковедов, которое представляет собой неопубликованные монографии и материалы к ним по истории, географии, праву, экономике, религии, этнографии, фольклору, литературе, языку, искусству бурятского народа. По типу они очень разнообразны: это и подготовленные к печати научные статьи и черновые наброски к ним; конспекты книг, лекций; отзывы; рецензии о книгах, о курсовых студенческих работах, диссертациях; библиографии трудов ученых; дневники, отчеты о научных поездках; переписка с коллегами; словари и материалы к ним; есть также рисунки; фотографии; планы; схемы; карты; таблицы; нотные записи.

В Архиве хранятся также разнообразные документы: протоколы, постановления, решения, заключения съездов, судов, общественных организаций, министерств, ведомств, касающиеся многих сторон жизни бурятского народа. Здесь есть документы о проведении земельных реформ, переписи населения, пропаганде советского строя и советского образа жизни,

учреждении учебных заведений, разрешения печатания книг, строительства школ и дацанов – бурятских буддийских монастырей.

Время создания Архива уходит корнями к моменту организации Азиатского музея (1818), материалы которого формировались из поступлений Библиотеки АН, Конференц-Архива и других ранних научных и научно-политических образований России. Основная часть материалов о бурятах была передана востоковедами, работавшими в Азиатском музее (с 1931 – Институт востоковедения АН СССР), Санкт-Петербургском университете, учреждениях Коллегии Министерства иностранных дел^{cvi}.

В начале XX в. большое количество материалов поступило от Русского Комитета для исследования Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Фонды пополнялись за счет покупки и дарений архивов ученых.

В Архиве востоковедов выявлено около 300 единиц хранения, в которых содержатся материалы о бурятах. Они находятся в следующих личных фондах: Барадийн Б.Б.(Б.Барадин) (ф. 87), Березин И.Н. (ф. 5), Березовский И.М. (ф. 59), Бичурин Н.Я. (ф. 7), Голстунский К.Ф.(ф. 60), Жамцарано Ц.Ж.(ф. 62), Иериг И. (ф. 21), Казакевич В.А.(ф. 63), Клеменц Д.А. (ф. 28), Ковалевский О.М.(ф. 29), Кюнер Н.В. (ф. 91), Маркон А.И. (ф. 140), Миллер В.Ф. (ф. 38), Обермиллер Е.Е. (ф.100), Ольденбург С.Ф. (ф. 41), Панкратов Б.И. (ф. 145), Погорельский П.В. (ф. 104), Позднеев А.М. (ф. 44), Попов Н.А. (ф.109), Самойлович А.Н. (ф. 81), Таранович В.П. (ф.102), Тубянский М.К. (ф. 53), Шастина Н.П. (ф.146), Шиллинг фон Канштадт .П.Л. (ф. 56), Якимов В.Д. (ф. 83). Наиболее богатые материалами фонды Ц.Ж. Жамцарано и Б.Б.Барадийна – неутомимых собирателей бурятского и монгольского фольклора. Эти фонды уже не раз привлекали внимание ученых. Имеются их описания, в некоторых указаны шифры^{cvi}.

В фонде Ц.Ж.Жамцарано (ф. 62) имеются записи бурятского фольклора, сделанные им во время этнолого-лингвистических экспедиций в Бурятии.

Тогда он собрал большое количество произведений на многих бурятских наречиях и говорах: эхирит-булагатском, хоринском (агинском, хилокском), аларском, кижингинском, кударинском. Наиболее объемные собрания представляют собой следующие единицы хранения:

Дело № 1 «Коллекция 1903 г. Записи образцов народной словесности монгольских народов».

Дело № 3 «Коллекция Жамцарано 1903, 1904, 1905 гг.».

Дело № 4 «Материалы 1906 г.».

Дело № 5 «Материалы 1906 г.».

Дело № 14 «Материалы 1908-1909 гг.».

Дело № 15 «Материалы 1908-1909 гг.».

Дело № 21 «Записи по фольклору».

Дело № 40 Дневник, веденный за время поездки по бурятским улусам для собирания этнолого-лингвистического материала. 1–12.IX 1903 г.».

Дело № 117 «Дневник, начат 3 июня 1903 г. Юролы^{сiх}, песни, загадки, пословицы, песни предания, легенды, мифы о народной медицине, быте, обычаях».

Многие из единиц хранения представляют собой пухлые папки, состоящие из рукописных листов с записями в академической русской транскрипции героических поэм, сказок, песен, образцов афористической поэзии бурятского народа. Дела под номерами 4, 7, 8, 9, 11, 12, 13 полностью содержат героические поэмы^{сх}. Это: «Абай Гэсэр», «Уншин Хара хубуун», «Цээтэй ав», «Алтан Цегецей хувуун и Долотой Долбой духей», «Город и свеча, о двух названных братьях-богатырях», «Арбан Таба Насатай Айдурай Мэргэн хубун Агу Ногон духей хойор», «Аламжи Мэргэн хубун», «Ха Ошир, сын царя Хан Богдур», «Абай Хэлий Галзу батор», «Эрийн Сайн Залуудай Мэргэн», «Бурхан Тэнгри Заян», «Болод Хурай», «Бух Хара хубуун», «Алтан Шагаi хубуун», «Јондон хан», «Ошир Богдо хубуун», «Сэбнэг Мэргэн хубуун», «Шонходой Мэргэн хубуун», «Буралдай Богдо хан», «Хурин Алтан хубуун», «Менјилтэ Мерген ЗутанХара

Абага хојор», ««Хеједер Мерген», «Ереелдей Езен Богдо Мэргэн хан», «Абарал Тогдол хаан», «Хуучиі Унеенһе Гарһан Хірілтуур Мэргэн», «Алтан Шірээтэ хаан», «Хубілгаан Удуһон Ухаанта Улаан Морітой Лодоі Мэргэн»^{сxi} и др.

Лучшие исполнители эпоса – улигершины: Маншуд Эмегенов (Эмегеев), Бутушка Бурлаев, Базар Галданов, Бадма Цырен Дашибалов, Харитон Николаевич Терентьев, Лазарь Бардаханов, Ангат Хунгуроев (Хунгуреев) и др. пели и рассказывали собирателю героические поэмы. Позже ряд поэм был издан.^{сxii}

В фонде имеется около тысячи «быстрых, протяжных, современных» песен, среди которых есть как обрядовые: хвалы, оды, величальные, здравицы, свадебные пожелания счастья, праздничные гимны, так и не обрядовые: эпические, исторические, лирические, философские, сатирические. Сосредоточены они в делах под номерами: 1, 3, 5, 15, 18, 40, 117.

Материалы по конфессиональному фольклору включают описания различных обрядов, записи шаманских текстов (молитв, заклинаний, призываний, обращений к местным духам – заянам). Среди них есть: «Описание больших и малых тайлганов»^{сxiii} (Дело 6), «Шаманские молитвы, напутствия» (Дело 15), «Брызги тенгриям^{сxiv} кобыльего молока» (Дело 97).

Несмотря на постоянно внимание ученых к архивному наследию Ц.Ж.Жамцарано, многие его рукописи еще ждут своего исследователя.

В фонде Б.Б.Барадийна (ф. 82) имеется также достаточно большое количество материалов, имеющих отношение к бурятам. Наиболее ценны его дневники, находящиеся в двух делах:

Дело 26: «Дневник поездки, совершенной летом в 1903 г. вольнослушателем СПб. Университета Барадийным в Забайкальскую область по поручению Имп. Академии наук для собирания материала по буддийской иконографии (История дацанов^{сxv} Гусиноозерского, Цогольского, Ацагаевского, Анинского, Эгитуйского. Встреча с Хамбо-ламой^{сxvi}. Репетиция цама^{сxvii}. Беседа с дзуракчинами^{сxviii} о буддийской иконографии. Оценка трудов по истории

происхождения буддийских и тибетских сект. Пять школ цанита^{схix}. Способ производства бурханов^{схx} из меди. Техника живописи в собрании сочинений Хайдуб -хамбы. Школа дзурачинов в Амдо)».

Дело 27 «Дневник Бадзара Барадийна, командированного Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Забайкалье (Сведения о буддийских сочинениях и их авторах)».

Дополнениями к этим дневникам являются материалы следующих дел:

Дело 1 «Описание главных (цокченских) храмов в Цугольском и Агинском дацанах, Составил Б.Барадийн 16 августа 1904 г.».

Дело 2 «Планы Цугольского и Агинского храмов».

Дело 3 «Описание главных зогченских храмов в Цугольском и Агинском дацанах – с 4 июля по 5 сент. 1904 г. (Описание, история постройки. Внутренний вид храмов: цаннитского, медицинского и Майтреи^{схxi})».

Дело 11 «Опись материалов, собранных Б.Барадийным во время своей командировки летом 1904 г. в Агинском и Цугольском дацанах (Забайкальской области)».

Дело 12 «Описание изображений на фотографических пластинках святых в Агинском и Цугольском дацанах».

В архиве имеется несколько научных работ и материалов к ним о языке, истории бурят. Это:

Дело 4 Статья о происхождении слова «бурят».

Дело 6 «Синтаксис бурят-монгольского языка», предназначенный в качестве учебника для бурятской средней школы, оставшийся не изданным.

Дело 18 «Родословные хоринских бурят».

Дело 24 «Родословные баргу бурят».

Дело 25 «Родословные одиннадцати родов хоринских бурят».

Богаты фонды Б.Б. Барадийна и фольклорными коллекциями. Они содержатся в делах:

Дело 19 «Записи песен хоринских и агинских бурят».

Дело 20 «Отрывки записей бурятского народного эпоса»

Дело 21 «Записи бурятских песен»

Дело 22 «Записи бурятских загадок и поговорок»

Дело 23 «Записи шаманских текстов»

Материалы Б.Б.Барадийна также ждут своих исследователей.

Материалы о бурятах находятся также в так называемых «разрядах»: «Монголия и Тибет» (разряд I, оп.3), «Буряты и Калмыки» (разряд II, оп.1), «Материалы отдельных лиц» (разряд III, оп. I), «Отдельные поступления» (разряд III, оп. 2), «Редакционно-издательский портфель» (ф. 67), Фонд диссертационных работ (ф. Дк. и ф. Дд.). Есть фотоархив.

В них материалы собраны по тематическому, географическому принципам. Здесь находятся материалы людей, не имеющих собственных именных фондов, список таких людей достаточно велик. Это: Дылыков С.Д., Залкинд Е.М., Гирченко В.П., Гребенщиков А.В., Игумнов А.В., Сахаров Ц., Баторов П.П., Кротков Н.Н., Шнитников Н.Н., Земляницкий Т.А., Норбоев Г.Д., Тарановский М.Н., Очиржапов Ц., Тарахин Б., Тогмитов Б., Богданов А.К., Ванчиков Б., Хамгашалов А., Хангалов М.Н., Хамаганов И.З., Батуев, Шаракшинова Н.О., Цыренов Б.Ц., Санжеев Г.Д. и др.

Наиболее интересными материалами о бурятах в Архиве востоковедов на наш взгляд, являются следующие:

Фонд Шиллинга фон Канштадта П.Л. (ф. 56. оп. 1.)

Дело 28 «Памятка дел, которые необходимо было сделать во время поездки в Восточную Сибирь. О возможности посылки бурятских лам в Сибирь и приобретении рукописей и тибетских лекарств».

Дело 42 «Списки лам хоринских дацанов также и сметы оных. 15 списков».

Дело 204 «Храм с принадлежностью, назначенный в дар государю императору. Перечень предметов с краткой их характеристикой».

Дело 41 «Генеральная ведомость о состоянии кумирен, состоящих по хоринскому ведомству и всех лам, при оных находящихся в 1835 г. С приложением донесений ширетуя^{сххii} Тондола Цуванова».

Дело 43 «Ведомость о числе дацанов, молитвенных домов, комплектных лам и не комплектных хуvaraков^{сххiii} Забайкальского края». Краткие сведения о селенгинских, хоринских и баргузинских бурятах».

Дело 45 «Список бурят-монгольских фамилий с указанием духовного звания или родственных отношений (на монгольском и русском языках)».

Дело 46 «Список монголо-бурятских духовных и светских лиц, представленных на получение монарших наград. В числе упомянутых: бандито-хамбо Данзан Гован – за сочинение духовных правил, послуживших основанием к составлению проекта устава».

Дело 205 «Тибетские тексты из Ганджура^{схxiv}. Здесь же оттиск с отпечатанной мелким шрифтом священной формулой: Ом-ма-ни-пад-ме-хум»^{схxv}.

Дело 44 «Перечень названий дацанов с указанием количества комплектных и некомплектных лам и хуvaraков. Подробные статистические сведения о ламстве».

Дело 47 «Четыре списка лам. Списки лам бурятских дацанов».

Дело 101 «Расписка Дандарова в получении для Субылинского дацана «Дончур-мани», присланных от П.Л. Шиллинга (Монгольский текст с переводом на русский. Расписка дана главному тайше^{схxvi} хоринских бурят Дугарову)».

Оп.2., дело 32 «Письма к Шиллингу П.Л. Описание обо. Благодарственные приношения онгонам^{схxvii}. О хубилганах».

Фонд Бичурина Н.Я. (ф. 7)

Дело 46 «Описание путешествия в Тибет бурятского ламы депутата от Цонгольского рода бандито-хамбы с показанием расстояния мест и изложение обычаев народа тибетского, писанное по требованию правительства. Краткие сведения об амдоских монастырях, архитектуре, быте».

Дело 47 «Записка неизвестному лицу, отправляющемуся в Забайкалье. С вопросами для изучения обрядов и обычаев монголов».

Фонд Ковалевского О.М. (ф.29)

Дело 25 «Собрание китайских, маньчжурских, монгольских и ламских костюмов. Описание изображений буддийских божеств, культовых предметов, картин, книг и прочих редкостей». Приобретены Ковалевским во время путешествия в Китай. Всего 144 предмета.

Дело 7 «Семь монгольских первосвященников». Имена даны в монгольской и русской транскрипции.

Дело 22 «Письма к Шиллингу П.Л. от 5 янв. 1832 из Троицкосавска об окончании перевода жизнеописания индийского проповедника XI в. Атиши (Джуадиша)».

Фонд Позднеева А.М. (ф. 44)

Дело 229 «Сахаров Цыб. Джаб: Летопись о баргузинских бурятах. Об истории переселения бурят в баргузинский округ 1740–1887 гг». Список, сделанный А.М.Позднеевым с перевода главного тайши баргузинских бурят Ц.Ж.Сахарова.

Дело 173 «Материалы по ламаизму у бурят. Подробные данные о дацанах Забайкалья. Материалы обследования монастырей».

Дело 131 «Докладная записка министру внутренних дел об обследовании дацанов Иркутской губернии в Забайкальской области. Поездка 1916 г. Поездки по поручению МВД с целью обследования дацанов для выработки законопроекта об управлении делами ламского духовенства».

Дело 128 «Буддизм в Забайкалье – история развития буддизма в Забайкалье». Причины усиления ламского влияния. Войлочные юрты как походные кумирни до 30-х гг. XVIII в. Становление неподвижного религиозного центра среди пустынной местности недалеко от Кяхты. Упадок шаманства. Назначение Хатырлеева на должность бандито- хамбы».

Дело 70 «О быте бурят. Влияние ламаизма на их жизнь».

Дело 275 «О ламах, кочующих в Забайкалье. Шаманство. Различные виды онгонов. Происхождение ламаизма. Кумирни. Наказание лам. Бродяжничество. Ламская иерархия. Ламская проповедь. Число лам селенгинского и хоринского родов на 1829 г.»

Дело 133 «О ламстве Восточной Сибири». Проект положения об управлении делами буддистов-ламаитов в Восточной Сибири. Исторические условия и религиозные причины роста числа лам и дацанов в XVIII–XIX вв. Постройка дацанов. Их подробное описание».

Дело 276 «Три бурятские молитвы (Бурятские молитвы во здравие императора Александра III и его семейства (русский текст))».

Опись 2., дело 6 Тарановский Г. «Письмо от Г. Тарановского А.М. Позднееву 1917. (Об употреблении курительных свечей в буддийском богослужении и в частной жизни бурят).

Фонд Клеменца Д.А. (ф. 28)

Дело 32 «Доклад по исследованию быта бурят. Материалы к изложению результатов первого опыта по исследованию быта бурят. Онгоны кударинских бурят – изи онгон и бара онгон».

Дело 42 «Копия с объяснениями цама в Гусиноозерском дацане в Забайкалье, списанная в 1890 Д.Клеменцом» (Объяснения масок одежды, надеваемой прихожанами Гусиноозерского дацана при производстве Цам-хурала (служения перед дацаном))».

Дело 171 «Отзыв на книгу Ядринцева „Сибирские инородцы, их быт и современное положение”. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц».

Дело 142 «Речь, произнесенная в Восточно-Сибирском Отд. ИРГО при известии о смерти А.В.Потаниной. (Роль А.В.Потаниной в этнографическом исследовании Монголии))».

Дело 1 «Население Сибири (Некоторые черты бурят. Облавная охота. Шаманизм у бурят. Черные шаманы. Шаманские обряды))».

Дело 31 «Буряты. Пляски – описание плясок и игр у бурят».

Дело 8 «Буряты» (Различные материалы о бурятах: верования, законы, обычаи, быт, родовое деление и места их расселения. Шаманская молитва огню. Обряд жертвоприношения. Список тенгриев. Шаманские онгоны у буддистов. Онгоны у балаганских бурят. Очистительная шаманская присяга. Бурятская свадьба. Пища. Женская одежда. Калым. Родовое деление забайкальских бурят. Их расселение и названия родов. Предания о происхождении бурят).

Дело 30 «Записи бурятских легенд и заклинаний шаманов» (Молитвы. Обычай погребений у бурят. Тайлганы).

Дело 34 «Из истории буддийской церкви в Забайкалье (Извлечено из дел канцелярии Бандита-хамбо ламы. Сооружение Цонгольского дацана в 1741 г. ламой Дамба-Доржи. Сведения о количестве дацанов, духовных лиц, лам, хувараков)».

Дело 14 «Материалы к статье о землеустройстве инородцев в Сибири (Замечания в связи с методами местных землеустроительных комиссий)».

Дело 11 «Материалы по антропологическому измерению бурят (Таблицы с антропологическими измерениями бурят)».

Дело 38 «Материалы по верованиям бурят (Описание похорон шамана без обрядовых песен)».

Дело 35 «Выписки и замечания к статье Н.Г.Уерцелли «О появлении ламаизма в Забайкалье и о влиянии его на бытовую жизнь бурята-кочевника».

Дело 36 «О религии бурят. О шаманизме (в связи со статьей «Шаманизм» в словаре Брокгауза и Эфрона)».

Дело 254 «Баторов П.П. Свадебный обряд у бурят (Сговор невесты. Обряд помолвки-надан накануне свадьбы. Выбор буруши. Благожелание невесте. Песни буруши и гостей. Ответный свадебный обряд)».

Дело 256 «Бурятские народные песни. Народные песни исторического и лирического характера на бурятском языке и в переводе на русский».

Дело 253 «Материалы по бурятскому шаманству. (Заклинания и молитвы «Долон Хорёшин», «Хоста», «Дала Хуреген»)»^{сххviii}.

Дело 252 «Предание о происхождении вина». (Бурятское предание, записанное со слов Бату Эрдэниева, переводчика хамбо-ламы).

Дело 12 «Описание и изображение утвари на фотографических пластинах, снятых в Агинском и Цугольском дацанах» (фото отсутствует).

Дело 16 «Записи исторических, бытовых, свадебных и плясовых песен (описание танца хатарха – самого распространенного среди иркутских бурят)».

Дело 23 «Записи шаманских текстов (образцы на бурятском языке и в транскрипции)».

Фонд Гребенщикова А.В. (ф. 75)

Дело 48 «Записи в транскрипции о шаманстве, сделанные А.В. Гребенщиковым во время поездки в Маньчжурию (Молитвы шамана)».

Фонд Березовского М.М. (ф. 59)

Дело 31 «Опись бурханов (описаны бурханы: Манчжушри – бог мудрости; Чжалцаб – старший ученик Дзонхавы; Дорчжи семба. Бадзарсатва – бодисатва; Зеленая Тара – супруга Авалокитешвара; Гоцо Шакджатуба – изображение Будды, находящееся в Лхасе; Акши – владыка царства сукавади на Западе; Арьябало – главнейшее божество Тибета; Дзонхава; Яма Чойжим – бог ада; Будда Шакьямуни и др)».

Разряд II, опись I

Дело 353 Хамаганов И. З. «О бурятском шаманстве (Первенствующая роль неба в бурятских верованиях. Объяснение шаманами происхождения грома и молнии. Олицетворение физических свойств воды в этимологии имен царей. Почитание солнца и луны. Шаманские призывания. Обоготворение небесных светил. Следы культов животных и растений. Священные изображения и идолы. Почитание огня у бурят-шаманистов. Жертвоприношения и гадания. Тайлганы. Обряд посвящения животных. Одежда и принадлежности шамана. Посвящение шамана. Похороны шамана и похоронные обряды бурят вообще)».

Дело 349 Земляницкий Т.А. «Культ заяши^{сххix}, заянов^{сххх} и онгонов у северо-байкальских бурят (работа охватывает главные и существенные стороны бурятского шаманства. Подробное описание сущности культа «заяши» и «заяна». Боханские и Абоссинские шаманы. Онгон двух хоринских девиц. Описание онгонов. Обряд «харюлха» (сжигание онгона). Приложение: родословные балаганских бурят. Отзывы о работе Т. А. Земляницкого: проф. Д. Зеленина, проф. Б.Э. Петри, В. Гольмстена)».

Дело 374 Норбоев Г.Д. «Обращение Гыгена Ганжурбы Данзана Норбоева к буддийскому духовенству и верующим буддистам (перевод с монгольского. Письмо в редакцию от 5 сентября 1927 г. о снятии с себя сана гэгэна и обращение к буддийскому духовенству СССР и всем верующим буддистам с призывом впредь не называть его гэгэном, а лишь считать рядовым монахом. Здесь же монгольский текст письма и вырезка из газеты (название не указано) от 11 октября 1927 года № 205, Верхнеудинск, с письмом Г.Д. Норбоева)».

Дело 319 Очиржапов Цыренжаб «Элементарные понятия по некоторым вопросам о браке среди монголов как раньше, так и теперь (запрещение браков между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии. Сватовство. Размер подарков, подносимых женихом родителям невесты. Причины, ограничивающие свободный выбор жениха или невесты. Меры по запрещению уплаты и получения калыма. Приданое. Борьба с заключением браков в раннем возрасте)».

Дело 320 Очиржапов Цыренжаб «Проект дополнения соответствующих статей уголовного и гражданского законодательства, а также закона о браке, семье и опеке (проект дополнений к отдельным статьям уголовного и гражданского кодекса, составленный Ц. Очиржаповым по поручению заведующего I отделом НКЮ БМ ССР)».

Дело 329 Очиржапов Цыренжаб «Революция и бурятка (бесправное положение женщины до революции 1917 г. Меры суда за самовольный уход от мужа. Тяжелые условия ее жизни. Примеры этого из устного народного творчества.

Отношение к ней со стороны ламской религии. Коренное изменение ее жизни при Советской власти)».

Дело 351 Санжеев Г.Д «Первоначальные истоки монгольского эпоса. (бурятский фольклорный материал. Состояние изучения и пути развития монгольского эпоса)».

Дело 195 Торахин Бадан. «Судороги ламства (вырезка из газеты «Бурятская Правда» от 24.08.1927. О сущности борьбы между старо-ламами и обновленцами)».

Дело 330 Тогмитов Б. «Критика ламства (конкретная задача культурной революции. Различные формы приспособленчества ламства. Раскол среди них на несколько течений, внутри групповая борьба. Итоги диспута с ламами – вырезки из газеты «Бурят-монгольская правда» от 13. 05.1928г.».

Дело 350 Цыренов В.Ц. «Эпическая поэма о Хонходое-Мергене, сыне Улухоя-батара (материалы по бурятскому эпосу. Русские и бурятские тексты. Переводы)»

Дело 350/1 Цыренов В.Ц. «Хулдай Мерген. Перевод хори-бурятской сказки, записанной 19. 07. 1935 от Жап Дашицыренова».

Дело 350/2 Цыренов В.Ц. «Колхозная песня селенгинских бурят (имеется перевод на русский язык. Издано 48 песен)».

Дело 327 Ванчиков Б. и Тогмитов Б. «Больше внимания антирелигиозной пропаганде (вырезка из газеты «Бурят-монгольская правда» от 12. 01.1932. Примеры вредительства ламства и ее влияние на массы. О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды)».

Дело 359 Хамгашалов А. «Устная поэзия бурят-монголов (Основные виды устного творчества бурят. Общее представление о бурятском фольклоре. Краткая характеристика шаманской поэзии, лирических песен)».

Дело 53 «Сведения о числе и отраслях хозяйства инородцев. Замечания о кочевом быте хоринских бурят. Причины постоянных перекочевков. Занятия

хлебопашеством, звероловством и добычей кедровых орехов. Наличие постоянных построек у кочевников в зимних стойбищах)».

Дело 273 «Черновые заметки о теократическом движении» (теократическое движение в Забайкалье. Методы действия высшего духовенства. Меры борьбы. Объявление о запрещении иностранцам ламайской веры возводить новые дацаны)».

Дело 296 «Предписание генерал-губернатора Восточной Сибири о запрещении возводить новые дацаны там, где их прежде не было; также воспрещается строить новые сумэ^{сxxxі} при дацанах».

Дело 376 «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии (инструкция содержит 48 пунктов. Здесь же текст на монгольском языке)».

Дело 301 «Доверенность на разрешение печатать буддийскую литературу (черновик перевода с монгольского текста о том, чтобы исходатайствовать разрешение высшего начальства на печатание буддийских книг при Чисанском дацане)».

Дело 79 «Приговор (постановление) хоринских доверенных с просьбой применить родовое право. Приговор 25 родоначальников и доверенных хоринских родов с просьбой, чтобы лиц порочного поведения (виновных в воровстве, неповиновении властям, оскорблении родителей и почетных личностей наказывать розгами вместо ареста)».

Дело 31 «Копия с копии Высочайшего повеления 4 июля 1729 года, находящейся в деле «О сибирских братских тайшах, зайсангов^{сxxxіі}, шуленгах^{сxxxііі} и ясаулах^{сxxxіv}», хранящемся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел, в числе бурятских дел (документ рассказывает о верной службе России хори-бурят и о милостях к ним императора Петра I)».

Дело 300 «Прошение о печатании буддийской литературы (просьба хоринских бурят о разрешении изготовить клише для печатания книг религиозно-нравственного содержания)».

Дело 283: «Предписание о домах богомольцев при дацанах» (копия предписания хоринскому главному тайше Цэдэбу Бадмаеву от титулярного советника Буткова от 9 августа 1885 года в связи с ходатайством бурят о разрешении богомольцам иметь свои дома при дацанах».

Дело 201 «Указ о возможности выбывать из духовного звания» (копия императорского указа Приамурскому генерал-губернатору о праве выхода из духовного звания, в связи с жалобой гэлун^{сxxxv}-ламы Ацагатского дацана Забайкальской области на губернатора, запретившего выход из духовного звания».

Разряд I, опись I

Дело 222 «История ламаизма в Тибете и Монголии и его сущность (Тезисы доклада: Главнейшие моменты истории ламаизма в Тибете и Монголии, его сущность и современное положение в указанных странах (Говорится о классовой сущности религии. О термине «ламаизм». Философский ламаизм. Сансара^{сxxxvi} и нирвана^{сxxxvii}. Учение о путях: хинаяна^{сxxxviii} и махаяна¹. Школьный и культовый ламаизм)».

Разряд I, опись 3

Дело 76 Батуев «Письмо в монгольский кабинет Института востоковедения о переводе «Жуд-ши» (мнение о неточности перевода А.П.Бадмаева и А.М.Позднева».

Фонд ДК

Дело 64 Шаракшинова Н.О. «Героический эпос бурят-монголов Устьордынского национального округа (Кандидатская диссертация. Рассматриваются улигеры

советского времени, форма новых улигеров. Современные сказители, их творчество).

Таким образом, в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН собрана достаточно репрезентативная коллекция материалов о жизни бурятского народа: истории, политике, культуре, этнографии и фольклоре. Эти материалы могут служить для современного исследователя богатыми источниками при изучении всех аспектов бурятского этноса.

ⁱ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 218–219.

ⁱⁱ Там же. С. 220.

ⁱⁱⁱ Выражение Н.М. Карамзина: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. III. М., 1989. Т. XI, стб. 17.

^{iv} Об этом см.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 375; *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 288–289. О предполагаемом возрасте Кучума: *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 209–210.

^v Подробно вопрос об истории сибирских «объектов» в титулатуре московских царей рассмотрен С.М. Каштановым в специальной работе: *Каштанов С.М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. / Отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2006. С. 3–21.

^{vi} *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 206.

^{vii} Цит. по: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 107.

^{viii} *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 3.

^{ix} Там же. С. 7.

^x Там же. С. 4.

^{xi} Там же.

^{xii} Об этом топониме см.: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 4 и сл.; см. также: *Пчелов Е.В.* «... И вся Северные страны повелитель»: элемент царского титула и его геральдическое «воплощение» // Гербовед. № 90. М., 2006. С. 113–119.

^{xiii} *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 4–5.

^{xiv} Там же. С. 6.

^{xv} По предположению А.Л. Хорошкевич, «Северная страна» означала «страну Норботтен», северную часть Скандинавского полуострова, название которой, якобы, вошло в титул после русско-шведской войны 1556–1557 гг. (см.: *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 206). Но на самом деле, как видим, это наименование появилось в титуле ещё до войны со Швецией, которая, к тому же, не привела ни к каким территориальным приращениям России.

^{xvi} Как в титуле Московских патриархов: «Архиепископ Московский и вся России и всех Северных стран патриарх». Благодарю М.Ю. Медведева, обратившего моё внимание на этот факт.

^{xvii} *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 6.

^{xviii} Там же. С. 5.

^{xix} Там же. С. 6.

^{xx} См.: Россия и Греческий мир в XVI веке / Подгот. к публ. С.М. Каштанов и Л.В. Столярова при участии Б.Л. Фонкича. Т. 1. М., 2004. С. 251

^{xxi} Подробнее: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 9–15.

- ^{xxii} Там же. С. 10.
- ^{xxiii} Там же. С. 7.
- ^{xxiv} *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. публикации, вводная статья, комментарии и словник проф. Г.А. Леонтьевой. М., 2000. С. 58–61. Впрочем, подъячий Посольского приказа объясняет такую усечённую форму царского титула в грамотах «бусурманским» государям тем, что последняя часть титула (включающая «Восточные, Западные и Северные государства и земли») не соответствует реальному положению вещей (Там же. С. 60–61).
- ^{xxv} Два сватовства иноземных принцев к русским великим князям в XVII столетии / Пер. А.Н. Шемякина // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. 4, IV. С. 9 (вторая пагинация).
- ^{xxvi} *Каишанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 36; *Он же.* Сибирский компонент... С. 13.
- ^{xxvii} *Каишанов С.М.* Сибирский компонент... С. 13–14.
- ^{xxviii} Там же. С. 14.
- ^{xxix} Там же.
- ^{xxx} Там же. С. 15.
- ^{xxxi} *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 192, 206–208.
- ^{xxxii} Там же. С. 207.
- ^{xxxiii} Там же. С. 211–214.
- ^{xxxiv} *Лаврентьев А.В.* Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 15, 184–185.
- ^{xxxv} *Каишанов С.М.* Сибирский компонент... С. 16.
- ^{xxxvi} Там же. С. 19.
- ^{xxxvii} ПСЗРИ. Т. 1. СПб., 1830. С. 405 (№ 192).
- ^{xxxviii} *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России. X–XX века / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997. С. 231.
- ^{xxxix} *Каишанов С.М.* Сибирский компонент... С. 21. Ср. краткий вариант титула царя Фёдора Алексеевича в шертной записи калмыцкого тайши от 15 января 1677 г. (ПСЗРИ. Т. 2. СПб., 1830. С. 81 (№ 672)).
- ^{xl} ПСЗРИ. Т. 1. С. 708–709 (№ 421); *Орешиников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле // Нумизматический сборник. Т. 1. М., 1911. С. 485–486; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 113, 120–121; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 36–39; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997. С. 35; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 233.
- ^{xli} *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 231.
- ^{xlii} *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 61.
- ^{xliiii} ПСЗРИ. Т. 3. СПб., 1830. С. 4 (№ 1329), в этом титуле обозначение «Северная страна» отсутствует.
- ^{xliv} Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. 2. СПб., 1841. С. 9.
- ^{xliv} Там же. С. 16–18. В этом же томе опубликованы и другие документы, связанные с разгромом Кучума и судьбой его семьи.
- ^{xlvi} За уточнение тюркских антропонимов благодарность адресуется д.и.н. В.В. Трепавлову.
- ^{xlvii} Кызылбаши (букв. «красноголовые») – собирательное название нескольких кочевых тюркских племён, обосновавшихся в Персии.
- ^{xlviii} Акты исторические... С. 21–22.
- ^{xlix} Там же. С. 22–23.
- ^l Там же. С. 20, 23.
- ^{li} Роспись о порядке въезда в столицу см.: Акты исторические... С. 19–20.
- ^{lii} *Любимов С.В.* Сибирские // *Любимов С.В.* Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зоговы и Остерманы. Пг., 1915. С. 58.
- ^{liii} *Султанов Т.И.* Указ. соч. С. 289.
- ^{liv} Генеалогию см.: *Любимов С.В.* Сибирские. С. 55–79.
- ^{lv} Акты исторические... С. 21.
- ^{lvi} Букв. «храбрый лев».
- ^{lvii} Бывш. Городец (Городок) Мещерский, центр вассального от Москвы Касимовского ханства. О его истории см.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1–2. СПб., 1863–1864.
- ^{lviii} *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 48.
- ^{lix} Цит. по: *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 55.
- ^{lx} *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 66.
- ^{lxi} *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведётся...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988. С. 99–100.
- ^{lxii} *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 67.
- ^{lxiii} Там же. С. 68.
- ^{lxiv} Там же. С. 70.

- ^{lxv} См. об этом: *Дмитриева Р.П.* Повесть о Петре, царевиче ордынском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 256–259.
- ^{lxvi} См.: *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 164, 167.
- ^{lxvii} *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 24–26.
- ^{lxviii} Цит. по: *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 66.
- ^{lxix} Там же. С. 68. Это объяснялось, вероятно, тем, что Василий был православным правителем Касимовского ханства («царства»), т.е. по своему статусу являлся ровней Московскому царю.
- ^{lxx} *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни... Т. 2. СПб., 2005. С. 114–115, 521–522 (прим. М.О. Мельцина).
- ^{lxxi} *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 55.
- ^{lxxii} *Дворянские роды Российской Империи.* Т. 3: Князья. М., 1996. С. 48.
- ^{lxxiii} Его биографию см.: *Безотосный В.М.* Сибирский Александр Васильевич // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 654–655.
- ^{lxxiv} См.: *Вершинин Е.* Невеста последнего князя Коды // Родина. № 10, 2006. С. 53–56.
- ^{lxxv} *Уортман Р.* Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 410.
- ^{lxxvi} См.: *Погосян Е.А.* «И невозможное возможно»: свадьба шутов в Ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 80–109.
- ^{lxxvii} Там же.
- ^{lxxviii} См.: *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000. С. 236.
- ^{lxxix} *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 108. В чём она, конечно, опиралась на ещё допетровские традиции своей семьи.
- ^{lxxx} *Уортман Р.* Указ. соч. С. 414–426.
- ^{lxxxi} Там же. С. 424.
- ^{lxxxii} ПСЗРИ. Т. 1. С. 708–709 (№ 421); аналогичное объяснение присутствует и в тексте наказа от 4 июня 1667 г. переводчику Посольского приказа Василию Боушу.
- ^{lxxxiii} Подробнее см.: *Орешиников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле. С. 483–485.
- ^{lxxxiv} Там же. С. 483
- ^{lxxxv} *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 12.
- ^{lxxxvi} О ней см.: *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых // Искусство средневековой Руси / ГИКМЗ «Московский Кремль». Исследования и материалы, XII. М., 1999. С. 304–305; *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII веков. Каталог. М., 2002. С. 150–151 (№ 136); *Бобровницкая И.А.* Регалии российских государей. М., 2004. С. 37–38.
- ^{lxxxvii} *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых. С. 305.
- ^{lxxxviii} Там же. С. 306.
- ^{lxxxix} *Сокол К.Г.* Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006. С. 29.
- ^{xc} См.: *Комаров И.А., Яблонская Е.А.* Парадное оружие русских государей XVI–XVII веков. М., 2006. С. 13.
- ^{xci} *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 222.
- ^{xcii} *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 202.
- ^{xciii} *Белоброва О.А.* О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. № 85. М., 2005. С. 86.
- ^{xciv} См.: *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII веков. С. 123–124 (№ 116).
- ^{xcv} Там же. С. 242 (№ 302).
- ^{xcvi} Цит. по: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 141.
- ^{xcvii} *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 102; Табл. XIV, 3.
- ^{xcviii} См.: *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 204–208 (табл. 2), *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Ковров, 1997. С. 334–335.
- ^{xcix} Подробнее см.: *Королёв Г.И.* Бабр и бобр (к истории иркутского герба) // Гербовед. № 85. М., 2005. С. 97–106. Много позже из-за непонимания слова «бабр» геральдический иркутский зверь «превратился» в бобра.
- ^c *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 135.
- ^{ci} *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 169–170.
- ^{cii} Ср. гипотезу Г.И. Королёва: *Королёв Г.И.* Красноярская печать XVII века // Гербовед. № 84. М., 2005. С. 111–115. Полагаю, впрочем, что в случае с красноярским единорогом играли роль прежде всего военные коннотации.
- ^{ciii} *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. С. 334.
- ^{civ} *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 184.
- ^{cv} *Лукомский В.К., бар. Типольт Н.А.* Русская геральдика. М., 1996. С. 55.
- ^{cvi} *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 56.

^{cvi} Чугуевский Л.И. Архив востоковедов (б. Азиатский музей)//Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М., 1990. С.5-128.

^{cviii} О фонде Ц.Ж.Жамцарано см.: Буряев И.Д. Рукописный фонд Ц.Жамцарано в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР//Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции. Улан-Удэ. 1991.С. 55-63; Горегляд Т.П. Обзор архивных материалов Ц.Ж.Жамцарано//Бюллетень Архива востоковедов ЛО ИНА АН СССР (на правах рукописи). Вып. 1. Л., 1961. С. 11-13; Кульганек И.В. Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН, СПб., 2000. С. 60-61, 82-255; Кульганек И.В. Песенники из монгольского рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР//Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск. 1985. С. 63-71; Иориш И.И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М., 1966.С. 76-78. О фонде Б.Б.Барадийна см.: Л.С.Савицкий Обзор архивных материалов Б.Б.Барадийна Б.Б. //Бюллетень Архива востоковедов ЛО ИНА АН СССР (на правах рукописи). Вып.3. 1963. С. 1-28; Л.С.Савицкий Обзор фонда Б.Б.Барадийна в собрании архивных документов ЛО ИВ АН СССР//Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВА АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М., 1990. С. 141-160.

^{cix} Юрол (бур.: юрөөл) – благопожелание, тост.

^{cx} В статье сохранено отсутствие единообразия в написании слов у фондообразователя. Это сделано нами специально по причине особого интереса у диалектологов к подобным записям.

^{cx1} Переводы названий поэм: «Абай Гэсэр», «Молодец Уншин Хара», «Отец Цэтэй», «Молодец Алтан Цэгцэй и девица Долтой Долбой», «15тилетний молодец Айдурай Мэргэн и девица Агу Ногой», «Молодец Аламжи Мэргэн», «Ха Ошир, сын Богдур-хана», «Молодец Бух Хара», «Молодец Алтан Шагай», «Ёндон хан», «Молодец Ошир Богдо», «Мэнжилтэ Мэргэн и старуха Зутан Хара», «Хээздэр Мэргэн», «Хозяин Эрэлдэя Богдо Мэргэн-хан», «Аврал Тогдол хан», «Лодой Мэргэн на волшебном мудром рыжем коне».

^{cxii} Ц.Ж.Жамцарано Ц.Ж., Руднев А.Д. Образцы народной словесности монгольских племен. Эпические произведения эхирит-булагатов: тексты. Т. I. Вып. 1-3. СПб., 1913. Вып. 2. СПб., 1914. Вып. 3. Пг., 1918; Т. II. Вып. 1-2. Л., 1930, 1931; Буху Хара хүбүүн. Ульгернүүд/Отв. ред. А.И.Уланов. Улан-Удэ, 1971; Бурятский героический эпос: Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон/Сост. М.И.Тулохонов. Новосибирск, 1991; Абай Гэсэр хүбүүн. Буряад арадай үльгэр./Согс. найруул. Н.Балдано. Улан-Удэ. 1959.; Абай Гэсэр –хүбүүн. Ч. I. Улан-Удэ, 1961; Ч. II. 1964; Гэсэр. Бурятский героический эпос/Пер. с бур. С. Липкина. Сводн. текст Н.Балдано. Подстр. пер. и пред. А.Уланова М., 1968; Гэсэр. Бурятский народный героический эпос/ Перевод В. Солоухина. Сводн. текст Н.Балдано. Подстр. пер. А.Уланова. Тт. I-II. Улан-Удэ, 1968; Мэнгелта Мэргэн/Подг. к изд. М.Н.Намжилов и Ц.-А. Н. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ. 1984; Шаракшинова Н.О. Улигеры бурят. Улан-Удэ. 2000;

^{cxiii} Тайлган (бур.: тайлган) – жертвоприношение духам-покровителям, а также сами мероприятия с жертвоприношениями в честь духов.

^{cxiv} Тенгри (бур.: тэнгэри) – небо, а также обитатель неба, небожитель. По представлениям бурят, на небе обитает 55 злых- западных и 44 добрых- восточных тенгриев.

^{cxv} Дацан(бур.: дасан) –название учебного заведения при буддийском монастыре; позже, в Бурятии – название самого буддийского монастыря.

^{cxvi} Хамбо-лама =бандидо-хамбо-лама - изначально - настоятель буддийского монастыря, затем – титул главы духовного управления буддистов в Бурятии.

^{cxvii} Цам (бур.: цам) - буддийское театрализованное представление.

^{cxviii} Зурагчин (бур.: зурагша) – живописец, художник.

- ^{схix} Цаннит (бур.: цаннид) – факультет буддийской догматики, в основу которой положены 5 учений: логика, нравственная философия, диалектическая система Нагарджуны (буддийского мыслителя 2 в.), метафизика, правила монашеской жизни.
- ^{схxx} Бурхан (бур.: бурхан) – изображение божества, само божество.
- ^{схxxi} Майтрея – просветленное существо, бодхисаттва, будда будущего мирового периода (кальпы).
- ^{схxxii} Ширетуй - настоятель буддийского монастыря или учебного заведения при нем.
- ^{схxxiii} Хуварак (бур. хубараг) – послушник в буддийском монастыре.
- ^{схxxiv} Ганджур – собрание канонических буддийских текстов, переведенных с санскрита и восходящих в Будде Шакьямуни, основателю буддизма.
- ^{схxxv} Магическая формула из шести слогов, имеющая сакральный смысл, популярная во всех буддийских странах. Один из многочисленных ее переводов: «Ом, ты, сокровище на лотосе».
- ^{схxxvi} Тайша (бур.: тайшаа) – глава степной думы бурят.
- ^{схxxvii} Онгон – (бур.: онгон) в шаманизме изображение божества, а также само божество, дух-гений.
- ^{схxxviii} Перевод молитв: «Семьдесят зятьев», «Пара», «Семь собак».
- ^{схxxix} Заяши (бур.: заяшан) - по анимистическим представлениям бурят, божество, возглавлявшее шествие молодых шаманистов, сопровождавшееся пением, ритуальными рыданиями, сотрясанием тела и кривляниями.
- ^{схxxx} Заян (бур. заяан) – божество, создающее зародыши людей и домашних животных, по шаманской мифологии – защитник людей; также грубое схематическое изображение духа в виде деревянной фигурки или рисунка на материи.
- ^{схxxxi} Сумэ(бур. сүмэ) – буддийский храм.
- ^{схxxxii} Зайсанг (бур.: зайсан=зайһан)- младший административный чин.
- ^{схxxxiii} Шуленг - должностное звание чиновника, также название монастырской должности
- ^{схxxxiv} Ясаул=есаул – офицерский чин в казачьих войсках, соответствует чину капитана.
- ^{схxxxv} Гэлун (бур.: гэлэн) – гелюн, одна из монашеских степеней в буддизме.
- ^{схxxxvi} Сансара – в буддизме - мирское бытие, связанное с цепью рождений. Миры, населенные живыми существами.
- ^{схxxxvii} Нирвана – в буддизме - освобождение от круга рождений, свобода от желаний, страданий, привязанностей.
- ^{схxxxviii} Хинаяна - малый путь или малая колесница, термин, означающий буддизм южной ветви.

СОРКУКТАНИ-БЕКИ

В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ XIII в.

А.Н. Никитин

40 – 50-е годы XIII столетия были одним из важнейших периодов в жизни большей части Евразийского материка. На протяжении двух десятилетий главы рода Чингиз-хана, не доводя дело до вооруженного конфликта,

перераспределили между собой территорию и население стран, протянувшихся от Желтого моря до Чудского озера. Основные результаты передела наследства завоевателя мира сохранялись до распада общечингизидской системы власти в 30 – 60-е гг. XIV в. Деятельность правителей, возглавлявших монгольский ханский дом в интересующую нас эпоху, определила ход политической истории большей части Старого Света более чем на 100 лет вперед. В узкий круг властителей, вершивших в середине XIII в. судьбы мира, вошла Соркуктани-беки, старшая жена Толуя, четвертого сына Чингиз-хана и Бортэ-фуджин. Появившись на страницах истории монгольской пленницей, она добыла для своей семьи трон всеобщих государей и немалую часть Азиатского континента. К началу 50-х гг. XIII столетия границами владений Толуидов, обладавших в 1240 г. лишь малочисленным улусом, являлись Тихий и Индийский океаны. Потомки Толуя и Соркуктани возглавляли род Чингиз-хана вплоть до конца существования «четырех улусов», улусов всемонгольских каанов из дома Хубилая, Хулагу, Джучи и Чагатая. Представительница народа, поверженного Чингиз-ханом, Соркуктани-беки стала хозяйкой родных земель завоевателя мира. Исповедуя христианство, она обрела в ире ислама славу покровительницы веры Мухаммеда. Именно так охарактеризовал Соркуктани Ала-ад-дин Ата Малик Джувейни^{сxxxviii}, багдадский наместник Хулагу-хана (1256 – 1265), сына Толуя и основателя династии иранских иль-ханов. Говоря, со ссылкой на халифа Абу-Бакра (632–634), о низости мужчин, подчиняющихся женщине^{сxxxviii}, Джувейни воспел правление Соркуктани-беки. При этом, осуществляя широчайшую экспансию, Соркуктани обошлась без единого вооруженного конфликта. Каким же образом нашей героине удалось достичь таких результатов? Отвечая на этот вопрос, обратимся к письменным памятникам.

История возвышения Соркуктани-беки началась в 1203 г. Сокрушив Керейтское ханство, располагавшееся в центре современной Монголии, Чингиз-хан разделил его население между монгольскими родами^{сxxxviii}. Исключение

составили подданные (*ирген, улус*) Джака-Канбу, младшего брата Тоорила Ван-хана, последнего государя керейтов. Согласно «Юань-чао би-ши» («Сокровенному сказанию монголов»), монгольской летописи 1240 г., Чингиз-хан, «издавая указ (*зарлиг, ярлык, jarliq*). – А. Н.), из двух дочерей младшего брата Ван-хана Джака-Канбу, старшую Ибака-беки взял себе, а младшую, Соркуктани-беки, отдал Толую. По этой причине он сказал (пожаловал, *keeji soyürgaju*. – А.Н.) Джака-Канбу: “Ты владей подданными своего племени (своим собственным *иргеном, encu irke*). – А.Н.) и будь для меня второй оглоблей!” – и его народ не рассеял»^{сxxxviii}. Отец и старшая сестра Соркуктани недолго пользовались расположением завоевателя мира. Никогда прежде не враждовавший с Чингиз-ханом, Джака-Канбу внезапно решил откочевать от своего государя, но был настигнут и уничтожен военачальником монгольского каана Джурчедаем. Подданные отца Соркуктани-беки были рассеяны^{сxxxviii}. Что касается Ибака-беки, то, по словам составителя «Юань-чао би-ши», Чингиз-хан, следуя *Великому Торэ*, Высшему Закону мироздания, вскоре выдал свою керейтскую супругу за того самого Джурчедая^{сxxxviii}. Иное будущее ожидало Соркуктани.

Муж нашей героини – Толуй – стал отважным воином, активным участником среднеазиатских и китайских походов^{сxxxviii}. Согласно «Юань-чао би-ши», он единственный из сыновей Чингиз-хана никогда не нарушал волю царственного отца. В 1219 г., когда решался вопрос о наследнике завоевателя мира, Толуй поклялся быть *нукером* будущего каана^{сxxxviii}, т.е. другом, помощником, стражем и хранителем жизненной силы (*küçü*) всеобщего государя, гарантом его сакрального, а, значит, и земного могущества. В 1231 г., выполняя свою клятву и заботясь обо всех монголах, о «Многих Монгольских улусах», Толуй, как утверждает автор «Юань-чао би-ши», отдал жизнь за старшего брата – каана Угэдэя (1228/1229 – 1241), третьего сына Чингиз-хана и Бортэ, преемника завоевателя мира. Во время войны в Китае *ханы-владыки земли и*

воды китадского иргена, некие сверхъестественные существа, наслали на Угэдэй-каана тяжкую болезнь. Спасти всеобщего государя могло только самопожертвование добровольца из ханского урука^{сxxxviii}. Выпить заговоренной воды и умереть ради каана согласился Толуй^{сxxxviii}. За свою короткую жизнь (1197 – 1231)^{сxxxviii} муж Соркуктани заслужил безупречнейшую репутацию.

С 1207 г., Толуй стал одним из глав монгольского ханского дома. Тогда, при разделе населения государства между Чингиз-ханом, матерью, сыновьями и младшими братьями завоевателя мира, муж Соркуктани-беки получил пять тысяч иргена^{сxxxviii}. Впоследствии, в 1228 г., при возведении Угэдэй-каана на престол, супруг нашей героини возглавлял «сыновей» (*kout*), т.е. представителей рода Есугей-багатура, отца Чингиз-хана, Центра (*gol*), одной из трех крупнейших единиц административного деления государства. По словам создателя «Юань-чао би-ши», судьбу трона всеобщих государей определило в тот год соглашение Чагатая (Чаадая) и Толуя^{сxxxviii}.

Что до Соркуктани, то она родила мужу троих сыновей – Мункэ (Менгу) (1208 – 1259), Хубилая (ок. 1213 – 1294) и Ариг-Буку (ум. ок. 1264 – 1265)^{сxxxviii}.

Новый период в жизни Соркуктани-беки начался после смерти Толуя. Положение беки^{сxxxviii}, как называл Джувейни^{сxxxviii}, следующие десять лет ее жизни характеризуется, прежде всего, словом «неопределенность». В «Истории завоевателя мира» («Тарих-и-джехангушай») (1259–1260) Ала-ад-дина Ата Малика Джувейни и в «Сборнике летописей» («Джами' ат-таварих») (1304–1305) Рашид-ад-дина, визиря братьев – иль-ханов Газана (1295–1304) и Олджейту (1304–1316) из дома Хулагу господствует версия, согласно которой Угэдэй-каан назначил Соркуктани-беки преемницей мужа^{сxxxviii}. Но в «Сокровенном сказании», имеет место иная ситуация. Принося себя в жертву, Толуй просил старшего брата позаботиться об его сыновьях и невестках^{сxxxviii}. Отметим, что Угэдэй-каан передал Соркуктани улус и войско Толуя в силу крайней привязанности к его детям согласно «Истории Менгу-каана» из «Сборника

летописей»^{сxxxviii}. Между 1231 и 1241 гг. своим положением в обществе сыновьям Соркуктани-беки была обязана.

После смерти Толуя его род выбыл из числа лидеров монгольского ханского дома. Как и в 1228 г., монгольский улус состоял на момент составления «Юань-чао би-ши» из «правой руки» (*baruun gar*) во главе с Чагатаем и Бату, «левой руки» (*juun gar*) во главе с младшим братом Чингиз-хана Отчигин-нояном и племянниками завоевателя мира и Центра. Но власть в Центре государства перешла к дочерям (*okit*) и зятям представителей ханского рода^{сxxxviii}. Слова Бортэ-фуджин, согласно которым улусом должны ведать три – четыре ее сына, приобрели для толуидов зловещий смысл^{сxxxviii}.

О неопределенности положения семьи Соркуктани свидетельствуют и сообщения «Юань-чао би-ши» о походе на *иргены* Севера, такие как Канлин (канглы с территории современного Казахстана), Кибчауд (кипчаки), Оросуд (Русь). Согласно § 274 из данной летописи, эту войну выиграли многие «сыновья» во главе с Бату, Бури из дома Чагатая, Гуюком, старшим сыном Угэдэй-каана и Туракины-хатун, и Мункэ^{сxxxviii}. Но в § 277 Угэдэй-каан сказал, что монгольские войска победили русских и кипчаков все вместе, идя «под щитом (*qalqada*)»^{сxxxviii} полководца Субетая и Буджека^{сxxxviii}, сводного брата Менгу^{сxxxviii}. Казалось, что имена Соркуктани-беки и ее сыновей будут стерты со страниц истории.

Однако, из того же «Юань-чао би-ши» следует, что к 1240 г. беки уже обладала, пожалуй, драгоценнейшим из своих сокровищ. В глазах монгольского летописца, называвшего Чингиз-хана «своим ханом-отцом (*Qan-Ecike minu*)»^{сxxxviii}, Соркуктани-беки пользовалась репутацией несравненной покровительницы своих родных и близких. К такому выводу приводит анализ сообщений монгольской летописи 1240 г. о Джака-Канбу. Согласно «Юань-чао би-ши», вплоть до рокового для себя и своих подданных конфликта, этот младший брат Ван-хана неизменно поддерживал хорошие отношения с

завоевателем мира. С 1202 г. Джака-Канбу был нукером Чингиз-хана^{сxxxviii}. Тем не менее, в 1203 г. Джака-Канбу обрел исключительное положение в монгольском ханстве только благодаря своим дочерям. Лишь почтение к новым родственным связям побудило завоевателя мира сравнить младшего брата последнего кереитского государя, и больше никого в улусе, со «второй оглоблей» в собственной повозке. Между тем, до победы над кереитами, Чингизхан сравнивал себя со «второй оглоблей и вторым колесом в повозке Ванхана»^{сxxxviii}. Особое положение родных и близких Соркуктани было естественным уже для автора «Юань-чао би-ши». Двадцатью годами позже Джувейни писал о правлении Соркуктани-беки: «Послы и *ельчи* <...> высоко ее почитали и уважали; и подданные и слуги ее двора в близких и далеких землях востока и запада выделялись среди прочих своим достоинством и защитой, которую они имели, и благодаря ее усердной заботе о каждом из них их жизнь была легкой и беззаботной. И сборщики налогов, *шихне* (наместники. – А.Н.) и войско, боясь ее гнева, вынуждены были справедливо относиться к народу. <...> И покровительство ее было так велико, что если в правление Каана (Угэдэя. – А.Н.) некоторые *мелики* (правители. – А. Н.) вступали в споры с ее подданными из-за налога или *купчура*, которыми облагались ее вассалы^{сxxxviii}, и позволяли себе лишнее, она посылала гонцов, чтобы доставить к ней этих *меликов*, и после установления истины их предавали смерти»^{сxxxviii}. Эти строки имели под собой историческую основу и в 1240 г. Таким образом, Соркуктани-беки встретила конец эпохи Угэдэй-каана с репутацией непревзойденной покровительницы родных и подопечных и с *иргеном* покойного супруга^{сxxxviii}.

Вскоре после кончины Угэдэя толуиды, как и представители других ветвей рода Чингиз-хана, пошли на очередную уступку семье наследника завоевателя мира. Род Угэдэй-каана обладал преимуществом на ханский трон еще в «Юань-чао би-ши». Если же в *уруке* Угэдэя не будет подходящего наследника, человека, достойного занять престол, следует выбрать из всего *урука* Чингиз-хана. Этот

принцип наследования верховной власти был освящен именем самого завоевателя мира^{сxxxviii}. Теперь же «Чагатай и другие царевичи послали уполномоченных сказать, что Туракина-хатун была матерью царевичей, имевших право на ханство; поэтому до проведения *курултая* именно она должна руководить делами государства...»^{сxxxviii}. В начале 40-х гг. XIII в. Толуиды лишились права на занятие высших государственных должностей. Впоследствии время покажет истинную цену этого успеха дома Угэдэя. Но пока что, не претендуя на высшие места во всеобщем улусе, семья Соркуктани-беки преуспела в накоплении богатств. Согласно «Истории завоевателя мира», Соркуктани с сыновьями прибыли на *курултай*, собрание «сыновей», хатун и представителей неесугейдской верхушки, провозгласившее кааном Гуюка, «в таких нарядах и с таким снаряжением, каких “*глаза не видели, и уши не слышали*”»^{сxxxviii}. По словам папского нунция Джованни дель Пьяно-Карпини, к моменту воцарения Гуюка Далай-хана (1246 – 1248), самыми могущественными чингизидами были сам каан, Бату и Мункэ^{сxxxviii}. Вдобавок, Соркуктани-беки «пользовалась среди всех татар предпочтительным уважением, за исключением матери императора...»^{сxxxviii}. В новой для Монгольской империи иерархии *хатун*, параллельной иерархии мужчин из рода Есугей-багатура^{сxxxviii}, наша героиня заняла второе место после Туракины.

Лаконичные сведения памятников иранско-хулагуидской и западноевропейской письменности позволяют сделать два вывода.

Во-первых, Соркуктани-беки смогла извлечь немалую выгоду из закрепления за угэдэидами исключительных прав на ханский трон. После этого успеха в семье Угэдэя и Туракины появилось, согласно «Истории завоевателя мира», сразу три претендента на престол. Второй сын Угэдэй-каана, повелитель (*ргьял*) Тибета Кутан «добивался этой чести, потому что как-то раз его дед отличил его. Другие же придерживались того мнения, что Сиремун (внук Угэдэя. – *А.Н.*), когда войдет в года, будет достоин того, чтобы поручить ему дела

Государства»^{сxxxviii}. В этих условиях претенденту на мировое господство не помешала бы поддержка сплоченной семьи нашей героини. По словам Ала-аддина Ата Малика Джувейни, участники курилтая предпочли болезненности Кутана и юности Сиремуна силу, жестокость, отвагу, властность, возрастное старшинство и жизненный опыт Гуюка. «Более того, Туракина-хатун оказывала предпочтение Гуюку, и Беки с сыновьями в этом были с ней заодно, и большинство *нойонов* тут были с ними согласны. И потому было решено возложить ханство на Гуюка...»^{сxxxviii}. В свою очередь, взойдя на трон, Гуюк относился с пренебрежением ко всем родственникам, за исключением Соркуктани и ее сыновей^{сxxxviii}. Гуюк Далай-хан даже поделился со своей тетужкой частью верховной власти. Речь идет об одной из важнейших прерогатив всеобщих государей – о распределении материальных ценностей. В «Юань-чао би-ши» Угэдэй-каан сказал: «Когда соберутся старшие и младшие братья, будем жаловать (*Aqa-Deu ciulausu, öglige soyürgal ögüye*)^{сxxxviii}!» Каан будет раздавать различные товары, оружие и доспехи^{сxxxviii}. Теперь же, взойдя на трон, Гуюк Далай-хан доверил «руководство этим делом, то есть раздачей этих богатств, <...> опыту и благоразумию Соркотани-беки, которая пользовалась наибольшим влиянием на этом *курултае*. Первыми получили свою часть те из присутствующих царевичей и царевен, которые принадлежали к роду Чингисхана и были его потомками; а также все их слуги и приближенные, высокого и низкого происхождения, седобородые и младенцы; а затем, в должном порядке, – *нойоны*, начальники *туменов*, тысяч, сотен и десятков по их чину, султаны, *мелики*, чиновники и их подчиненные. И никто из тех, кто там был, кто бы он ни был, не ушел с пустыми руками, более того, каждый получил свою полную меру и назначенную ему долю»^{сxxxviii}.

Во-вторых, увеличивая богатство своей семьи, Соркуктани-беки проявила редкую настойчивость. Так, Гильом де Рубрук, французский посол при чингизидских дворах, встретил в монгольской столице Каракоруме своего

соотечественника, ювелира Вильгельма Бушье. «Один из братьев хана (Мункэ-каана. – *А.Н.*) со стороны отца взял Вильгельма в плен в Венгрии, в одном городе по имени Белеграв (Белград. – *А.Н.*) <...> Брат хана отдал мастера Вильгельма матери Мангу, так как она очень настаивала на обладании им...»^{сxxxviii}. Отметим, что впоследствии Вильгельм Бушье изготовил по заказу Мункэ-каана знаменитое серебряное дерево, фонтан для разлива кумыса, очищенного кобыльего молока, меда и *террацины*, т.е. рисовой водки. Сам мастер Вильгельм стал обеспеченным человеком и, к тому же, большим другом Булгай-аки, поставленного Мункэ во главе ханских писцов^{сxxxviii}.

Итак, под руководством Соркуктани-беки, урук Толуя превратился на протяжении 40-х гг. XIII в. в один из влиятельнейших чингизидских родов. Кончина же Гуюка Далай-хана, последовавшая в 1248 г., открыла перед семьей нашей героини путь к мировому господству.

После того, как «неизбежная участь всех смертных постигла Гуюк-хана, <...> Огуль-Гаймиш (вдова Гуюка. – *А.Н.*) послала к Соркотани-беки и Бату гонцов с известием о случившемся <...> И Соркотани-беки, по их (монголов. – *А.Н.*) обычаю, послала ей одежду и *богтаг* (головной убор замужней женщины. – *А.Н.*) и письмо со словами совета и утешения. И Бату выразил ей соболезнования и оказал поддержку таким же манером <...>; и среди прочего он предложил, чтобы Огуль-Гаймиш, как и прежде, продолжала бы управлять делами государства...»^{сxxxviii}. Согласно только что процитированным строкам «Истории завоевателя мира», власть временной правительницы всеобщего государства узаконили Бату и Соркуктани-беки. Главы домов Джучи и Толуя обрели новые prerogatives.

Впрочем, это новое оказалось не слишком хорошо забытым старым. Из текста «Истории завоевателя мира» следует, что особые права Бату и Соркуктани-беки в период междуцарствия, последовавшего за кончиной Гуюка, были правами *старших родственников*^{сxxxviii}. Между тем, во времена Угэдэй-

каана, старший брат (*ака*) всего рода Чингиз-хана (Чагатай) был соправителем всеобщего государя. Согласно «Юань-чао би-ши», Чагатай-ака возвел Угэдэй-каана на трон, а, затем, утверждал все решения царственного младшего брата. Только старший чингизид ведал представителями своего рода как дома, так и во время военного похода^{сxxxviii}.

На протяжении нескольких лет, последовавших за кончиной Чагатая (1242), место чингизидского *аки* оставалось вакантным. Теперь же, после смерти Гуюка, весь урук Чингиз-хана признал своим старшим братом Бату. Троном всеобщих государей распоряжался отныне наследник Джучи. На курилтае в Алакамаке, на границе современных Казахстана и Киргизии, Бату предложил передать ханский престол Мункэ. Выполняя клятву, данную участниками собрания, старший сын Толуя и Соркуктани, в конце концов, повиновался приказанию чингизидского *аки*^{сxxxviii}.

Безусловно, Алакамакский курилтай был политическим триумфом государя Джучиева улуса. Правитель, обладавший к моменту написания «Юань-чао би-ши» полосой тайги между Енисеем и Уралом^{сxxxviii}, Бату еще при Туракине превратился в хозяина Кипчакской степи^{сxxxviii}. Но теперь властитель, уступавший к 1246 г. своим могуществом одному каану, стал, вдобавок, главой дома всеобщих государей. В рассказе об Алакамакском курилтае из различных списков «Истории завоевателя мира» Бату даже именуется кааном или *кааном-агой*^{сxxxviii}, т.е. кааном и старшим братом. Находясь на вершине своей земной славы, наследник Джучи узаконил своим авторитетом чингизидского *аки* права Мункэ на мировое господство. Вдобавок, после воцарения Мункэ-каана, Бату был признан легитимным правителем северо-западной части чингизидских земель, начиная с Кайялыка и Хорезма, с юго-востока современного Казахстана и с низовьев Амударьи. Согласно «Истории завоевателя мира», род Джучи получил свой *юрт*, или земельные владения, от Чингиз-хана и Угэдэй-каана^{сxxxviii}.

Вместе с тем, было бы ошибкой утверждать, что только воля Бату обеспечила переход трона всеобщих государей к Мункэ. Во-первых, по словам того же Джувейни, царевичи, эмиры и нойоны, собравшиеся в Алакамаке, предложили наследнику Джучи ханский престол в форме, напоминающей ультиматум. Они «пришли к решению, что поскольку Бату был старшим из царевичей и вождем среди них, ему лучше было известно, что хорошо, а что плохо в делах государства и династии (*daulat*). Ему решать, стать ли ему самому ханом или предложить другого»^{сxxxviii}. Иначе говоря, распоряжаясь ханским тронном, государь Джучиева улуса был вынужден считаться, прежде всего, с могуществом рода Толуя. Во-вторых, участники курилтая в Алакамаке решили провести на берегах рек Онон и Керулен, в изначальных владениях Чингиз-хана, новый, великий курилтай. Лишь после этого собрания Мункэ становился истинным ханом. Данное положение не было простой формальностью. До проведения курилтая в Монголии царевичи во главе с Бату оставили управление государством в руках сыновей Гуюка^{сxxxviii}. В результате, семья Далай-хана правила всеобщим улусом вплоть до 1 июля 1251 г.^{сxxxviii}, когда Мункэ все-таки был возведен на ханский трон. После совещания в Алакамаке Толуидам пришлось вести долгую борьбу за мировое господство. И ключевая роль в этих событиях принадлежала соправительнице Бату как старшего чингизида Соркуктани-беки.

Признав ханом Мункэ, Бату отправился в свою ставку (*орду*), расположенную на Волге, в стране саксинов и болгар^{сxxxviii}. Что до Соркуктани, то, узнав о решении, принятом в Алакамаке, она «стала оказывать чужеземцам всевозможные знаки внимания и благоволения и склонять на свою сторону родственников величайшей учтивостью и обходительностью»^{сxxxviii}. На протяжении трех лет наша героиня с удивительной непринужденностью перекроила для своего первенца политическую карту мира. В Монголии у Толуидов не обошлось без временных неудач. Согласно «Истории завоевателя

мира», Мункэ отправился в Алакамак из Каракорума. Впоследствии же монгольская столица контролировалась противниками рода Толуя, поддерживавшими Сиремуна. Такое положение имело место вплоть до воцарения Мункэ-каана^{сxxxviii}. Между 1248 и 1251 гг. Соркуктани-беки владела к северу от Великой Стены лишь восточной частью монгольских степей. Иная ситуация имела место в южной части мировой империи.

Еще до курилтая к Соркуктани-беки и Мункэ прибыли Махмуд Ялавачи, каанский наместник северного Китая и Средней Азии (Мавераннахра и Туркестана), и его сын Масуд-бек. Откликнулись на призыв отправиться на великий курилтай и сыновья Кутана. К югу от центральноазиатских пустынь дом Толуя овладел пространством между Желтым морем, Амударьей и Гималаями с небольшим, в масштабах Азии, «разрывом», образованном владениями уйгурского идькута Салинди, сторонника сыновей Гуюка^{сxxxviii}. Вдобавок, под руководством Махмуда Ялавачи был изготовлен шатер, в котором Мункэ взшел на трон миродержавия. Джувейни сравнил внутреннее убранство данного сооружения с садом Ирама^{сxxxviii}. Иначе говоря, первенец нашей героини получил шатер, подобный раю. Наконец, около 1249 – 1250 гг. Соркуктани-беки и Мункэ удалось раздвинуть свои личные владения до Индийского океана.

По словам очевидца этих событий, Ала-ад-дина Ата Малика Джувейни, все началось со спора между эмиром Аргуном, управлявшим территорией современных Ирана, Азербайджана и землями, прилегающими к Индии, и его подчиненным, начальником (*баскаком*) ремесленников города Тебриза, эмиром Менгу-Боладом. Каанский наместник земель к юго-западу от Амударьи счел необходимым разрешить эту тяжбу при дворе Огуль-Гаймиш. Отправившись вместе с Менгу-Боладом в орду вдовы Гуюка, пребывавшей в области Эмиля, в районе нынешней китайско-казахстанской границы, Аргун, в итоге, одержал победу и достиг всех своих целей^{сxxxviii}.

Однако, побывав на Эмиле, эмир Аргун, верноподданный семьи Гуюка Далай-хана почувствовал, что на Востоке появилась новая сила. «По причине их неудовольствия, признаки которого были очевидны, он не мог лично явиться ко двору Беки и Менгу-каана. Поэтому, чтобы передать свои извинения за то, что не смог прибыть к ним, он отправил туда *мелика* Насир ад-Дина Али-Мелика, который был одним из самых достойных *меликов* и помощником и *нукером* эмира Аргуна, представлявшим Беки, а также ходжу Сирадж ад-Дина Шуджаи, который был *битикчи* (*бичигчи*, писцом. – А.Н.) и также представлял ее, с дарами и подношениями для двора Беки и Менгу-каана. В это же время он отправил к тому двору»^{сxxxviii} бичигчи Бату Низам-ад-дина Шаха^{сxxxviii}. Представители всех членов царственного дома состояли при ханских наместниках земель к юго-западу от Амударьи со времен Угэдэй-каана^{сxxxviii}. Но теперь судьба могущественного Аргуна^{сxxxviii} оказалась в руках его собственных подчиненных, подданных Соркуктани-беки и Бату. И приобретения Соркуктани и Мункэ в областях между Амударьей и Индийским океаном не ограничились дарами и подношениями каанского наместника. Вернувшись в Иран, Аргун тут же начал готовиться к новой поездке на Восток, теперь уже на великий *курултай*^{сxxxviii}.

Что касается Монголии, то в восточной части Великой Степи Соркуктани-беки и Мункэ поддержали царевичи, нойоны и старшие чиновники орды Чингиз-хана^{сxxxviii}. Бывшая пленница завоевателя мира овладела немалой долей его наследства.

Став самым могущественным человеком на Земле, наша героиня, тем не менее чуждалась применения грубой силы. Вновь и вновь Соркуктани-беки и Бату наставляли Огуль-Гаймиш и ее сыновей Ходжу и Наку: «Все ж вы должны прибыть на *курултай*, и участвовать в обсуждении (после Алакамакского *курултая*. – А. Н.), и посоветоваться еще раз, когда соберутся вместе все *ака* и *ини*»^{сxxxviii}, старшие и младшие братья. Впрочем, вдова и сыновья Гуюка, а также государь улуса Чагатая Есу-Мункэ так и не откликнулись на призыв Соркуктани-

беки, Мункэ, Бату и большинства царевичей. Тогда представители ханского рода, собравшиеся на реке Керулен^{сxxxviii}, все-таки возвели Мункэ-каана на престол.

Воцарение Мункэ стало началом последней главы в жизни нашей героини. Соркуктани-беки начала передавать бразды правления своему первенцу еще в период междуцарствия (1248 – 1251). Мать и сын вместе приглашали родственников на курилтай, вместе проявляли свое недовольство поведением эмира Аргуна. Теперь же Соркуктани-беки вовсе выбыла из числа лидеров дома Толуя. Утвердившись на престоле миродержавия, Мункэ разделил свои личные владения на три части. Восточные земли с центром в Китае получил Хубилай, западные страны достались Хулагу^{сxxxviii}. Вскоре Соркуктани-беки оставила земной мир. По словам Джувейни и Рашид-ад-дина, это произошло в месяце зуль-хидже 649 г.х.^{сxxxviii}, продолжавшемся с 14 февраля по 13 марта 1252 г. Согласно же «Путешествию в восточные страны» Гильома де Рубрука, мать Мункэ скончалась в день Вознесения 21 мая 1254 г. в окрестностях Каракорума^{сxxxviii}. Ее имущество отошло к Ариг-Буке. Младшему сыну Толуя и Соркуктани достались предгорья Алтая и страна енисейских киргизов^{сxxxviii}, придворные матери, в том числе и мастер Вильгельм^{сxxxviii}, и представитель Беки при эмире Аргуне, бичигчи Сирадж-ад-дин Шуджаи^{сxxxviii}. Реестр имущества нашей героини, составленный по данным «Путешествия в восточные страны», «Истории завоевателя мира» и «Сборника летописей», свидетельствует о том, что Соркуктани-беки извлекла кое-какую выгоду и из окончательного торжества царственного сына. Дело в том, что, по словам Джувейни, к моменту воцарения Мункэ Каракорум и страну енисейских киргизов^{сxxxviii} контролировали противники дома Толуя.

Вскоре после кончины нашей героини ее успехи получили солидное идеологическое обоснование. Уже в «Истории завоевателя мира» отслеживается идея, согласно которой Соркуктани-беки обладала прерогативами верховного

властителя по праву наследования и по воле всеобщих государей. Прежде всего, Джувейни утверждал, что, согласно «ясе и обычаям монголов наследником отца становится младший сын от старшей жены. Таким сыном был Улуг-нойон (Толуй. – А. Н.), однако Чингисхан издал ясу о том, что ханом должен стать Угэдэй, и, следуя воле отца, Улуг-нойон приложил большие труды, чтобы усадить Угэдэя на трон ханства и проявил великое усердие в стремлении упрочить его положение главы царства. Ибо любовь между братьями, а в особенности между ним и Угэдэем была сильнее обычных братских чувств»^{сxxxviii}. В конце концов, по словам Джувейни, при жизни и в царствование Угэдэй-каана, мир все-таки стал рабом Толуя^{сxxxviii}.

После смерти мужа Соркуктани-беки обрела в «Истории завоевателя мира» права, составлявшие в «Юань-чао би-ши» прерогативы старшего чингизида, Чагатай-аки. В «любом деле, замышляемом Кааном, <...>, он первым делом советовался с нею и спрашивал ее мнения и не допускал ни малейшего отступления или отклонения от того, что она предлагала»^{сxxxviii}.

Историческая концепция Ала-ад-дина Ата Малика Джувейни закрепляла за семьей Соркуктани-беки и права на ханский титул. Как и в «Юань-чао би-ши», в «Тарих-и-джехангушай» господствует точка зрения, согласно которой у монголов со времен завоевателя мира имеется только один хан, он же каан – всеобщий государь. Но, по словам того же Джувейни, *все* сыновья Соркуктани-беки были ханами еще в период междоцарствия, последовавшего за кончиной Угэдэй-каана^{сxxxviii}. Впрочем, не исключено, что традицию употреблять по отношению к главам рода Толуя титул «хан» заложила сама Соркуктани. Во всяком случае, Ала-ад-дин Ата Малик Джувейни называет бухарское *медресе*, т.е. высшее учебное заведение, основанное нашей героиней, *Ханским медресе (Медресе-и-Хани)*^{сxxxviii}.

«История завоевателя мира» обосновала также передел наследства Чингизхана и Угэдэй-каана, проведенный Соркуктани-беки в пользу своего первенца.

Двадцатью годами ранее, в «Юань-чао би-ши», Чингиз-хан объявил раздел населения государства между Есугеидами, состоявшийся в 1206 – 1207 гг., непреложным *йосу*, т.е. частью Высшего Закона мироздания, для последующих поколений^{сxxxviii}. Но после закрепления трона всеобщих государей за Мункэ-кааном оказалось, что Соркуктани-беки была самым законопослушным человеком в роду завоевателя мира. Она никогда не нарушала законов всеобщих государей и, к тому же, запрещала нарушать их своим сыновьям^{сxxxviii}. Конечно, согласно «Истории завоевателя мира», законы были писаны не для семьи нашей героини. На самом деле, сыновья Соркуктани «имели власть и могли приказывать и запрещать»^{сxxxviii}. Но благодаря своему законопослушанию, Соркуктани-беки с сыновьями, и более никто в роду всеобщих государей, обрели благосклонность Гуюк-хана. Что касается других представителей монгольского ханского дома, то они не просто заслужили пренебрежение со стороны нового повелителя мира. Ала-ад-дин Ата Малик Джувейни сравнил царевичей – нарушителей ясы с грешниками из Корана^{сxxxviii}.

В противоположность большинству представителей ханского рода, Соркуктани-беки, с того времени, как скончался ее муж, «повсюду завоевала расположение, осыпая подарками свою семью и родню и щедро одаривая войска и чужеземцев, и так подчинила своей воле всех своих подданных и взрастила любовь к себе во всех сердцах и душах, и потому, когда умер Гуюк-хан, все единодушно решили доверить ключи от ханства ее сыну Менгу-каану, поскольку рассказы о ее мудрости и благоразумии и слава о ее дальновидности и прозорливости распространились повсюду и никто не думал перечить ее слову»^{сxxxviii}. Между тем, Ала-ад-дин Ата Малик Джувейни писал, что исключительная щедрость является чертой господина Вселенной. В «Истории завоевателя мира» этим качеством в роду Чингиз-хана наделены всемонгольские кааны (Угэдэй, Гуюк и Мункэ) и правители, обладающие хотя бы частью прерогатив всеобщих государей (Туракина, Бату, Соркуктани и Хулагу)^{сxxxviii}.

Иначе говоря, в годы смуты, последовавшей за смертью Угэдэй-каана, Соркуктани-беки вела себя как истинная государыня. В эту пору некоторые царевичи, пользуясь обстоятельствами, пытались захватывать личные владения каанов^{сxxxviii}. Что до Соркуктани-беки, то она превосходила богатством и могуществом других представителей ханского урука, подчиненных каану, еще в царствование Угэдэя. Когда проводился курилтай «и все являлись наряженными и украшенными с величайшим изяществом, она затмевала их всех и своей свитой, и своим войском»^{сxxxviii}.

«История завоевателя мира» содержит многочисленные сведения о том, как пленница Чингиз-хана^{сxxxviii}, борясь за место под солнцем, стала, в конечном счете, хозяйкой значительной части Евразии. Но уже тот же самый Ала-ад-дин Ата Малик Джувейни начал разрабатывать историческую концепцию, согласно которой Соркуктани-беки являлась законной обладательницей немалой доли наследства завоевателя мира. Свое законченное выражение эта идея получит уже во времена «четырех улусов», сменивших единое Монгольское государство 1206 – 1260 гг. Согласно «Истории завоевателя мира», земельные владения Улугнойона все-таки составляли *юрт*, отдельный от земельных владений каана^{сxxxviii}. По словам же Рашид-ад-дина, Чингиз-хан передал Толую личную собственность – «юрт, дом, имущество, казну и войско...»^{сxxxviii}. «Все уважаемые эмиры, которые принадлежали [к войскам] правой руки, левой и центру и имена которых написаны, и другие эмиры, имена которых не выяснены, состояли при нем. А после его смерти, согласно [установленному] обычаю, они состояли при его старшей супруге, Соркуктани-беги...»^{сxxxviii}.

Возвращаясь к письменным источникам, созданным современниками Соркуктани, отметим, что исключительная щедрость нашей героини обеспечила ей в «Истории завоевателя мира» также славу покровительницы ислама. Ала-ад-дин Ата Малик Джувейни сообщал: «И ее рука была всегда простерта для щедрости и благодеяния, и хотя она исповедовала религию Иисуса, она осыпала

милостыней и подарками имамов и шейхов и стремилась также возродить и укрепить веру Мухаммеда (*мир и благословение ему!*). И доказательство и свидетельство правоты этого утверждения заключается в том, что она пожертвовала тысячу серебряных балишей (более 2 центнеров драгоценного металла. – А.Н.) на то, чтобы была построена школа (*madrasa*) в Бухаре, управляющим и надзирателем которой должен был стать благочестивый *шейх-уль-ислам* (глава мусульманского духовенства. – А.Н.) Саиф ад-Дин из Бахарза; и она приказала приобрести деревни, собрать средства и поселить [в школе] учителей и учеников^{сxxxviii}. И она всегда посылала милостыню в различные места, чтобы ее раздали бедным и нуждающимся мусульманам; и так продолжалось до месяца зуль-хиджжа 649 года [февраль – март 1252], когда Разрушитель Наслаждений возвестил о том, что пора уходить»^{сxxxviii}. Следует подчеркнуть, что сообщение о кончине Соркуктани напоминает сообщение того же Джувейни о кончине одного – единственного человека – Угэдэя^{сxxxviii}. Бывшая монгольская пленница прочно вошла в круг наследников Чингиз-хана и Угэдэй-каана. Более того, один из организаторов переворота, вознесшего на вершины власти Мункэ, Соркуктани-беки «заложила такую основу в управлении своей семьей и в обычаях при своем дворе, которым следовали и родные, и чужие, которой могли позавидовать величайшие ханы этого мира»^{сxxxviii}.

История возвышения Соркуктани-беки в очередной раз подтвердила старую истину, согласно которой победителей не судят. Что касается истоков успехов Соркуктани, то они кроются как в благоприятном стечении обстоятельств, так и в личных качествах нашей героини. Конечно, судьбу Соркуктани-беки определило, прежде всего, решение Чингиз-хана выдать ее замуж за Толуя. Затем смута, начавшаяся после смерти Угэдэй-каана, позволила Соркуктани увеличить достояние своей семьи, добыть для Мункэ ханский трон и полконтинента в придачу. Вместе с тем, такая победа была по плечу только человеку, достигшему вершин в искусстве пользоваться ситуацией. Сообщения

самых разных людей, будь то некий представитель рода Чингиз-хана, багдадский наместник Хулагу или посол французского короля свидетельствуют о том, что Соркуктани-беки никогда не упускала возможности улучшить свое имущественное и общественное положение. При этом, она вникала в мельчайшие подробности управления собственным имением, раскинувшимся в итоге на полмира, и бескомпромиссно защищала своих подданных. Под рукой нашей героини ее подопечные получали возможность обустроить собственный мирок. Данное обстоятельство делало власть Соркуктани привлекательной и для ученого перса, и для простого монгольского пастуха. Но важнейшей чертой характера Соркуктани-беки, определившей ход политической истории была удивительная даже для правящего дома единого Монгольского государства приверженность семейным ценностям. Верность данному принципу проявилась хотя бы в заботе нашей героини о собственных сыновьях. Однако еще важнее для мировой истории оказался тот факт, что, даже находясь на вершине своего могущества, Соркуктани-беки действовала как представитель единого ханского рода, возглавляемого кааном и старшим чингизидом и решающего все свои проблемы на общем курилтае. Конечно, стремясь поладить с родственниками, Соркуктани поступала, согласно «Истории завоевателя мира», в соответствии с пословицей: *«нужно приласкать верблюдицу, прежде чем доить ее»*^{сxxxviii}. Но, заботясь о личной, семейной и улусной выгоде, Соркуктани-беки решала свои проблемы исключительно мирным путем. Ей удалось поладить даже с родовитейшим, могущественным и амбициозным Бату. В целом, удачное сочетание любви к земным благам, верности своим подопечным и бесконечной преданности семейным ценностям позволило Соркуктани-беки победить в борьбе за наследство Чингиз-хана, жить самой и давать жить многим другим людям.

Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004. С. 399.
^{сxxxviii} Там же. С. 303.

^{сxxxviii} Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 года. (Далее ССМ – АМХ). Элиста, 1990. С. 141.

^{сxxxviii} Там же. С. 141.

^{сxxxviii} Там же. С. 141.

^{сxxxviii} Там же. С. 182.

^{сxxxviii} Там же. С. 242, 255 – 257.

^{сxxxviii} Там же. С. 238.

^{сxxxviii} Старомонгольское слово *урук* у монголов улуса каана XIII – XIV вв. и в мусульманских странах, завоеванных Чингиз-ханом и чингизидами, обозначало родство по мужской линии.

^{сxxxviii} Там же. С. 255 – 257.

^{сxxxviii} Согласно «Юань-чао би-ши», в 1202 г. Толую было пять лет (Там же. С. 190 – 191).

^{сxxxviii} Там же. С. 212 – 213.

^{сxxxviii} Там же. С. 252 – 253.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 397.

Даты жизни Мункэ, Хубилая и Ариг-Буки см.: Путешествия в восточные страны. М., 1997, с. 133, 137, 245; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л., 1952, с. 229; Т. 2. М.-Л., 1960. С. 147, 164–165, 168, 201.

^{сxxxviii} *Беки, беги* именовались дочери и жены представителей правящего дома.

^{сxxxviii} Ала-ад-дин Ата Малик Джувейни зачастую использовал этот титул вместо личного имени Соркуктани.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч., с. 397; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 278; Т. 2. С. 128.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ. С. 257.

^{сxxxviii} *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 128.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ, С. 253, 270.

^{сxxxviii} Там же. С. 219.

Здесь следует обратить внимание на канцеляризм, активно используемый в том же «Юань-чао би-ши». Называя действующих лиц, например, первенца Чингиз-хана и Бортэ Джучи, Чагатая и Угэдэя, монгольский летописец указывает также их точное число: «Джочи, Чаадай, Окодай, три “сына” (*Joci, Caadai, Okodai gurban kout*)» (Там же. С. 243).

^{сxxxviii} Там же. С. 258.

^{сxxxviii} Там же. С. 261.

^{сxxxviii} Там же. С. 261.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 185, 414; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 37, 106.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ. С. 252 – 253.

^{сxxxviii} Там же. С. 97.

^{сxxxviii} Там же, С. 127.

^{сxxxviii} *ra'iyatan-i-khassa*. По мнению британского ираниста Дж. Э. Бойла это словосочетание обозначает личных подданных Соркуктани (*Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч., с. 656).

^{сxxxviii} Там же, С. 397 – 398.

^{сxxxviii} В «Юань-чао би-ши» не сообщается об изменении состава улуса Толуя после 1207 г.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ, С. 239.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 166.

^{сxxxviii} Там же, С. 172.

^{сxxxviii} Путешествия в восточные страны, С. 49, 71.

^{сxxxviii} Там же, С. 49.

^{сxxxviii} Такая иерархия есугейдских жен не упоминается в «Юань-чао би-ши».

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 173.

^{сxxxviii} Там же. С. 173.

^{сxxxviii} Там же. С. 176 – 177.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ. С. 268.

^{сxxxviii} Там же. С. 268.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 176.

О самоустранении Гуюка на курилтае 1246 г. от распределения материальных благ писал еще Джованни дель Пьяно-Карпини. Согласно его «Истории монгалов», «на горе, вдали от ставок, было расставлено более чем 500 повозок, которые все были полны золотом, серебром и шелковыми платьями. Все они были распределены между императором и вождями...» (Путешествия в восточные страны. С. 79).

^{сxxxviii} Путешествия в восточные страны. С. 162.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 439; Путешествия в восточные страны. С. 145, 154 – 155, 162, 178.

Согласно «Тарих-и-джехангушай», такие вопросы, как «начисление налогов и назначение на должности <...> находятся в совместном ведении эмира Булгая и еще одного или двух других лиц» (*Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 439).

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 180 – 181.

^{сxxxviii} Там же С. 182.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ С. 252 – 255, 260 – 262, 269 – 270.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 180 – 182, 403 – 406.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ С. 210, 270.

^{сxxxviii} Путешествия в восточные страны. С. 69 – 75, 83.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 405, 657.

^{сxxxviii} Там же С. 30, 183 – 185.

^{сxxxviii} Там же С. 404.

^{сxxxviii} Там же С. 181, 406.

^{сxxxviii} Там же С. 410 – 415.

^{сxxxviii} Там же С. 184, 403, 406.

^{сxxxviii} Там же С. 406.

^{сxxxviii} Там же С. 403, 410, 423 – 424.

^{сxxxviii} Там же С. 33, 177, 411, 413, 425 – 426, 432.

^{сxxxviii} Там же С. 413.

^{сxxxviii} Там же С. 177, 180 – 181, 365 – 367.

^{сxxxviii} Там же С. 367.

^{сxxxviii} Там же С. 367.

^{сxxxviii} Там же С. 343 – 344.

^{сxxxviii} В правление Туракины Аргун, разумеется, без войны, пресек попытку царевичей овладеть вверенными ему территориями (Там же С. 363).

^{сxxxviii} Там же С. 367.

Впрочем, Аргун прибыл на Керулен уже после воцарения Мункэ (Там же С. 367 – 371).

^{сxxxviii} Там же С. 407, 411.

^{сxxxviii} Там же С. 183.

^{сxxxviii} Там же С. 407, 409 – 410.

^{сxxxviii} Там же С. 431, 441.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 399; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 129.

^{сxxxviii} Путешествия в восточные страны. С. 162 – 163, 401.

^{сxxxviii} *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 201 – 202.

^{сxxxviii} Путешествия в восточные страны. С. 162.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч.. С. 371.

^{сxxxviii} Там же С. 424.

^{сxxxviii} Там же С. 396.

^{сxxxviii} Там же С. 396.

^{сxxxviii} Там же С. 397.

^{сxxxviii} Там же С. 398.

^{сxxxviii} Там же С. 72.

Автор выражает глубокую признательность М.В. Горелику, проконсультировавшего его относительно данного названия.

^{сxxxviii} ССМ – АМХ. С. 176 – 177.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 168, 176 – 177, 398.

^{сxxxviii} Там же С. 398.

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 176 – 177, 398; Коран. 17: 15 (14).

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч.. С. 398 – 399.

^{сxxxviii} Там же С. 126, 130 – 161, 163 – 166, 179 – 180, 183 – 184, 434 – 438, 440 – 441, 448, 452, 668.

^{сxxxviii} Там же С. 363.

^{сxxxviii} Там же С. 398.

^{сxxxviii} Джувейни прямо писал о том, что вся родня Ван-хана попала в руки завоевателя мира (Там же С. 27).

^{сxxxviii} Там же С. 30.

^{сxxxviii} *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 8.

^{сxxxviii} *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 278.

^{сxxxviii} Согласно «Истории завоевателя мира», в этом медресе обучалась 1000 человек. В целом, по словам Джувейни, Медресе-и-Хани является украшением и предметом восхищения всего исламского мира (*Ата-Мелик Джувейни. Указ. соч. С. 72 – 73*).

^{сxxxviii} *Ата-Мелик Джувейни. Указ. соч. С. 399.*

Рассказ об основании Соркуктани медресе в Бухаре содержится и в «Сборнике летописей» (*Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 128 – 129*).

^{сxxxviii} См.: *Ата-Мелик Джувейни. Указ. соч. С. 134.*

^{сxxxviii} Там же. С. 399.

^{сxxxviii} Там же. С. 407.

В соответствии с этой пословицей Соркуктани-беки и Мункэ приглашали родственников на великий курилтай (Там же. С. 407).

Река Селенга – главный приток озера Байкал

Е.Ж. Гармаев

Озеро Байкал представляет собой огромную ценность как уникальное природное достояние не только для Российской Федерации, но и для всего человечества. Не случайно оно в 1996 г. ЮНЕСКО было включено в Список участков Всемирного природного наследия. Объем оз. Байкал составляет около 23500 км³ воды, что примерно представляет 80% общероссийских или 20% мировых запасов пресных поверхностных вод. В оз. Байкал впадает более 300 рек речек, а вытекает одна – река Ангара. Наиболее крупным притоком оз. Байкал является река Селенга, которая в среднем в год приносит в озеро около 30 км³ воды, что составляет более 50% ее годового притока.

Бассейн р. Селенги расположен в северной части Центральной Азии. Образуется р. Селенга в результате слияния рек Идэр и Мурэн на территории Монголии и соединяет два крупных естественных водоема – озера Хубсугул и Байкал, представляя своеобразный голубой мост между двумя соседними странами. Таким образом, р. Селенга является не только самым крупным притоком оз. Байкал, но и главной водной артерией Монголии.

Площадь водосбора р. Селенги равна 447060 км² (это 78,4% всего бассейна оз. Байкал), из них 299000 км² (66,9%) находится на территории Монголии и 148060

(33,1%) – в пределах России. Длина р. Селенги составляет 1024 км, из которых на протяжении 409 км протекает по территории России. На северо-западе и западе бассейн р. Селенги ограничен хребтами Хамар-Дабан, Восточных Саян и Хан-Таго, далее водораздельная линия пересекает отроги хребтов Тану-Ола и Болнай. На юге бассейн ограничен горами Хангай, а на востоке – хребтами Хэнтэй и Яблоновым. На севере линия водораздела протягивается по южной оконечности Витимского плоскогорья и хр. Улан-Бургасы. Интересно отметить, что восточные границы водораздела бассейна р. Селенги разделяют воды двух океанов – Северного Ледовитого и Тихого, а южные – внутриматерикового стока Центральной Азии. Также по территории монгольской части бассейна р. Селенги проходят некоторые природные рубежи глобального значения, например, южная граница бореальных лесов Северной Азии и северная граница ультраконтинентальных степей Центральной Азии, что предопределило формирование здесь природной зоны, характеризующейся, с одной стороны, высоким биоразнообразием и повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, с другой.

Бассейн р. Селенги в целом характеризуется значительной приподнятостью над уровнем моря и преимущественно горным рельефом. Наиболее высокая отметка располагается на северо-западе у истока, в пограничном хр. Мунку-Сардык (3460 м), а наименьшей является урез воды оз. Байкал. Имея большую протяженность, долина реки Селенги характеризуется большим разнообразием ландшафтных условий.

Бассейн р. Селенги имеет хорошо развитую речную сеть. Строение и рисунок речной сети тесно связаны с расположением хребтов и межгорных котловин, которые вытянуты в основном в северо-восточном направлении.

Основными притоками р. Селенги являются: Эгийн-Гол, Хануйн-Гол, Орхон, Джидда, Чикой, Хилок и Уда. На монгольской части водосбора формируется

водный сток в среднем до 15 км³/год, т.е. примерно половина объема суммарного стока р. Селенги при ее впадении в приемный водоем.

По характеру водного режима р. Селенга относится к типу рек с половодьем и паводками. В целом для рек данного бассейна характерна глубокая и продолжительная зимняя межень; относительно невысокое весеннее или весенне-летнее половодье; серия дождевых паводков в течение летне-осеннего периода, в отдельные годы прерываемая меженью. Основная часть стока воды рек проходит в теплую часть года с мая по сентябрь. Сток зимней межени весьма незначительный; в годовом объеме он, как правило, не превышает 2–5%. Такое неравномерное распределение стока в году определяется своеобразием развития синоптических процессов в теплый и холодный периоды года, а также широким распространением многолетней мерзлоты, препятствующей накоплению в речных бассейнах больших запасов подземных вод.

Для рассматриваемой территории в теплый период года характерна активная циклоническая деятельность с частыми интенсивными атмосферными осадками, вызывающими паводки и повышенную водность рек. В отдельные годы на р. Селенге, а также на ее притоках, могут наблюдаться большие наводнения, иногда имеющие катастрофический характер. Так, наиболее значительные наводнения в прошлом столетии произошли в 1932, 1936, 1971, 1973, 1985, 1993 гг. Эти наводнения принесли большой ущерб населению и экономике хозяйствующих субъектов на водосборной территории оз. Байкал.

Внутригодовое распределение стока рек бассейна Селенги имеет свои особенности. С переходом температуры воздуха к положительным значениям и началом снеготаяния на реках бассейна формируется весеннее половодье. Следует заметить, что в целом на водосборе р. Селенги снеготаяния невелики (особенно в южных районах бассейна), поэтому половодье может наблюдаться не каждый год. На основной части территории оно отсутствует в 10-20% случаев (у р.Джида – 81%). Половодье обычно начинается в первой половине апреля,

наибольшего развития достигает в начале мая и заканчивается в конце мая - начале июня. На формирование половодья влияют также высота и расчлененность местности, экспозиция склонов и характер растительности.

Половодье обычно проходит одной волной, более четко выраженной в северных районах, однако вследствие неравномерности процесса снеготаяния, обусловленного колебаниями температуры воздуха, а также в результате выпадения жидких осадков в весенне-летний период, гидрограф половодья нередко приобретает гребенчатый вид. В первую половину теплого периода выпадение осадков в основном обусловлено циклонами, приходящими с запада и северо-запада. С конца июля - начала августа с южными циклонами может поступать морской тропический воздух и выпадать обильные осадки. Горные системы затрудняют перенос влаги как с запада, так и с юго-востока, причем степень участия обоих процессов влагопереноса может варьировать от года к году. В этих условиях особенно важен детальный анализ водного режима с учетом пространственно-временной изменчивости факторов стока (осадков, температуры и т.д.).

На рассматриваемой территории дождевые максимумы практически всегда значительно превышают максимальные расходы воды половодий. В отдельные малоснежные годы, особенно в полупустынной, степной и лесостепной зонах, половодье выражено менее четко или может отсутствовать вовсе. В многоводные же годы, когда в весенне-летний период выпадает большое количество осадков, очень трудно бывает установить дату окончания половодья и выделить объем талых вод. Непрерывно следующие друг за другом дождевые паводки накладываются на половодье, часто сливаются с ним и обуславливают в течение всего теплого периода повышенную водность рек. Обособленную и четко выраженную форму гидрографа половодье имеет лишь в годы с относительно слабым развитием циклонической деятельности, когда отсутствуют дожди и на реках в летне-осенний период устанавливается межень.

Паводочный сезон обычно наступает уже в начале лета, на спаде половодья или сразу же после его окончания, а затем с небольшими перерывами продолжается почти в течение всего летне-осеннего периода с июня по сентябрь. В отдельные годы паводки проходят и в более ранние сроки (в апреле-мае), однако в этих случаях они образуют вместе с талыми водами смешанное снего-дождевое половодье. В многоводные же годы паводочный сезон может продолжаться почти в течение всего теплого периода.

Во время паводочного периода на реках бассейна проходит значительная часть стока, величина которого в южных районах составляет в среднем 60-80 % годового объема, в северных – 40–60%. В многоводные годы доля паводочного стока еще более увеличивается, достигая 70–90 % на юге и в центральной части. Максимальные расходы воды дождевых паводков, как правило, являются наибольшими в году и часто превышают максимальные расходы половодья в несколько раз. Дождевые паводки имеют различные формы. Резко выраженные пикообразные волны обычно формируются на горных реках. Иногда паводки накладываются друг на друга и образуют многовершинные волны.

Хорошо выраженная летне-осенняя межень наблюдается лишь в маловодные годы, когда после прохождения половодья на реках бассейна отмечается устойчивая пониженная водность. В другие годы к летне-осенней межени условно можно отнести непродолжительные прерывистые периоды с пониженным стоком, наблюдающиеся между отдельными паводками. Пересыхание рек в летнее время происходит сравнительно редко и наблюдается оно в основном на малых водотоках.

Наиболее длительной и маловодной фазой водного режима рек бассейна р. Селенги является зимняя межень. Устанавливается она обычно в конце октября или первой половине ноября и заканчивается в первой половине апреля. Водный режим рек в период зимней межени отмечается наибольшей в году устойчивостью, так как питание их осуществляется за счет подземных вод.

Низкая водность рек и суровые климатические условия в холодное время года приводят к промерзанию многих рек. Явление промерзания наблюдается в основном на реках с площадью водосбора до 5000 км². Однако эпизодически могут промерзать и более крупные реки, например, река Хилок в створе г.Хилок (площадь водосбора равна 15400 км²). Продолжительность периода с отсутствием стока зимой колеблется, обычно, от нескольких недель до 3-4 месяцев. Определяется она в основном гидрологическими и гидромерзлотными особенностями речных бассейнов. Бывают и исключения, например, в 1980 г. на реке Уда в створе с.Усть-Эгита (площадь водосбора – 3900 км²) наблюдалось отсутствие стока в течение 154 суток. Таким образом, формирование стока рек бассейна р. Селенги внутри года представляет весьма сложный механизм, изучение которого позволит предвидеть и избежать нежелательных последствий водной стихии.

Неравномерное внутригодовое распределение стока и, в частности, маловодье рек в период вегетации и в зимний период существенно затрудняют их хозяйственное использование. Тем не менее водосборная часть р. Селенги является наиболее освоенной и эксплуатируемой территорией бассейна оз. Байкал. Уровень антропогенного воздействия на водные объекты бассейна р. Селенги достаточно велик. Так, монгольская территория бассейна р. Селенги занимает лишь 1/5 часть площади всей страны (19%), здесь проживает около 75% населения и сосредоточена практически вся промышленность страны. На притоке р. Селенги, второго порядка реке Туул, расположена столица Монголии – г. Улан-Батор с населением около 1 миллиона человек (на водосборе р. Селенги плотность населения наибольшая – 4,8 чел/км², тогда как по стране – 1,5чел/км²). Кроме столицы можно выделить такие индустриальные центры страны, как Эрдэнэт, Дархан и Сухэ-Батор, которые все находятся на водосборе р. Селенги. Этот регион является основным экономическим районом страны, где вырабатывается около 80% промышленной валовой продукции, 80–85%

зерновых культур, 75-80% картофеля и овощей. В Концепции устойчивого развития Монголии указано, что этот регион (бассейн р. Селенги) является главным определяющим субъектом социально-экономического развития страны в XXI в. Водные ресурсы из речных сетей используются в основном в целях водоснабжения промышленности и орошения сельскохозяйственных угодий, а также обеспечения населения питьевой водой в сельской местности. Сегодня среднегодовое потребление поверхностных вод в бассейне р. Селенги составляет около 120-130 млн.м³.

На бассейн р. Селенги на территории России приходятся южные и центральные районы Бурятии и западные районы Читинской области. В целом, это наиболее экономически развитые территории. На российскую часть площади водосбора р. Селенги приходится 27% территории Республики Бурятия, на ней проживает около 85% населения и производится более 75% валового регионального продукта республики. На данной территории расположены основные города региона, самым крупным из которых является г. Улан-Удэ с населением более 400 тыс. человек. Здесь следует отметить такие основные промышленные узлы, как Кяхтинский, Улан-Удэнский и Нижнеселенгинский непосредственно на р. Селенге, а также Закаменский, Гусиноозерский, Заиграевский и Петровск-Забайкальский на ее водосборе. Следовательно, практически все водотоки подвержены значительному антропогенному воздействию.

Необходимо отметить, что для Республики Бурятия базовыми приоритетными источниками водоснабжения населения являются подземные воды. Доля подземных вод в общем балансе хозяйственно-питьевого водоснабжения республики составляет 92% (по России - 40%), и только 8% населения используют на хозяйственно-бытовые нужды воду из поверхностных источников (по России - 60%). По бассейну р. Селенги суммарный объем забора свежей воды из водоисточников в среднем по водности год составляет около

1,8% от возобновляемых водных ресурсов. В частности, забор воды из природных водных объектов в 2005 г. составил 428,6 млн.м³ (в среднем 80-85% от общего забора по республике). В том же году в природные поверхностные водные объекты, в подземные горизонты и в различные накопители через сосредоточенные выпуски было отведено 326,6млн.м³ (около 76% от суммарного водозабора) отработанных вод, в т.ч. 322,3 млн.м³ непосредственно в поверхностные водные объекты. В сбрасываемых водах, к сожалению, велика доля загрязненных и недостаточно очищенных вод.

В целом водные ресурсы в бассейне р. Селенги в пределах российской территории используются не эффективно. Процент экономии свежей воды за счет внедрения систем оборотного и повторно-последовательного водоснабжения невелик и составляет 20-25%. Значительные объемы забранной воды теряются в процессе промышленного производства из-за несовершенства технологий и утечек в системах водоснабжения. В частности, изношенность сетей в коммунальном хозяйстве в ряде населенных пунктов достигает до 90%.

В настоящее время использование и охрана вод трансграничной реки Селенга регулируются Российско-Монгольским Межправительственным Соглашением, подписанным Правительствами Российской Федерации и Монголии в 1995 году. Это Соглашение продолжило линию преемственности сотрудничества в этой области, заложенную в положениях Соглашения между Правительствами СССР и МНР о рациональном использовании и охране вод бассейна реки Селенги от 1974 г. Сотрудничество Сторон в отношении очерченных в Соглашении круга вопросов осуществляется по ряду направлений, прежде всего: рациональное использование и охрана от загрязнения и истощения водных объектов; изучение и оценка их качества; прогнозирование состояния трансграничных вод и т. д. В целях успешной реализации данного Соглашения по совместному использованию и охране трансграничных вод был введен Институт уполномоченных правительств двух стран, который по мере необходимости

проводит совещания поочередно на территории каждой из Сторон. Организуют подобные встречи сформированные рабочие группы с обеих сторон, которые осуществляют свою деятельность в промежутках между встречами уполномоченных правительств двух стран.

Успешному решению трансграничных проблем призвана содействовать разрабатываемая «Схема комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна р. Селенга» как инструмент совместного программно-целевого планирования и реализации принципов устойчивого развития Байкальской природной территории. На III Совещании уполномоченных правительств России и Монголии были определены и сформулированы цель и задачи Комплексной схемы, а также утверждены ее общие принципы и способы организации совместной разработки. Целью разработки Комплексной схемы поставлена достижение рационального, экологически безопасного и устойчивого водопользования, обеспечивающего сбалансированность потребностей населения и экономического развития бассейна р. Селенги, а также гарантирование сохранения уникального природного объекта – озера Байкал.

Все эти усилия позволят, надеемся, сохранению водных ресурсов реки Селенги – главного притока оз. Байкал.

Реферативные обзоры

Проблемы современного российского национального образования

Т.Б.Уварова

Реальность этноса: *Этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы*: Материалы I Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 17-20 мая / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена; Редкол.: Бордовский Г.А. (пред.), Набок И.Л. (науч. ред.) и др. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. – 464 с.

Национально-региональный компонент в образовании: содержание, структура, функции: Материалы II Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 25 – 28 апреля 2000 г.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена; Редкол.: Бордовский Г.А. (пред.), Набок И.Л. (науч. ред.) и др. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. – 281 с.

Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование: Материалы III Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 16 – 19 апреля 2001 г.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена; Редкол.: Бордовский Г.А. (пред.), Набок И.Л. (науч. ред.) и др. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. – 359 с.

Образование и проблемы межэтнической коммуникации: Материалы IV Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 5 - 8 апреля 2002 г.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена; Редкол.: Бордовский Г.А. (пред.), Набок И.Л. (науч. ред.) и др. – СПб.: Изд-во РГПУ 2002. – 342 с.

Этнонациональные аспекты модернизации образования: Материалы V Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 18-21 марта 2003 г.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена; Редкол.: Бордовский Г.А. (пред.), Набок И.Л. (науч. ред.) и др. – СПб., 2003. –718 с.

Образование и национальная идея: Материалы VI Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 2-5

марта 2004 г.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена; Редкол.: Бордовский Г.А. (пред.), Набок И.Л. (науч. ред.) и др. – СПб., 2004. –557 с.

Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса: Материалы VII Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 22-25 марта 2005 г.) / Науч. ред. Набок И.Л. – СПб.: Астерион, 2005. – 536 с.

Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 4-7 апреля 2006 г.) / Науч. ред. Набок И.Л. – СПб.: Астерион, 2006. – 704 с.

Этнические и национальные проблемы приобрели особые роль и значение в российском образовании на рубеже XX-XXI вв. В этот период появились многочисленные новые учебники и учебные пособия, публикации программ учебных курсов и образовательных стандартов, специальные исследования этнонациональных аспектов модернизации образования – от дошкольного до поствузовского. В условиях исторически сложившейся полиэтничности России этнокультурная составляющая стала предметом специального изучения, осмысления сложившихся традиций, анализа инновационных процессов в отечественной образовательной системе.

Тенденции и результаты этого сложного и противоречивого процесса представлены материалами ежегодных Международных научно-практических конференций «Реальность этноса», проходящих в Санкт-Петербурге с 1999 г. Организатором конференций выступил один из ведущих педагогических вузов России – Российской государственной педагогический университет им. А.И.Герцена, в состав которого входит образованный в 1930 г. Институт народов Севера. Это во многом уникальное учебное заведение, где изучаются более двадцати языков и культур малочисленных народов России, готовятся научные

сотрудники, педагоги, работники в области культуры и искусства из представителей коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В конференциях принимают участие не только педагоги многих петербургских вузов, но и представители академических исследовательских и музейных учреждений – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российского этнографического музея, Государственного музея истории религии, Государственного музея Арктики и Антарктики, Института истории искусств и др.

Важными особенностями конференций стали необычайно широкая «географическая представленность» авторов: ученых, исследователей, педагогов более чем из 70-ти городов и регионов России, ближнего и дальнего зарубежья: стран Балтии, Белоруссии, Украины, Азербайджана, а также Австрии, США, Тайваня, Швеции, Финляндии. В одной из последних, VII конференции (2005 г.), приняли участие представители 55 вузов и исследовательских институтов России, в том числе 35 университетов. Разнообразен также спектр специальностей участников: это философы, историки, культурологи, этнологи, этнографы, филологи, лингвисты, социологи, психологи, педагоги, искусствоведы, специалисты в области организации и управления культурой и образованием.

Конференции «Реальность этноса» проводятся в рамках проекта одной из международных кафедр ЮНЕСКО «Теория образования в поликультурном обществе», научно-образовательного центра в международной университетской сети. Кафедры создавались в соответствии с разработанным в ЮНЕСКО еще в 1991 г. Всемирным планом действий по усилению межвузовского сотрудничества и академической мобильности, более известным под названием «ЮНИТВИН» (от английского University Twinnings). По своим задачам кафедры ЮНЕСКО являются одним из каналов интеграции мирового сообщества в области образования, науки, культуры и коммуникации.

За восемь лет работы конференции ее «информационный массив» составил свыше 1200 докладов и выступлений общим объемом около 250 печатных листов. Каждый из 8 ежегодных сборников материалов конференции сформирован как своего рода коллективная монография, в структуре которой выделены и теоретико-методологические проблемные разделы, и разделы региональные. Структурированные таким образом, материалы конференций обеспечивают широкий обмен опытом между специалистами различных регионов России и зарубежных стран и, вместе с тем, междисциплинарную научную экспертизу этнонациональных аспектов модернизации отечественной системы общего и профессионального образования,

Наиболее объемны и разнообразны по тематике разделы североведения и сибириеведения, в которых представлен опыт современной педагогической практики. Так, этноориентированное образование, призванное воспрепятствовать размыванию культуры, признано одним из приоритетных направлений образовательной политики Ханты-Мансийского автономного округа. В ряде районов существуют школы, при которых действуют экспериментальные площадки (вместе с общим образованием там пытаются дать ученикам навыки участия в традиционных промыслах, за школами закреплены промысловые участки). Комплексная программа развития образования действует в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе.

Перспективы участия Института народов Севера в модернизации системы образования связаны, согласно оценке заведующего кафедрой этнокультурологии профессора И.Л.Набока, с развитием этнопедагогического и этнопсихологического направлений, с актуализацией, включением в современный образовательный процесс ценного опыта народной педагогики, накопленного в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. А это, в свою очередь, должно послужить основой для создания таких образовательных систем, которые в гораздо большей степени, чем сейчас,

учитывали бы особенности этнического менталитета человека Севера, но при этом помогали бы ему органично вписаться в любой современный социокультурный контекст – общероссийский или мировой.

Проблемы этнокультурного образования имеют не меньшее значение для европейской части России. Среди постоянных участников конференции представители не только Поволжья и Кавказа, но и полиэтничных регионов без статуса автономий. В Оренбуржье, например, где проживают представители восьмидесяти национальностей, функционируют свыше 50 национальных объединений, центров, обществ, 360 религиозных организаций, представляющих 22 конфессии (РЭ-5 2003: 253). Этнокультурное образование получило свое воплощение в разных видах: дошкольное, общеобразовательные школы, учреждения дополнительного образования, негосударственные образовательные учреждения и центры. Родной (нерусский) язык преподается в 187 школах: татарский – в 83, башкирский – 47, казахский – 46, чувашский – 4, мордовский – 5, еврейский – 1, польский – 1.

В области функционирует несколько учебных заведений, где готовят учителей по родным языкам для начальных школ. На протяжении последних лет в школах с этнокультурным компонентом число учащихся, желающих обучаться на родном языке, не увеличивается, и в итоге кадры учителей оказались невостребованными. Вместе с тем попытки структур образования сократить набор по данным специальностям вызывают протесты национально-культурных объединений.

Введение регионального компонента гуманитарного образования в Краснодарском крае активно началось в середине 1990-х годов. Специфика исторического развития, полиэтничный состав населения кубанского региона определили его преимущественно этнокультурную направленность в изучении краеведения, основанную на целом ряде археологических, лингвистических, этнологических источников. Вопросы истории казачества Кубани, пожалуй,

одни из наиболее актуальных в современной историко-регионоведческой литературе (РЭ-5 2003: 294). Этнокультурный компонент образовательной системы современного полиэтничного мегаполиса представлен на конференции, главным образом, материалами по Санкт-Петербургу.

Материалы конференции отражают не только региональное многообразие российского образования, но и процессы целенаправленных изменений его этнокультурной составляющей на протяжении последнего десятилетия. Автор концепции конференции доктор философских наук И.Л.Набок одну из центральных задач конференции видит в преодолении разрыва между профессиональным и массовым этнографическим образованием. Эта задача масштабного форума в общем виде была сформулирована в тематике I конференции «Реальность этноса - 1999: Этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы». В тематике последующих ежегодных собраний заявленная концепция развивается, корректируется, уточняется автором, выступающим на протяжении десятилетия также директором-организатором и научным редактором материалов конференции.

Перед научным сообществом была поставлена задача формирования в России современного этнокультурного сознания с особым вниманием к методологическим и методическим проблемам развития этнологического образования в школе и вузе. Главной темой II конференции «Реальность этноса - 2000» стал национально-региональный компонент в образовании: его содержание, структура, функции. Национально-региональный компонент был выделен наряду с федеральным в государственных образовательных стандартах нового поколения (2000 г.) для усиления практической направленности образовательной деятельности на решение региональных проблем, ее ориентацию на этнонациональную специфику регионального образовательного пространства. Парадоксально, но при декларации такого подхода к образованию

«Этнография/ Этнология» была выведена из числа обязательных учебных дисциплин педагогических вузов.

«Реальность этноса – 2001: Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование» отражает одну из основных тематических линий конференций, связанную со стремлением обеспечить взаимосвязь научно-исследовательской деятельности с реальными образовательными процессами в различных регионах России. Признание этой проблемы имеет не только большое практическое социальное значение, но и способно в значительной степени стимулировать сами научные исследования в данной области, обеспечить их актуализацию, их конкретное участие в формировании культуры межэтнических, межнациональных отношений, этнической и межконфессиональной толерантности.

Вместе с тем, совершенно очевидным оказалось несоответствие реальной социокультурной значимости этнической проблематики и того места, которое она занимает в отечественных образовательных программах всех уровней. Так, в государственных образовательных стандартах нового поколения высшего педагогического образования этнологии как учебной дисциплине места практически не нашлось. До сих пор отсутствует и соответствующая педагогическая специальность. Тем не менее, введение в образовательные программы обязательного национально-регионального компонента становится важным шагом вперед в преодолении разрыва между этнологической наукой и образованием (РЭ-3 2001: 3-4). Проблемы межэтнической коммуникации в контексте образования были рассмотрены на IV конференции «Реальность этноса – 2002».

«Реальность этноса – 2003: Этнонациональные аспекты модернизации образования» была посвящена 300-летию Санкт-Петербурга, современного полиэтничного и многоконфессионального мегаполиса. Особое внимание участников конференции было привлечено к одной из приоритетных задач

«Концепции модернизации российского образования до 2010 г.» - выработке конкретных путей развития и совершенствования профессиональной педагогической деятельности в полиэтничной и поликультурной среде.

В аналитическом обзоре «Российское образование в 2001 г.» была отмечена недостаточная разработанность содержания национально-регионального компонента образования. По мнению профессора И.Л.Набока, его правильнее было бы назвать «этнорегиональным», учитывая полиэтничность и мультикультурность образовательного пространства России. «Стержнем такой концепции должно стать представление о том, что этнонациональное «измерение» культуры и общественной жизни носит всеобщий, всепроникающий характер, что это – не отдельно взятая сфера, но сторона, «срез» любой гуманитарно-образовательной сферы, касающийся фундаментальных оснований самого бытия личности и общества. Понимаемое в широком смысле слова этнологическое образование не может ограничиваться введением учебного предмета «этнология» или «этнография», оно должно пронизывать всю систему гуманитарного знания» (РЭ-5 2003: 12).

Стихийное осознание масштаба этой ситуации привело во второй половине XX в. к своеобразному буму этнической проблематики, даже к своеобразной моде на «этно». Другой стороной этого процесса стало «размывание» этнологической проблематики, нестрогость употреблений понятий «этнос», «этничность», «этно-», приобретающих нередко метафорический смысл. Этнологическое знание в российской системе образования до сих пор не стало массовым, оно остается сферой узкопрофессиональной подготовки, уделом академических исследовательских и музейных учреждений. Отсутствие ясно выраженной национальной идеологии приводит к упрощенному пониманию процессов глобализации и интернационализации культуры, нередко трактуемых как процессы снятия этнонациональных различий.

Эта проблема определила тему VI конференции «Реальность этноса – 2004» - образование и национальная идея. В условиях современной России можно говорить, по крайней мере, о двух смыслах понятия «национальная идея». В широком смысле, это понятие может быть рассмотрено как синоним *национальной (общероссийской, общегражданской) идеологии*, т.е. в качестве системы идей и ценностных принципов, лежащих в основе консолидации и развития российского общества. В узком смысле, под национальной идеей можно понимать систему представлений, связанных с ценностными установками в области межэтнических, межнациональных отношений, *этнического сознания, этнической идентичности*.

Сегодня, увы, есть все основания говорить о «массовой этнологической безграмотности» населения многонациональной России», считает И.Л.Набок (РЭ-7 2005: 18). С другой стороны, потребность в этом знании, его реальная востребованность приводит к тому, что можно назвать стихийной «педагогической этнологией». В многочисленных спецкурсах, на факультативах рассматриваются вопросы национальной культуры, национального самосознания, национального характера, наконец, национальной идеи. И это делается не всегда компетентно с позиций этнологической науки.

Между тем, современная педагогическая теория сегодня уже не может обходиться без этнологического знания. И дело не только в многочисленных описаниях приемов традиционной «народной педагогики», которые сегодня во многом оказываются неприменимы, оказываются своеобразной данью «этническому романтизму», ибо вступают в вопиющее противоречие с системой ценностей, насаждаемой коммерческой массовой культурой. У понятия «этнопедагогика» может быть и другой смысл – интеграция педагогической и этнологической теории. Речь идет о включении *этнологического аспекта* в рассмотрение педагогических проблем.

VII конференция «Реальность этноса - 2005: Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса» анализирует возможности и условия вхождения отечественной системы образования в формирующееся единое культурно-образовательное пространство Европы.

VIII конференция «Реальность этноса - 2006: Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности», посвящена кругу проблем, в решении которых теория приобретает непосредственный социальный и практический смысл. От уровня теоретического осмысления в значительной степени зависит и характер принимаемых политических решений, касающихся принципов, стратегии и тактики построения нового гражданского общества в России. Эта тактика и стратегия в полной мере должна учитывать и интересы граждан, принадлежащих к разным этническим и конфессиональным группам, и интересы регионов, вырабатывающих свою, адекватную этноконфессиональному своеобразию политику, развивающих собственное этнокультурное пространство.

Пожалуй, впервые с трибуны конференции прозвучало развернутое обоснование связи «национального» не с «реальностью этноса», а с общегражданской государственной принадлежностью россиян (Тишков В.А. Есть такая нация (РЭ-8 2006: 18-24). Сознательно уходя от ставшего уже общим местом сравнения «отсталого примордиализма» с «продвинутым конструктивизмом», хотелось бы в очередной раз привлечь внимание к многомерности, многослойности, зачастую противоречивости самих феноменов «этнического» и «национального». Вероятно, концептуализация этих сложнейших явлений с учетом многообразия их конкретно-исторических форм не может быть унифицирована для «повседневного-бытового» понимания населения различных регионов России, с одной стороны, и обобщений теоретического уровня мировой социальной науки – с другой. Важно, что

конкретные исследования по выявлению и сопоставлению «уровней понимания» уже ведутся в отечественной этнологии.

В вопросах формирования этнической и гражданской идентичности особенно очевидной становится решающая роль образования как главного института социализации, от уровня которого во многом зависит будущее страны. Другой аспект этнической и гражданской идентичности связан с острейшими проблемами межэтнических взаимоотношений и конфликтов. Сегодня очевидно, что уровень образования, и особенно этнокультурного, в значительной степени определяет уровень толерантности и межэтнической конфликтности.

В то же время, как считают организаторы конференции, опыт теоретической рефлексии по поводу проблемы идентичности (этнической, национальной, гражданской) показывает несостоятельность научной монополии на это понятие этнологии и социально-культурной антропологии. Эта проблема может быть системно, комплексно рассмотрена только в междисциплинарном исследовательском поле.

IX Международная конференция «Реальность этноса: Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов», проведение которой планируется в марте 2007 г, посвящена 210-летию Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена.

В целом материалы конференции подтверждают перспективность и востребованность одной из основных принципиальных установок этого научного форума – линию на дальнейшее сближение и взаимодействие академического научного этнологического, антропологического знания и отечественной системы образования, которое сегодня находится в процессе модернизации и перестройки. Очевидным результатом конференции можно также считать создание неформального рабочего сообщества, которое активизирует интерес к проблемам этнологического образования в отечественном общественном сознании, включая и сторонников своих теоретических позиций, и оппонентов.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Т.Б.Уварова

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ: Социокультурная роль Новосибирского государственного университета / Диканский Н.С., Попков Ю.В., Радченко В.В., Свиридов И.В., Тюгашев Е.А., Шатрова В.Я. Новосибирск: Нонпарель, 2005. – 358 с.

В коллективной монографии раскрывается социокультурная роль Новосибирского университета, его исторический вклад в развитие образования коренных народов Сибири и возможные перспективы дальнейшей деятельности в этом направлении.

НГУ в сотрудничестве с научными учреждениями Сибирского отделения РАН и органами власти Сибирского региона давно занимается исследованием проблем коренных народов России. Принципы, заложенные в основу деятельности НГУ и структура его образовательной сферы, позволяют университету оперативно откликаться на вызовы времени, решать нестандартные задачи в области образовательной деятельности. Одной из таких задач является реализация НГУ проекта Европейской Комиссии «Расширение возможностей коренных народов Сибири в получении образования высокого уровня». Он осуществляется при поддержке Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию РФ, Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Московского бюро ЮНЕСКО в сотрудничестве с Институтом филологии и Институтом философии и права СО РАН,

Институтом лингвистики РАН, Государственной полярной академией, Санкт-Петербургским государственным педагогическим университетом им. А.И.Герцена, а также Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Центром поддержки прав коренных народов Сибири.

Проект направлен на создание условий для повышения социального статуса коренных народов Сибири, уровня их самоуважения, этнической самооценки посредством специальных образовательных программ и создания организаций, содействующих этому процессу. Конкретная цель проекта – содействие в реализации лингвистических и культурных прав коренных народов Сибири, в подготовке национальных кадров высокой квалификации в области сохранения и развития национальных языков, в популяризации национальных культур.

В главе 1 «Феноменология современного образования» кризис мирового образования характеризуется как кризис роста. Во второй половине XX в. в международной педагогической науке этнокультурный плюрализм образования стал рассматриваться как одно из основных направлений в разрешении не только кризиса средней школы, но и глобальных проблем современности. Практическая проблема учета в образовательном процессе многообразия культур с различных позиций решалась такими направлениями педагогики, как «новая» и «согласованная» педагогика во Франции, «ментальная» и «интегративная» педагогика в ФРГ, «коммуникативная» педагогика в США.

Вместе с тем признается, что погружение образования в «особенное», «единичное» отнюдь не содействует формированию «ментальной терпимости», а образование неизбежно становится поверхностным и предельно конъюнктурным, что еще больше увеличивает темпы его морального износа (1, с.23).

В условиях глобализации интернационализация образования стала заметным, системным и устойчиво развивающимся процессом. Одним из институциональных его выражений является формирование Зоны европейского высшего образования в рамках Болонского процесса, в котором участвует и Россия. Путь в будущее видится в разработке на европейском уровне тех механизмов обеспечения качества, которые учитывают национальные, лингвистические и дисциплинарные различия. Наиболее интенсивно развивается международное сотрудничество между высшими научными заведениями. Процесс международной интеграции образования, отвечающий растущей потребности в межкультурном взаимопонимании, вызванной глобальным характером современных средств коммуникации, потребительских рынков и т.д., в той или иной степени трансформирует национальные образовательные системы.

В Гаагских рекомендациях о правах национальных меньшинств на образование указывается, что право представителей национальных меньшинств на сохранение своей самобытности может быть полностью реализовано только в том случае, если они получают должное знание родного языка в ходе образовательного процесса. Государственные образовательные ведомства обязаны гарантировать включение преподавания истории, культуры и традиций соответствующих национальных меньшинств в общие обязательные учебные программы. Поскольку обеспечение образования на языке меньшинства или обучение ему в значительной степени зависят от наличия учителей, прошедших подготовку по всем предметам на этом языке, государство должно предоставить достаточно благоприятные условия для соответствующей подготовки учителей и способствовать доступу к такой подготовке.

Вместе с тем процессы интернационализации науки и образования ведут к тому, что образование действительно высокого уровня объективно становится достижимым только на одном из языков мировой науки (английский, немецкий,

французский и завоевавший этот статус в XX в. русский). Полиязыковое образовательное пространство расширяется и за счет формирования в составе тезаурусов национальных языков обширного пласта интернациональной лексики.

В информационном обществе непрерывное генерирование новой информации стремительно обесценивает уже накопленное знание. «Презумпция объективности знания утрачивает свою силу. Знания воспринимаются как частные мнения, иногда обладающие сомнительной достоверностью и, как правило, несовпадающие или даже противоречащие друг другу» (1,с.37). В этих условиях и благодаря сложному и трудному взаимодействию субъектов образовательного отношения образование перестает быть односторонним процессом передачи информации и становится источником нового, более фундаментального и системного научного познания.

Характеризуя образование коренных народов Сибири, исследователи рассматривают его в контексте кризиса просвещения коренных народов в современном мире. Просвещение обычно воспринимается как исторически конкретная и частная форма образовательной деятельности.

Исторический экскурс в эпоху Просвещения показывает, что сосредоточение процесса социализации коренных народов в школах интернатах нельзя рассматривать как исключительно советский опыт, что зачастую имеет место в литературе. Идея создания интернатов принадлежала пуританскому проповеднику XVIII в. Э.Уилкоку, считавшему необходимым во имя просвещения оградить индейских детей от влияния родительских семей. В России первые попытки создания школ-интернатов для детей коренных северных народов также были предприняты в середине XVIII в. представителями духовенства – архимандритом И.Хотунцевским.

В Северной Америке государственная система интернатов для детей индейцев получила развитие со второй половины XIX в. Дисциплинарная

практика с палочной дисциплиной и мелочной опекой, вызвавшая своеобразное гражданское неповиновение коренного населения, стала причиной проведения реформ в духе «нового курса». С 1930-х годов почти все интернаты в США были реорганизованы в дневные школы (1, с.107-8). В СССР модель закрытого образования для коренного населения Сибири стала активно внедряться в послевоенный период, особенно после введения в 1956 г. всеобщего обязательного образования.

В целом историю закрытых образовательных учреждений для коренного населения исследователи соотносят с обрядовой практикой первобытных инициаций, когда дети изолировались от родных.

Главные особенности традиционной педагогики народов Сибири обусловлены несколькими причинами. Это домашний характер воспитания, исключающий создание изолированных и отчужденных от семьи детских коллективов. Педагогов как таковых нет, воспитанием занимаются все взрослые без исключения. Образование органично слито с повседневной жизнедеятельностью и опирается на удовлетворение потребности ребенка в подражании взрослым в непосредственном общении с ними. Наконец, в воспитательном процессе не используются меры принуждения, физические наказания, контроль за ребенком ненавязчив и незаметен.

«Специфика традиционной образовательной системы коренных народов Сибири определила культурную неорганичность («культурно-не-сообразность»), неэффективность для них западной модели с ее авторитарностью, закрытостью, оторванностью от жизни. Эта модель не имела институциональной основы для укоренения в этнообразовательной среде коренных народов Сибири, а ближайшим ее институциональным аналогом в традиционной культуре был только институт домашнего рабства» (1, с.110).

В современных дискуссиях об эффективности модели закрытого образования для коренных народов большинство российских ученых отмечают

отрицательные стороны интернатского образования: разрушение семейного уклада и преемственности поколений, утрату воспитанниками интернатов родного языка, навыков традиционного хозяйствования и интереса к своим национальным обычаям, воспитание социально пассивных, иждивенчески настроенных молодых людей, не имеющих устойчивой привычки к систематическому труду. Из положительных аспектов отмечена функция формирования национальной интеллигенции.

Оценка опыта внеинтернатного обучения свидетельствует, что духовные традиции коренных народов обладают значимым и разнообразным образовательным потенциалом. Их этнопедагогические традиции должны быть должным образом глубоко изучены и систематически реализованы в современных образовательных технологиях.

В советский период был достигнут качественно новый уровень образования коренного населения Сибири. Произошло снижение доли неграмотных и малограмотных, были сформированы национальные кадры квалифицированных специалистов различного профиля. Вместе с тем в конце 1980-х годов доля лиц с высшим образованием у коренных малочисленных народов была в 2-3 раза ниже средних общероссийских показателей (1, с.115).

В Бурятии и Якутии, напротив, уровень образования титульного населения республик в 2 раза выше (по числу лиц с высшим образованием на 1000 населения), чем у русских. Сегодня в системе образования в Бурятии реализуется более 60 инновационных программ. Новейшие информационные технологии широко внедряются и в Якутии. Как сообщалось на IX Международном форуме партнеров в образовании циркумполярного Севера «Проблемы и перспективы развития образования коренных народов Севера», все школы республики компьютеризированы и имеют выход в Интернет. Сегодня в Якутии один компьютер приходится на 23 ученика, а в России в среднем – на 500 учеников (1,с.123). Неравномерность развития образовательных процессов в силу действия

ряда исторических причин у разных коренных народов определяет необходимость проведения этнически дифференцированной образовательной политики, учитывающей конкретные этнокультурные традиции.

Этническая ориентация присутствовала в образовательной политике и в советский период. Она выражалась, прежде всего, в отраслевой структуре специального и высшего образования. «Исторически сложившаяся ориентация высшего профессионального образования коренных народов на просвещение проявляется в том, что единственное в СССР этноориентированное высшее учебное заведение – учрежденный в 1930 г. Институт народов Севера в 1939 г. был передан из ведения Главсевморпути в ведение Наркомпроса и преобразован в Педагогический институт народов Севера. И это не досадная историческая случайность. Такой опыт характерен не только для России. Подготовка учительских кадров из числа коренных народов рассматривается как одна из ключевых проблем современного образования индейцев в Канаде. Государственная необходимость ликвидации неграмотности коренного населения, обусловленная интенсификацией его вовлечения в нетрадиционные виды общественной и хозяйственной деятельности, определяет приоритет подготовки педагогических кадров» (с.125).

В современных условиях решающим обстоятельством в выборе образовательных приоритетов должно стать мнение самого населения. Сочетание традиций занятости коренного населения Сибири и современной профессиональной структуры представляет собой сложную социокультурную задачу. Новосибирскими исследователями еще в середине 80-х годов была сформулирована задача осуществления трудового воспитания и профориентации исходя, с одной стороны, из необходимости обеспечения каждому учащемуся реальных и максимально широких возможностей выбора профессии, с другой – из устойчивой ориентации выпускников школ в первую очередь на те профессии. Специальности и отрасли хозяйства региона, где наиболее остро

ощущается потребность в молодых кадрах. Необходимо, чтобы подрастающие поколения коренных народов решительно преодолевали сравнительно узкий круг традиционных занятий и прилагали свои силы в самых разнообразных сферах деятельности, но в то же время с интересом осваивали традиционные занятия родителей, с тем, чтобы иметь дополнительную возможность жизнеобеспечения и удовлетворения традиционных этнокультурных потребностей.

В последние десятилетия кардинально изменился характер образовательных потребностей коренных народов Сибири. Одним из перспективных направлений представляется формирование новых отрядов гуманитарной интеллигенции коренных народов – юристов, менеджеров и экономистов, работников сферы государственного управления и сервиса.

Разработаны региональные концепции обновления и развития национального образования. Научно-исследовательский институт развития школ Сибири, Севера и Дальнего Востока (г. Томск) ставит задачу создания национально-профилированных школ с изучением родного языка (диалекта) и трудовым обучением детей в русле подготовки к хозяйственно-промысловой деятельности в сфере охоты и рыболовства. Институт проблем малочисленных народов Севера СОРАН (г. Якутск) разработал Концепцию совершенствования системы образования и воспитания малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), целью которой является возрождение коренных народов Севера, с тем, чтобы каждый коренной житель был по-современному образован и в то же время оставался носителем самобытной национальной культуры. В Ханты-Мансийском автономном округе как основные ориентиры современного развития образования выбраны направленность на сохранение традиционного уклада жизни и воспитание национального самосознания и формирование национально ориентированной интеллигенции. Эта программа, по оценке директора Ханты-Мансийского института природопользования Севера

(открылся в 1997 г.), не позволяет преодолеть ограниченности традиционного образа жизни и приобщить коренные народы к европейской модели образования.

Универсальным учреждением высшего образования для народов Севера стала Государственная полярная академия (г. Санкт-Петербург), где готовят специалистов из представителей коренного населения северных регионов России. Система непрерывного образования, созданная в академии, призвана ликвидировать существенные пробелы в школьном образовании северян, подготовить из них высокопрофессиональных специалистов по необходимым специальностям и одновременно содействовать развитию образовательной инфраструктуры на местах. Так, в рамках федеральной целевой программы «Дети Севера» совместно с Московским институтом развития образовательных систем в г. Виллюйске реализован пилотный проект профессиональной школы предпринимательской деятельности для народов Севера.

Авторы особо подчеркивают необходимость создания принципиально новой социальной технологии получения образования высокого уровня коренными народами Севера. Речь идет о том, чтобы сформировать образовательную среду там, где студент живет и работает, в привычном для него социуме. Принятая до сих пор система вузовской подготовки ведет к разрыву связей с социокультурной и этнолингвистической почвой. Разрушение этнических стереопитов зачастую приобретает необратимый характер, ведет к маргинализации обучаемых.

Кризис, переживаемый традиционными российскими центрами обучения коренных народов, стал объективной причиной того, что центр тяжести в ведении методической и научно-исследовательской деятельности по этому направлению переносится в регионы. Этно и социокультурные реалии сейчас таковы, что «образование для коренных малочисленных народов Севера становятся фактором этнического выживания, сохранения уникальных, выработанных многовековой практикой способов взаимодействия человека с

природой и социумом» (1, с.282). В рамках проекта «Расширение возможностей коренных народов Сибири в получении образования высокого уровня», направленного на вывод образования коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока из кризиса, Новосибирский государственный университет ведет работу по созданию базовых структур – так называемых Антенн – для практической реализации этой задачи.

Физически Антенны представляют собой создаваемые при непосредственном участии НГУ некоммерческие звенья управлений образования муниципальных органов власти в административных и культурных центрах национальных округов, краев и областей Севера, Сибири и Дальнего Востока, через которые реализуется дистанционный образовательный процесс: они осуществляют мониторинг деятельности в рамках проекта и распространяют ее полезные результаты в отдаленных районах проживания коренных народов Сибири.

Рецензии

Ленин, Пушкин, Виктор Цой...

**(По страницам сборника статей «Полевые исследования студентов РГГУ.
Этнология. Фольклористика. Лингвистика».**

Т.И. Хорхордина

Настоящая наука, как и настоящий ученый-исследователь, нередко начинается с простого человеческого удивления. В этом лишний раз убеждаешься, когда

перелистываешь сборники материалов, изданных по результатам полевых исследований студентов РГГУ^{сxxxviii}.

В самом деле, посмотрите еще раз на заголовок: «Ленин. Пушкин. Виктор Цой»... Найти нечто общее между этим, на первый взгляд, абсурдистским сочетанием имен, которое может придти в голову разве что перевозбужденному неким постмодернистским духовным анаболиком субъекту, а тем более проанализировать и сделать научные выводы – нелегкая, мягко говоря, задача. Причем этот сюрреалистический набор далеко не полон. Для полноты картины в него нужно добавить еще Короля Жвачек, Пиковую даму, Пекаря в колпаке, абсолютно безвредного Чертика и еще несколько столь же незаурядных персонажей...

Интрига заключается в том, что с этим феноменом современного мифотворчества как научной проблемой лицом к лицу столкнулись студенты Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока (далее – ЦМБ) во время научной экспедиции в Пудожский район Карелии. А поставили ее перед ними воспитанники детского дома № 8 села Авдеево.

Представьте себе картину – по обе стороны «берлинской стены» взаимного настороженного любопытства расположились две «команды». С одной стороны – местные аборигены, дети и подростки. Им от 6 до 16 лет, почти каждый страдает тяжелым хроническим заболеванием, у большинства есть живые родители, но их как бы и нет ...

С другой стороны – приезжие мальчики и девочки, студенты столичного вуза, оперирующие под брендом «Российско-французского центра», знающие, кто такой Марк Блок и читавшие его в подлиннике. Более того, помимо студентов и аспирантов ЦМБ, в карельских экспедициях на разных этапах принимали участие студенты историко-филологического факультета, аспирантка Петрозаводского государственного университета, аспиранты и преподаватели Карлова университета в Праге, выпускник университета Южной Калифорнии

(Лос-Анджелес), социальный переводчик из Гента и другие носители базовых ценностей современной «высокой» цивилизации.

Одним словом, как говорили некогда, налицо обозначилась коллизия «два мира – два детства». Я отнюдь не утрирую. Сегодня не только Россия, но и, по большому счету, весь мир – «территория контрастов». Просто на периферии, в глубинке, эти контрасты затрагивают самые сокровенные струны в существе настоящего исследователя.

Не случайно проблема завоевания и сохранения взаимного уважения и человеческого доверия, как пишет выпускница Учебно-научного центра социальной антропологии Н.А. Антропова в статье «Ученик или исследователь? К проблеме этики этнолога», встает с особой остротой именно в ходе полевых исследований студентов-гуманитариев.

«Проблему, - пишет она, - можно обозначить так: можем ли мы и должны ли, играя в поле роль учеников и устанавливая соответствующие эмоциональные контакты, после возвращения забыть эту роль как ненужную и мешающую, принять роль исследователя и строить свои действия исходя из сугубо научных интересов. Возможен ли компромисс этих двух позиций и каков он?».

Хорошо, что статья заканчивается этой фразой, а сама фраза заканчивается знаком вопроса.

Хорошо потому, что именно здесь и кроется таинство появления настоящего ученого, прошедшего российскую высшую школу гуманитарного образования.

Хорошо потому, что из содержания самой статьи следует, что ученый не «играет» роль исследователя, он им становится раз и навсегда. Он не притворяется, не надевает маску «аборигена», он не обманывает и не обманывается, он просто *работает* – точно так же, как *работают* его «информанты».

Думаю, в авдеевском детском доме студенты не раз вспоминали напутствие члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук, профессора А.Л. Топоркова, который в статье «Пудожские экспедиции Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока» четко определил преемственность научных принципов полевых исследований в Карелии сегодняшнего дня: «Собранные здесь археографами, этнографами, фольклористами в конце XIX– начале XX вв., а далее в 1970-1990-х годах материалы послужат для нас неоценимой базой для проведения современных сравнительных исследований».

Андрей Львович Топорков сам проявил себя как один из выдающихся исследователей детского фольклора. Он анализировал детский фольклор с привлечением работ Ю.М. Лотмана, Вяч.Вс. Иванова, В.Н.Топорова, В.В.Виноградова, А.Ф.Белоусова, М.В. Осориной, С.М. Лойтер, Ф. Шнеерсона (Берлин) и других ученых (см., например, его статью «Пиковая дама в детском фольклоре» в сборнике «Русский школьный фольклор» (Москва, 1998. С. 15-55).

Одним словом, исследователям-студентам был задан тот высокий уровень, который и определил характер и значение их работ во время полевых экспедиций в Карелии.

Впрочем, не легче было и тем, кто проводил исследования в ходе полевых студенческих экспедиций в других местах России (Санкт-Петербург, Новгород Великий и Псков, Старая Рязань и Иваново, Архангельская область, Сибирь, Алтай, Удмуртия, Адыгея), а также в регионах ближнего и дальнего Зарубежья (Украина, Прибалтика, Египет).

Компактные десанты начинающих свой научный путь исследователей, высадившись под руководством опытных наставников-ученых, задавали вопросы и получали такие неожиданные ответы, которые могли бы поставить в тупик не одного профессионала. Зачастую бесхитростные ответы и рассуждения

опрокидывали общепринятые клише и представления о том, что наполняет нашу жизнь и составляет ее главные ценности.

Они заставляли удивляться и...думать, думать, думать.

Так возникало личностное ощущение неразрывной связи жизни, науки и образовательного процесса, которое лежит в основе концепции подготовки специалистов в стенах российского гуманитарного вуза.

Так рождалось та загадочная «креативная составляющая», мощный стимул к творчеству, без которого нет ни подлинных исследователей, ни по-настоящему новых исследований.

Это и составляет, по моему взгляду, ту «сверхзадачу», которая стояла и стоит перед организаторами и участниками студенческих научных экспедиций, этих подлинных «хождений в люди» XXI века.

Нет ни малейшего сомнения в том, что опубликованные и еще ждущие своей публикации материалы экспедиций станут предметом углубленных исследований будущих историков науки и культуры, философов и политологов, социологов и педагогов.

Тем более, что, начиная с 1991 г., то есть с первых дней создания РГГУ, наш вуз организует ежегодно более 20 экспедиций различного профиля. А это означает, что ежегодно сотни студентов под руководством преподавателей выезжают «в поле», в открытое для творчества пространство, в поисках проблем и путей их решения.

Это можно сказать, помимо вышеупомянутых, и о коллективах представителей Учебно-научных центров социальной антропологии и египтологии имени В.С. Голенищева, Института лингвистики, историко-филологического факультета и факультетов социологии, истории искусства, Российско-Американского центра библеистики и иудаики, Центра изучения религий и других структурных подразделений РГГУ.

Предваряя первый выпуск сборника «Полевые исследования РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика», ректор РГГУ Е.И. Пивовар с гордостью констатировал, что «выездные практики занимают особое место в процессе подготовки студентов-гуманитариев разного профиля... На основе экспедиционных материалов в РГГУ создаются архивы и базы данных. В частности, среди специалистов широко известен формирующийся с 1993 года Каргопольский архив, хранящийся в Учебно-научной лаборатории фольклора Историко-филологического факультета РГГУ, интереснейшие материалы аккумулируются в Архиве полевых материалов и исследований Учебно-научного центра социальной антропологии, которые собраны студентами УНЦСА в Калужской области, в Удмуртии и на Алтае (2002-2005 гг.) и в Этнологическом архиве Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока».

Попробуем расшифровать, какое богатство скрывается за упоминанием о материалах Удмуртской и Алтайской экспедиций (УНЦСА, руководитель – доктор филологических наук, профессор В.Л. Кляус).

Это:

– видеозаписи похоронной и поминальной обрядности, а также свадебных обрядов и лечебного искусства костоправов, осуществленных в аналоговом и цифровом форматах среди чепецких татар, удмуртов, бесермен и русских старообрядцев,

– видео – и аудиозаписи песенного фольклора и заговоров, а также несказочной прозы (легенды, мифологические и устные рассказы), а также сцены шаманского камлания на хорошую дорогу и других обрядов, зафиксированных среди теленгитов,

– фотографии и описания более 900 памятников домашней утвари и других памятников материальной культуры, а также обрядов, поверий, примет, которые записывались

– фотокопии рукописей с заговорными текстами, молитвами, обрядовым фольклором, девичьими анкетами и песенниками общим объемом более 1000 страниц,

– материалы коллоквиумов, на которых обсуждались сообщения по шаманизму, эпической традиции и сказочному фольклору теленгитов...

В той или иной степени эти материалы проанализированы в студенческих публикациях на страницах сборника «Полевые исследования студентов РГГУ» (М., 2006). Другие собранные материалы еще ждут своего исследователя.

Напомним, речь идет только об одной из экспедиций. А ежегодно их организуется более 20, и география выездных практик непрерывно расширяется. Можно только догадываться, какой титанический труд стоит за планированием и организацией научных десантов.

В первую очередь это относится к Отделу производственной практики Учебного управления РГГУ (начальник Отдела Н.А. Козлова, методист К.М. Корепанова). Думается, именно этот маленький коллектив подвижников и энтузиастов задает нужный тон и служит залогом успеха всей работы научных десантов во времени и пространстве. Пусть их имена не фигурируют в списке авторов статей – без них экспедиции первооткрывателей так и остались бы на вечной стоянке, а отечественная гуманитарная наука лишилась бы мощного источника новых сил.

Добавим, что значение выездных практик уже перешагнуло рамки нашего университета.

Это стало особенно ясно во время проведения в стенах РГГУ 14 декабря прошлого года Российско-Украинской научной студенческой конференции «Полевые исследования студентов РГГУ. По итогам фольклорно-этнографических, этнологических, лингвистических и религиоведческих практик 2005/2006 учебного года». Здесь наряду с руководителями крупнейших структур РГГУ присутствовала и делегация студентов и преподавателей Одесского

национального университета им. И.И. Мечникова во главе с кандидатом исторических наук, доцентом кафедры археологии и этнологии А.А. Пригариним.

В заключение нам остается только присоединиться к надежде, которая выражена в словах ректора РГГУ Е.И. Пивовара: «Университет предполагает и в дальнейшем всемерно поддерживать проведение выездных практик. И вслед за этим, первым изданием студенческих научных работ, посвященных итогам полевых исследований, появятся новые сборники такого рода».

Завидуем тем, кто получит возможность вновь ощутить чувство удивления от прикосновения к великому чуду рождения нового поколения ученых-исследователей и продолжения славных традиций российской гуманитарной науки в XXI в.

Россия - Монголия – Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830 – 1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментариев и указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. – Казань: Издательство «Таглитат» Института экономики, управления и права, 2006. – 104с.

К.А.Эдлеева

Изучение научной деятельности российских и зарубежных ученых-ориенталистов представляет собой важное направление в отечественном востоковедении. Целый ряд работ, посвященных анализу биографии и наследия различных востоковедов, имеет актуальное значение на современном этапе, поскольку позволяет более четко и полно представить картину формирования востоковедной науки в России и основные тенденции ее развития.

Исследование жизни и научного творчества российского и польского ориенталиста О. М. Ковалевского (1801–1878), является одной из интересных и значимых областей в отечественной истории востоковедения.

Вышедшая в прошлом году работа «Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830 – 1831 гг.» / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментариев и указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек представляет собой публикацию путевых записей ученого, которые он вел во время своего путешествия из России в Китай и на обратном пути. Это путешествие ученый предпринял в 1830 – 1831 гг. в составе XI и X Российских православных духовных миссий.

О. М. Ковалевский – выдающийся исследователь-востоковед, автор капитальных научных трудов, педагог, с именем которого связано зарождение научного монголоведения в России. Он внес огромный вклад в отечественное и мировое востоковедение. На протяжении продолжительного периода времени он являлся заведующим первой в России и Европе кафедры монгольского языка в Казанском университете.

В 1828 г. О. М. Ковалевский был отправлен Казанским университетом в научную командировку в Забайкалье для изучения языка, культуры, истории и религии монголоязычных народов. Он провел там почти пять лет, совершив ряд путешествий по Сибири, Забайкалью, Восточной и Центральной Азии. Все они имели большое значение для формирования научных интересов будущего ученого. В Бурятии и Китае он приобрел богатую коллекцию рукописей и ксилографов для библиотеки университета, собрал огромный материал по фольклору, ближе познакомился с их культурой, бытом, обычаями, что нашло отражение в его научных трудах.

В предисловии книги лаконично представлены биографические данные О. М. Ковалевского. В научной деятельности ученого выделены два основных направления: первое – изучение восточных языков в университете, знакомство с

историей и культурой народов Азии, в частности Поволжья, Сибири, Бурятии, Монголии, Китая; второе – преподавание монгольской словесности в Казанском университете. Оценивая письменное наследие О. М. Ковалевского, авторы предисловия подробно останавливаются на его поездке в Пекин в 1830 г. Во время этого путешествия ученый открыл новый, неизвестный до сих пор ему мир, столкнулся с новыми людьми и обстоятельствами, смог понять, оценить и отразить в своих дневниках картину политической, социальной и культурной обстановки в Монголии и Китае того периода.

В предисловии к изданию сообщаются детали работы О. М. Ковалевского над дневниками, даются сведения о самих документах: место хранения, временные рамки дневниковых записей, внешняя характеристика. Составители обращают внимание на специфику изображения исследователем-путешественником ряда реалий окружающей действительности. Они дают объективную оценку путевых записей О. М. Ковалевского, указывая на такие их признаки, как «самостоятельность, системность, реалистичность, конкретность и критичность».

Издание текста дневников осуществлено по правилам, принятым в современном востоковедном источниковедении, стилистические особенности сохранены.

Первый дневник, вошедший в раздел книги «Монголия – Китай», представлял собой подневные записи О. М. Ковалевского, которые он вел по пути в Китай. Этот дневник хранится в Российской Национальной библиотеке (бывшей Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина) в Санкт-Петербурге. Первая заметка в нем описывает выход обоза, с которым шел молодой ученый, на монгольскую равнину Цзэмэин Гашун, находившуюся южнее прежней столицы Монголии – Урги, а последняя посвящена этнографическим мелочам китайской жизни, которые он наблюдал во время своего пребывания в Пекине. В первом дневнике подробно описываются места,

по которым проходил путь Православной миссии. В нем содержатся сведения о политическом и административном устройстве Монголии, входившей в то время в Цинскую империю (1644–1911), пересказы разговоров с местным населением, различные мелкие происшествия. Второй раздел книги – «Пекин – Россия» – содержит дневник, веденный О. М. Ковалевским на обратном пути из Китая. Он находится в Национальном Архиве Республики Татарстан, в Казани. Отличается краткостью. Главное внимание уделено географическим объектам, климатическим условиям, рельефу местности, по которой проходил путь Миссии. Но и здесь есть живые впечатления очевидца, конкретные описания жилища, утвари, предметов быта, использовавшихся монголами в кочевом хозяйстве. Говоря о втором дневнике, авторы-составители обращают внимание на яркое своеобразное описание монголоведом-путешественником двух различных цивилизаций, Монголии и Китая, и приводят следующую выдержку из дневника О. М. Ковалевского: «...любовался я видом Китая и Монголии, в совершенной с собою противоположности находящихся. Там – вершины гор касаются облаков, здесь – необозримая равнина у ног путешественника расстилается, там – многолюдство и теснота подавляют силу воображения, здесь – пустота неимоверная не имеет пределов, там – движение промышленности и торговли поражает понятие, здесь – только местами мелькают стада овец, табуны лошадей, там – рад бы скрыться от толпы народа, здесь – напрасно ищешь человека, с которым можно бы поговорить. После смрадного пыльного Пекина воздух чистый монгольский чрезвычайно приятен» (с. 60).

Публикация дневников О.М. Ковалевского свидетельствует о большом труде авторов-составителей, осуществивших подготовку этих дневников к изданию. Работа снабжена комментарием, содержащим пояснения к трудным местам текста и реалиям монгольской жизни, указателем имен собственных, глоссарием монгольских, китайских слов и терминов, указателем

географических названий. Все это увеличивает научную ценность издания. Публикация дневников О. М. Ковалевского осуществлена впервые.

Записи О. М. Ковалевского являются уникальным письменным свидетельством, в котором раскрывается историческая общественно-политическая обстановка, сложившаяся в Монголии и Китае в первой половине XIX в., кроме того, они содержат ценные сведения об этнографии и культуре этих стран.

Студенческие работы

Развитие малого бизнеса в Республике Бурятия

А.Н. Иванова

Проблема развития малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятии и в Российской Федерации в целом, является одной из самых актуальных на сегодняшний день и представляет собой совокупность правовых, социальных, информационных, образовательных, организационных и иных мер, осуществляемых органами государственной власти^{сxxxviii}.

Развитие предпринимательства представляет одно из направлений формирования рыночной экономики. Малые предприятия легче адаптируются к меняющимся потребностям рынка, тем самым ускоряют структурные преобразования в экономике. Малый бизнес способствует решению проблемы занятости, предоставляет более широкие возможности для получения дополнительных доходов.

Основной задачей моего исследования является рассмотрение современного положения малого и среднего предпринимательства в Республике

Бурятия и его проблем, а целью – выявление возможных перспектив и направлений развития.

Малый бизнес способствует решению проблемы занятости населения, т.к. трудовая деятельность в МП значительно доступнее, представляется более широкие возможности для получения дополнительных доходов (здесь и далее курсив мой - А.И.). В 2003 г. общая численность работающих на малых предприятиях республики составила 89 тыс. человек или 5,5% общей численности занятых в республике. Наиболее высокий удельный вес постоянно занятых на малых предприятиях в общей численности работников по всем отраслям наблюдается в Селенгинском (9,9%) и Баунтовском (7%) районах и г. Улан-Удэ (9,4%).

По видам деятельности малый бизнес охватывает практически все отрасли экономики республики, но наибольшее количество субъектов занимается розничной и оптовой торговлей, потребительскими товарами и продукцией производственно-технического назначения – 1339 предприятий (45,8% общего числа); 514 малых предприятий (17,6%) работает в промышленности, 339 (13,6%) – в строительстве^{сxxxviii}.

Поскольку малое предпринимательство наиболее развито в сфере торговли, на долю этого сектора экономики приходится свыше 64% оборота оптовой торговли и более 5% оборота розничной торговли. Так, за 2003 г. по данным обследования, малые предприятия получили выручку от реализации товаров, продукции, работ, услуг в размере 10,4 млрд. руб. Наибольший объем выручки приходился на предприятия торговли и общественного питания (69,7%).

Недостаточное развитие получил малый бизнес сельскохозяйственной отрасли. Доля предприятий сельскохозяйственного направления в общем количестве малых предприятий составило 4,5% (131 предприятие).

Малые предприятия республики вносят определенный вклад в производство продукции (работ, услуг). Только за 2004 г. всеми малыми

предприятиями произведено продукции (работ, услуг) в фактических ценах на сумму 4132,3 млн. руб. (в 2003 г. – 2858,5 млн. руб., в 2002 г. – 1910,3 млн. руб.) Больше половины (50,3%) продукции произведено за счет хозяйственной деятельности малых предприятий промышленности и строительства. Достаточно высок удельный вес продукции малых предприятий торговли и общественного питания (в 2002 г. – 47,5%; 2003 г. – 44,3; 2004 г. – 36,2%)^{сxxxviii}. Ими производится широкий спектр различной промышленной продукции. Они выпускают хлеб и хлебо-булочные изделия, пиво, мебель, добывают драгоценные металлы, занимаются изготовлением металлопластиковых окон и дверей, легких металлических конструкций, ювелирных изделий и продукции художественных промыслов.

На развитие малого предпринимательства, безусловно, влияет общеэкономическое состояние республики. Основной приток денежной массы в Бурятию сейчас происходит за счет федеральных бюджетных средств. В республике всегда было мало крупных заводов и фабрик, которые бы обеспечивали денежные вливания во внутренний денежный оборот из-за пределов республики. Ведь, чем больше денег в регионе, тем активнее экономическая жизнь, соответственно, интенсивнее работает и малое предпринимательство.

Выход малого бизнеса в производство затруднен тем, что обычно в этом секторе малые предприниматели играют вспомогательную роль, в качестве подрядчиков и субподрядчиков крупных корпораций. В Бурятии крупных предприятий, нуждающихся в смежниках, практически не наблюдается. В данный момент практически все наше малое предпринимательство – это магазины.

Пока основные надежды республиканской власти связаны с осуществлением долгосрочного планирования развития экономики. Наличие

стратегии развития региона – первый шаг к улучшению экономической ситуации Бурятии.

В настоящее время Министерство экономического развития и внешних связей РБ совместно с ГОУ ВПО «Академия народного хозяйства при Правительстве РФ» разрабатывает стратегию социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 г. Важно, чтобы такие стратегии были и у Сибири, в целом.

Формируя стратегию развития региона, органы власти должны определить приоритеты действий в условиях ограниченных ресурсов и конкуренции на довольно длительный промежуток времени. Стратегия задает направление долгосрочного развития региона и позволяет привлечь инвестиции, устанавливает правила игры. На начальном этапе будет сформулировано общее долгосрочное видение, или определена доктрина того, как будет развиваться территория в ближайшие 20 лет. Затем будут разработаны пятилетний и годовые планы ее действий и, одновременно будет определена система показателей эффективности работы аппарата.

Пока стратегия находится в стадии разработки, министерство экономического развития и внешних связей РБ обнародовало Прогноз социально-экономического развития РБ на 2007 г. и основные параметры прогноза на среднесрочную перспективу (до 2009 г.). Согласно прогнозу, приоритетными направлениями поддержки предпринимательства в среднесрочной перспективе остаются обеспечение доступности финансовых, материальных и информационных ресурсов, формирование благоприятного психологического климата и социальной эффективности малых предприятий. *Большие надежды в деле подъема экономики связываются с проектом туристско-рекреационной особой экономической зоны.*

Развитие туристической отрасли неразрывно связано с развитием сопутствующих отраслей, следовательно, и с дополнительной занятостью

населения. Соответственно будет развиваться индустрия услуг. В связи с этим, Правительство республики сейчас рассматривает кластерные подходы развития экономики.

Кластер выступает как схема, согласно которой все производство продукции, начиная от ее разработки, первичного изготовления и заканчивая продажей, идет по единой цепи. Применение кластерных организационных технологий является признанной стратегией повышения конкурентоспособности.

В современной экономике конкурируют уже не отдельные предприятия и холдинги, конкурируют кластеры. Отдельные предприятия не в состоянии успешно бороться на открытых рынках. Основным механизмом развития любого кластера – сочетание конкуренции и кооперации, взаимодействия всех основных участников: производственных, инфраструктурных и сервисных фирм, включая поставщиков, создателей технологий ноу-хау, связующих рыночных институтов (брокеры, консультанты), а также потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки.

Сейчас проводится работа по выявлению и ранжированию потенциальных кластеров республики, при этом корневым определен кластер «Туризм», который поведет за собой обеспечивающие: «Пищевой», «Восточная медицина», «Рыба», «Строительный». *Подобный подход позволит развивать не только туристическую отрасль, о которой так много говорят в последнее время, но и сопутствующие ей сферы*

В текущем году был выигран конкурс по предоставлению средств Российского банка развития на кредитование малого бизнеса в размере 22 млн. рублей, а также федеральный конкурс на предоставление субвенций на реализацию мероприятий по субсидированию части затрат субъектам малого предпринимательства по оплате вознаграждения по банковским гарантиям и поручительствам третьих лиц. На развитие системы гарантийного обеспечения малого бизнеса в республику была направлена субвенция в размере 3,6 млн.

рублей. Проектом предусматривается предоставление предпринимателям, не имеющим достаточного залога по кредиту, поручительства в размере недостающего обеспечения.

В настоящее время в Минэкономразвития и внешних связей РБ прорабатывается вопрос о предоставлении объектов недвижимого имущества республиканской собственности в качестве залога Бурятскому отделению Байкальского банка Сбербанка России. Предполагается, что под залог республиканского имущества Бурятское отделение Байкальского банка Сбербанка России предоставит кредитную линию фонду поддержки малого предпринимательства (ФПМП) в размере 10-12 млн. рублей. Затем уже ФПМП за счет этих средств будет предоставлять микрозаймы субъектам малого предпринимательства в размере до 200 тыс. рублей.

Также в Минэкономразвития работает общественная приемная, где начинающие предприниматели могут даже получить помощь в подготовке бизнес-планов. На конкурсной основе будут предоставляться гранты для реализации проектов.

Еще одним важным инструментом для развития малого предпринимательства станет республиканский бизнес-инкубатор. Это организация, которая создает наиболее благоприятные условия для стартового развития малых предприятий путем предоставления комплекса услуг и ресурсов. Бизнес-инкубатор обеспечивает предприятия площадью на льготных условиях, предоставляет средства связи, оргтехнику, необходимое оборудование, проводит обучение персонала и т.д.

Главной проблемой дальнейшего успешного развития малого бизнеса остается проблема его эффективного взаимодействия с институтами государственной власти и управления. В ходе экономических реформ так и не была создана рациональная система государственной поддержки малого

предпринимательства как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

Также среди основных причин можно отметить:

- отсутствие комплексной правовой системы, учитывающей интересы малого бизнеса;
- существующие административные барьеры, создающие трудности быстрому становлению малого предпринимательства;
- дороговизна и краткосрочность кредитных ресурсов, что делает их малодоступными для малых предприятий;
- несовершенство системы лицензирования отдельных видов деятельности;
- контроль малых предприятий со стороны преступных группировок.

На решение этих и других проблем направлена программа государственной поддержки и развития малого предпринимательства на перспективу. Она предусматривает:

- совершенствование нормативно-правовой базы, в том числе путем инициирования внесения изменений в республиканское и федеральное законодательство;
- активное взаимодействие и эффективное партнерство с союзами и объединениями предпринимателей, делегирование им отдельных функций;
- существенная активизация учебно-консультационной работы.

В результате реализации программы поддержки малого бизнеса значительно укрепится экономический потенциал малого предпринимательства, возрастет его роль в экономике республики.

1. Федеральный закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» от 14.06.1995 г. № 88 -ФЗ., статья № 4.
2. «Бурятия 2005»: статический ежегодник. Улан-Удэ, 2005. С. 181–182.
3. Там же. С. 182.
